А5 5/29 I

A 5 5/29

~~21~~ 5/24

30

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

ДО ПОЛОВИНЫ XV СТОЛѢТІЯ.

В. Б. Антоновича.

ВЫПУСКЪ I.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1878.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО

ДО ПОЛОВИНЫ XV СТОЛѢТІЯ.

В. Б. Антоновича.

ВЫПУСКЪ I.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1878.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1878 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

455685

Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго до половины XV столѣтія.

Въ половинѣ тринадцатаго столѣтія на западной окраинѣ восточной европейской равнины стало слагаться новое государство; изъ невѣдомой почти до того времени, лѣсной страны, залегавшей бассейнъ Нѣмана, выдвигается воинственное, молодое племя, сохранившее долѣе другихъ индоевропейскихъ народовъ черты самобытной дохристіанской культуры Арійцевъ. Съ удивительною быстротою племя это стремится создать обширный политическій организмъ и проявить въ немъ богатый запасъ энергіи и дѣятельности; историческія обстоятельства облегчаютъ ему въ значительной степени достиженіе этой цѣли и отдаютъ въ его распоряженіе обширную территорію, населенную родственнымъ ему и гораздо болѣе развитымъ и цивилизованнымъ племенемъ. Менѣе чѣмъ за столѣтіе слагается обширное государство—великое княжество Литовское—по видимому грозное для сосѣдей и располагавшее значительными силами и средствами. Не смотря однако на видимое внѣшнее могущество, на обширную и многолюдную территорію, вошедшую въ его составъ, на энергію господствовавшаго племени и на старую культуру племени подчиненнаго, на блестящія дарованія большинства своихъ представителей, великое княжество Литовское также быстро ослабѣваетъ и разрушается, какъ быстро возникло. Внутреннее безсиліе поражаетъ этотъ, по-видимому, могучій политическій организмъ; едва онъ успѣлъ сложиться, онъ ищетъ уже посторонней точки опоры, подчиняется вліянію сосѣдняго государства, гораздо болѣе слабаго матеріально и совершенно ему чуждаго по культурѣ; подъ давленіемъ его, медленно, почти безъ борьбы, Литовское княжество замираетъ, укладываясь въ бытовыя и общественныя формы, выработанныя на совершенно

чуждыхъ ему началахъ и при такихъ историческихъ условіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго съ ходомъ его собственной исторіи.

Причины этого внутренняго разлада лежали въ тѣхъ-же условіяхъ, которыя вызвали и сопровождали ростъ внѣшняго могущества великаго княжества Литовскаго:—въ быстротѣ этого роста и въ племенной разновидности двухъ этнографическихъ типовъ, вошедшихъ въ составъ одного политическаго тѣла: эти два національныя начала, сливаясь внѣшнимъ образомъ, не имѣли времени для того, чтобы взаимно уразумѣть въ достаточной степени бытовыя, сложившіяся у каждаго изъ нихъ, формы, чтобы взаимно пополнить положительными качествами каждаго изъ нихъ слабыя стороны своего развитія и чтобы слиться, такимъ образомъ, въ одно органическое тѣло. Связь между ними остается внѣшнею, вызванною, почти исключительно, политическими обстоятельствами и отношеніями. Заимствованіе бытовыхъ началъ происходитъ безъ выбора, случайно и въ большинствѣ случаевъ вполнѣ неудачно; рознь племенная, опирающаяся на отличительныя бытовыя различія двухъ племенъ, не сглаживается. Притомъ необходимость интензивной внѣшней борьбы съ крестоносцами отвлекаетъ ежеминутно вниманіе лучшихъ и самыхъ даровитыхъ правителей отъ занятій внутреннею плодотворною организаціею государства, и, нерѣдко, принуждаетъ ихъ къ поступкамъ и мѣропріятіямъ, совершенно противоположнымъ ихъ внутренней политикѣ. Среди безконечныхъ битвъ, походовъ и политическихъ сдѣлокъ съ могущественнымъ и опытнымъ противникомъ, внутреннія дѣла государства предоставляются на волю судьбы и установившихся обычаевъ; въ обычаяхъ-же именно и гнѣздится та рознь, которая вызываетъ внутренній разладъ въ обществѣ великаго княжества. Первое время существованія этого государства, съ начала XIV до половины XV столѣтія—время полной самостоятельности, быстраго роста и самаго большого проявленія внѣшней силы и могущества великаго княжества Литовскаго, представляетъ въ отношеніи исторіи внутренней его организаціи: при болѣе даровитыхъ правителяхъ—рядъ попытокъ не доконченныхъ, и потому неудачныхъ, къ сплоченію посредствомъ государственной власти разнородныхъ элементовъ, связанныхъ внѣшними условіями; при правителяхъ-же менѣе даровитыхъ, болѣе субъективныхъ, или болѣе слабыхъ,—рядъ вспышекъ интензивной внутренней борьбы, которая наконецъ разрѣшается совершеннымъ ослабленіемъ обѣихъ боровшихся сторонъ, сознаніемъ взаимнаго безсилія, апатіею и

обращеніемъ къ постороннему вмѣшательству, навязавшему обѣимъ сторонамъ чуждыя для нихъ бытовыя формы.

Борьба двухъ началъ, этнографическихъ и бытовыхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, попытки къ ихъ взаимному сближенію и взаимное ихъ воздѣйствіе другъ на друга, составляютъ главный интересъ, преисполненный по временамъ высокаго драматизма, исторіи великаго княжества Литовскаго въ указанный періодъ времени. Воспроизведеніе условій, при которыхъ слагалась въ это время общественная жизнь великаго княжества Литовскаго, на сколько это возможно при неполнотѣ и разрозненности дошедшихъ до насъ источниковъ, и составитъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

I

Литва и Русь до начала XIV столѣтія.

Первая попытка къ образованію Литовскаго государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое появленіе Литовцевъ на русской территоріи случились въ половинѣ XIII столѣтія; попытка эта увѣнчалась окончательнымъ успѣхомъ только въ первой четверти XIV, обобщивъ подъ властью князей изъ литовскаго рода почти всю западную половину русской земли. Для болѣе яснаго представленія послѣдующихъ событій, необходимо собрать въ краткомъ очеркѣ какъ ходъ этого движенія, такъ и дошедшія до насъ свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи находились оба племена до того времени, пока вошли въ составъ одного государства.

Исторія застаетъ Литовское племя разселеннымъ на Балтійскомъ Поморіи, между устьями Вислы и Западной Двины. Въ глубь материка Литовцы врѣзываются клиномъ между Славянъ, занимая нижнюю половину бассейна Западной Двины, по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, почти весь бассейнъ Нѣмана и, достигая крайними западными поселеніями до низовьевъ Вислы и южными—до средняго теченія Западнаго Буга. За исключеніемъ небольшаго пространства у устьевъ западной Двины, гдѣ Литовцы соприкасались съ финскимъ племенемъ—Ливами, на всемъ остальномъ протяженіи своихъ границъ Литовское племя было сопредѣльно съ Славянами: на юго-восточной границѣ—съ русскими племенами: Кривичами и Дреговичами, на югозападной—съ польскими: Мазовшанами и Поморянами. Такое географическое положеніе, при относительной малочисленности Литовскаго племени и при отсутствіи рѣзкихъ географическихъ границъ, должно было поставить судьбу Литовцевъ въ зависимость отъ исторической судьбы Славянъ, и ввести

ихъ раньше или позже въ Славянскій міръ, въ роли страдательной или активной, смотря по теченію историческихъ событій. Дѣйствительно въ продолженіи долгаго времени Литовцамъ принадлежитъ роль исключительно пассивная, и только, подъ давленіемъ рѣшительной политической необходимости, они очень поздно переходятъ къ роли дѣятельной по отношенію къ Славянамъ.

Древнѣйшія извѣстія о Литовцахъ свидѣтельствуютъ о давнемъ занятіи ими указанной территоріи: послѣ ея занятія Литовское племя успѣло уже развить нѣсколько этнографическихъ типовъ и подраздѣлиться на нѣсколько народовъ, извѣстныхъ сосѣдямъ подъ особенными названіями.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, мы можемъ указать въ X—XI столѣтіяхъ слѣдующіе народы, на которые распадалось тогда Литовское племя: на сѣверной оконечности Литовской территоріи, на правой сторонѣ западной Двины, между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и предѣлами чудскихъ народцевъ: Эстовъ и Ливовъ, жило племя, называемое въ Русскихъ лѣтописяхъ Летыголою (нынѣшніе Латыши). Вдоль лѣваго берега Двины, отъ средняго ея теченія и до моря простирался другой Литовскій народъ—Жемгала, упоминаемый въ этнографическомъ перечнѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, впослѣдствіи извѣстный, вслѣдствіе латинской транскрипціи ихъ имени, подъ названіемъ Семигалловъ (Semigallia). Выдающійся къ сѣверу, между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ, полуостровъ занятъ былъ третьимъ литовскимъ народомъ, носящимъ названіе Корси—въ русскихъ лѣтописяхъ и Куроновъ—въ сказаніяхъ западныхъ писателей. Въ центрѣ поселеній Литовскаго племени, по бассейну Нѣмана, размѣстились два народа: Жмудь —на нижнемъ теченіи этой рѣки, на ея притокахъ: Дубисѣ и Невяжѣ и на поморіи у ея устья и Литва (имя которой впослѣдствіи сдѣлалось генетическимъ названіемъ всего племени)—на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокѣ Вилiи. Эти два народа, болѣе многочисленные и занимавшіе центръ поселеній всего племени, призваны были теченіемъ историческихъ событій стать во главѣ борьбы за племенную самостоятельность и имъ собственно принадлежала иниціатива въ составленіи Литовскаго государства. Къ западу отъ Жмуди, вдоль морскаго берега, между устьями Нѣмана и Вислы, простирались поселенія десяти колѣнъ Прусскаго народа; Пруссы, выдаваясь длинною тесьмою на западъ, раньше другихъ стали извѣстны западнымъ сосѣдямъ Литовцевъ:

Славянамъ и Нѣмцамъ [1]). Вслѣдствіе географическаго положенія своей страны, Пруссы весьма рано должны были вступить въ борьбу съ иноплеменными сосѣдями для защиты своей самобытности, и потому они раньше и полнѣе другихъ народовъ Литовскаго племени развили своеобразные признаки первобытной народной культуры; у Пруссовъ собственно получили значительное развитіе народные миѳы Литовскихъ вѣрованій; у нихъ выработалось и установилось жреческое сословіе, составлявшее въ продолженіи долгаго времени единственную объединительную связь между всѣми колѣнами и народами Литовскаго племени; наконецъ у Пруссовъ сложились эпическія народныя сказанія (о Войдевутѣ и Прутенѣ), воспѣвавшія древнюю борьбу Пруссовъ съ Мазовшанами, ихъ порабощеніе послѣдними, освобожденіе отъ рабства вслѣдствіе развитія у Пруссовъ культурныхъ общественныхъ началъ: правильнаго культа боговъ, жреческаго сословія, правильнаго семейнаго союза и т. д., а также преданія о древнѣйшемъ разселеніи всего Литовскаго племени. Наконецъ, примыкая къ южнымъ закраинамъ собственной Литвы, узкимъ и длиннымъ клиномъ между Славянскими племенами: Мазовшанами и Дреговичами—простирались поселенія послѣдняго Литовскаго народа—Ятвяговъ, достигавшія до западнаго Буга и, вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ Волынскаго княженія.

Всѣ перечисленныя вѣтви Литовскаго племени составляли отдѣльные народы только въ этнографическомъ смыслѣ этого слова. Объединяющей политической власти не существовало до XIII ст. не только

---

[1]) Къ Пруссамъ относится древнѣйшее, дошедшее до насъ свидѣтельство о пребываніи Литовскаго племени на европейскомъ континентѣ; если мы сблизимъ названія двухъ прусскихъ колѣнъ: Судиновъ и Галиндовъ, съ двумя именами, помѣщенными Птоломеемъ въ его перечнѣ народовъ, населявшихъ европейскую Сарматію, то, можетъ быть съ нѣкоторую достовѣрностью, можемъ видѣть въ его указаніи первое по времени (II ст. п. Р. Х.) свидѣтельство о Литовцахъ; вотъ отрывокъ изъ перечня Птоломея: (Lib. III, cap. 5): Minores autem gentes tenent Sarmatiam penes Vistulam quidem fluvium: sub Venedis—Gythones sunt. Post Phinni, post Bulanes, sub quibus Phrungundiones. Post Avarini, juxta caput Vistulae amnis, sub quibus Ombrones. Post Anartophracti, post Burgiones, post Arsietae, post Saboci, post Piengitae et Biessi, penes Carpatum montem. Jis omnibus orientales sunt, sub Venedis quidem iterum—*Galindae et Sudeni.*

у отдѣльныхъ народовъ, но и у отдѣльныхъ колѣнъ, на которыя распадались эти народы. Характерическая черта быта Литовцевъ состояла въ отсутствіи первыхъ началъ государственности, выразившейся у Славянъ возникновеніемъ городовъ, т. е. центральныхъ пунктовъ земскаго единства въ территоріи каждаго племени, гдѣ обсуждались общественныя дѣла и откуда истекали рѣшенія, которымъ подчинялись тянувшія къ городамъ племена. Русскія лѣтописи, передавая уже съ X вѣка свѣдѣнія о походахъ русскихъ князей на Литву, не упоминаютъ о городахъ на Литовской территоріи[1]). Это отсутствіе городовъ гораздо болѣе наглядно указано польскими лѣтописцами, при описаніи походовъ польскихъ князей на Пруссовъ и Ятвяговъ; такъ въ хроникѣ Мартына Галла, подъ 1110 годомъ, описанъ походъ Болеслава III на Пруссовъ слѣдующими словами: „Болеславъ вошелъ въ ихъ землю зимою, по льду замерзшихъ озеръ и болотъ, представлявшихъ единственный путь въ ихъ страну; но, переправившись черезъ озера и болота и достигнувъ населенной страны, онъ не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ; онъ не могъ занять *ни замковъ, ни городовъ, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ*, ибо страна защищена только естественнымъ мѣстоположеніемъ своимъ, составляя острова среди озеръ и болотъ; вся земля распредѣлена тамъ по жребію въ потомственное пользованіе жителямъ земледѣльцамъ. И такъ, воинственый Болеславъ, пройдя въ разныхъ направленіяхъ по странѣ этого варварскаго народа, собралъ огромную добычу, увелъ въ рабство безчисленныхъ мужчинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, рабовъ и рабынь, сжегъ многія села и постройки (aedificia villasque multas) и безъ бою, съ добычею возвратился въ Польшу“ [2]). Точно такую-же характеристику литовскихъ

---

[1]) Вотъ извѣстія записанныя Русскими лѣтописями о походахъ русскихъ князей на Литву до половины XII ст.:—983 иде Володиміръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и всю землю ихъ.

— 1112. Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчь, и побѣди я.

— 1038. Иде Ярославъ на Ятвяги.

— 1040. Ярославъ иде на Литву.

— 1044. Ходи Ярославъ на Литву и на весну заложи Новгородъ.

— 1059. Побѣди Изяславъ Голяди.

— 1132. Ходи Мстиславъ на Литву съ сыны своими, и съ Ольговочи, и съ Всеволодомъ Городеньскимъ, и пожегоша я, и сами ея росхорониша.

[2]) См. Galli Chronicon въ изданіи А. Белевскаго **Monumenta Poloniae historica**, т. I страница 478.

областей даетъ другой польскій лѣтописецъ, Викентій Кадлубекъ, при описаніи походовъ польскихъ князей на Пруссовъ и Ятвяговъ; такъ, описывая вторженіе польскаго герцога Болеслава Кудряваго въ Пруссію (1167) онъ говоритъ: „Болеславъ, собравъ многочисленный отрядъ войска, рѣшился предпринять походъ въ землю Гетовъ (Пруссовъ), недоступную по своему мѣстоположенію, хотя вовсе не укрѣпленную искусствомъ“ [1]). Длугошъ, описывающій болѣе подробно этотъ походъ, прибавляетъ: „уже вожди и войско польское проникли внутрь страны, жестоко истребляя народонаселеніе: взрослыхъ и отроковъ, и предавая пламени мночиленные хутора и села“ (villas et vicos) [2]). Въ описаніи похода польскаго герцога Казимира Справедливаго на Ятвяговъ (1192) Кадлубекъ говоритъ слѣдующее объ области, занятой этимъ Литовскимъ племенемъ: „Поллексіяне (Ятваги)—одно изъ племенъ Гетовъ или Пруссовъ, народъ жестокій и болѣе свирѣпый чѣмъ дикіе звѣри; страна ихъ не доступна по причинѣ обширныхъ пущъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и вязкихъ болотъ“. Поляки, ворвавшись въ страну эту, „предавали пламени: храмы, мызы, села, возвышавшіяся зданія и житницы, наполненныя хлѣбомъ [3]). *Городовъ-же у нихъ нѣтъ; они, подобно дикимъ звѣрямъ, незнакомы съ городскими стѣнами*“.

На туже черту въ быту Литовцевъ указываютъ и западные источники. Составитель житія св. Войтеха, передавая исторію его миссіонерскаго странствованія въ Пруссію, упоминаетъ только сельскія поселенія (villa, pagus, vicus) [4]). Петръ Дюсбургъ, составившій весьма подробное описаніе покоренія Пруссіи крестоносцами, ни разу не упоминаетъ о городахъ въ этой странѣ и говоритъ только по временамъ о существованіи засѣкъ или укрѣпленныхъ лагерей (castra et firma) [5]); конечно на такія-же боевыя временныя укрѣпленія у Ятвяговъ указываетъ и Ипатская лѣтопись подъ 1194 годомъ, обозначая ихъ именемъ „*тверди*“ [6]).

---

[1]) Magistri Vincentii, episcopi Cracoviensis, Chronica Polonorum. Изданіе Ржездецкаго. Краковъ 1862. стр. 151.

[2]) Joannis Dlugossi, Historia Polonica, Lipsiae 1711, I. т., стр. 510.

[3]) Fana, burgos, rogos, celsas aedium fabricas, cum spicariis horrea flammis involvunt. Quia municipiorum nullus apud eos usus, cosdem enim urbium habent muros, quos et ferae. Chron. Pol. ut sup. стр. 201—202.

[4]) Canaparius—Vita et passio sancti Adalberti.

[5]) Petri de Düsburg Chronicon Prussiae. Pars tertia. Cap III.

[6]) Ипатская лѣтопись, стр. 471.

Если обратимся къ исторіи основанія литовскихъ городовъ, существовавшихъ въ послѣдствіи, то замѣтимъ, что не только точныя свѣдѣнія, но и народныя преданія о ихъ основаніи, относятъ время ихъ возникновенія не раньше какъ къ началу XIV или къ концу XIII столѣтій. Такъ, первыя города въ Пруссіи построены были крестоносцами, послѣ завоеванія ими этой страны. Въ землѣ Жемгалы упоминается городъ Тервета, укрѣпленный туземцами, уже въ исходѣ ихъ борьбы съ Ливонскимъ орденомъ, въ концѣ XIII столѣтія. Въ землѣ Ятвяговъ, единственные существовавшіе города были основаны волынскими князьями, по мѣрѣ покоренія ими этой страны. На границѣ собственной Литвы города также возводились русскими князьями, какъ Гродно, упоминаемое въ лѣтописи уже подъ 1128 годомъ и Новгродокъ Литовскій, основаніе котораго приписывалось В. К. Ярославу. Что-же касается собственно литовскихъ городовъ, то, если устранимъ совершенно произвольную хронологію, придуманную для баснословной литовской исторіи Стрыйковскимъ, мы найдемъ сколько нибудь точныя указанія и преданія объ основаніи литовскихъ городовъ не раньше половины XIII столѣтія. Такъ упоминаніе о Керновѣ встрѣчаемъ около 1250 г., объ Эйраголѣ въ 1262, о Гольшанахъ въ 1280, о Ковнѣ около 1280, о Тельшахъ, Вильнѣ, Трокахъ, Лидѣ только около 1320 и т. д. [1]).

На ряду съ отсутствіемъ въ Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ земскихъ центровъ, мы находимъ полное отсутствіе и монархической власти, которая бы успѣла подчинить своему авторитету сколько нибудь значительныя части Литовскаго племени. Относительно этого факта мы встрѣчаемъ такое-же согласіе въ указаніяхъ всѣхъ источниковъ, какъ и относительно отсутствія городовъ на Литовской территоріи. Русскія, польскія и нѣмецкія лѣтописи, описывая военныя столкновенія Литовскихъ племенъ съ сосѣдями до половины XIII столѣтія, всегда указываютъ только имя народа или племени Литовскаго, съ которымъ происходило данное столкновеніе, но при этомъ не только не называютъ именъ литовскихъ вождей, но даже не упоминаютъ о существованіи какихъ-бы то ни было правителей.

Только съ половины XIII столѣтія, когда свѣдѣнія о Литовскомъ племени становятся болѣе подробными и обстоятельными въ лѣтописныхъ

[1]) Baliński i Lipiński Starożytna Polska III, стр. 125, 202, 222, 252, 299, 397, 525, 562 etc.

источникахъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ упоминаніе о литовскихъ вождяхъ, но, по самому характеру этихъ свѣдѣній, мы убѣждаемся въ отсутствіи государственной власти на сколько нибудь обширной территоріи у Литовскихъ племенъ. Эти первыя свѣдѣнія о вождяхъ литовскихъ указываютъ на то обстоятельство, что, до второй половины XIII столѣтія, власть, извѣстныхъ лѣтописцамъ, начальниковъ, простиралась только на незначительные сельскіе округи, на отдѣльныя волости; вожди эти были скорѣе волостные старшины, правдоподобно представители отдѣльныхъ родовъ или клановъ [1]), чѣмъ монархическіе правители въ государственномъ смыслѣ слова. Отличительныя признаки этихъ первыхъ извѣстій о литовскихъ вождяхъ состоятъ въ слѣдующемъ: упоминанія объ нихъ всегда указываютъ за разъ цѣлую группу этихъ начальниковъ на незначительномъ пространствѣ территоріи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ районъ ихъ власти можетъ быть опредѣленъ по свидѣтельству источника, оказывается, что онъ обнималъ предѣлы небольшой волости или, можетъ быть, рода, носившей, какъ кажется, свое отдѣльное, спеціальное названіе. Волости эти не только не были связаны между собою никакою общею государственною властью, но и, весьма часто, не сознавали общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ иноплеменникамъ; каждая волость и каждый вождь дѣйствовали на свою руку, независимо, иногда въ союзѣ другъ съ другомъ, иногда врозь и даже во вредъ другъ другу.

Черты эти яснѣе всего выступаютъ въ сказаніяхъ Ипатской лѣтописи о борьбѣ галицко-волынскихъ князей съ Ятвагами. Такъ, подъ 1248 годомъ, разсказывая о побѣдѣ, одержанной Василькомъ Романовичемъ надъ Ятвягами у Дрогичина, лѣтописецъ говоритъ, что въ битвѣ „убито бысть князій Ятвяжскихъ сорокъ“ [2]). Далѣе, описывая подъ 1256 годомъ большой походъ на Ятвяговъ Данила Романовича въ союзѣ со многими русскими и польскими князьями, лѣтописецъ передаетъ

---

[1]) Мы не имѣемъ ясныхъ указаній на то, что упоминаемые въ источникахъ вожди были представителями родоваго начала; нѣкоторые намеки только въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ въ Ипатской лѣтописи: здѣсь, въ перечнѣ литовскихъ князей подъ 1215 г. упоминаются 2 рода: Рушковичи и Булевичи; въ описаніи-же похода на Ятвяговъ 1258 года—три рода: Злинцы, Покинцы и Кресменцы (стр. 492 и 552.)

[2]) Ипатская лѣтопись стр. 531.

слѣдующія интересныя подробности: проводникомъ Даниловой рати служилъ ятвягъ Анкадъ, принявшій на себя эту обязанность подъ условіемъ, что его село будетъ пощажено. Русскіе полки напали на три волости или клана, носившіе отдѣльныя названія: Злинцы, Кисменцы и Покинцы и разорили ихъ поселенія, они брали порознь ятвяжскія села: Олдыкище, Привище, Корковичи и друг., причемъ сосѣднія ятвяжскія волости не являлись для подмоги пострадавшимъ. Въ Привищахъ былъ свой князь, который погибъ въ защитѣ роднаго села, на другой день Русскіе сожгли домъ другого князя Стекинта, и, за тѣмъ, явился въ русскій станъ для переговоровъ третій ятвяжскій князь Юндилъ [1]).

Подобное-же общественное устройство существовало въ Пруссіи. Еще въ началѣ XII в.; въ сказаніи Виперта о смерти св. Брунона мы встрѣчаемъ свидѣтельство о томъ, что Пруссы жили подъ властію мелкихъ волостныхъ родоначальниковъ; такъ, по словамъ сказанія, св. Брунонъ успѣлъ убѣдить одного прусскаго царя, Нетимера, принять крещеніе вмѣстѣ съ его народомъ, состоявшимъ изъ 300 мужей, но, вслѣдъ за тѣмъ, владѣтель сосѣдняго округа напалъ на владѣнія Нетимера и предалъ казни миссіонеровъ [2]). Въ подробномъ разсказѣ Петра Дюсбурга о завоеваніи Пруссіи крестоносцами, весьма часто упоминаются имена туземныхъ вождей, но изъ самаго-же разсказа видно, что власть ихъ простиралась на весьма незначительные округи; нѣсколько такихъ вождей упоминается обыкновенно въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстностяхъ и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самостоятельно, не подчиняясь другому [3]). Желая упрочить свое завоеваніе и подчинить своему господству прусское населеніе посредствомъ гражданскихъ связей, крестоносцы признали дворянскія права и оставили нѣкоторую долю поземельныхъ владеній тѣмъ туземнымъ владѣльцамъ, которые добровольно признали надъ собою власть ордена и приняли крещеніе [4]). Что

---

[1]) Ипатская лѣтопись стр. 551—553.

[2]) Historia de praedicatione episcopi Brunonis.

[3]) Такъ подъ 1273 г. у Дюсбурга упоминаются современные, независимые прусскіе вожди: Glappe capitaneus Warmiensium, Glekine capitaneus Bartorum, Skumand capitaneus Sudovitarum, Linko Pogesanus, Steinow, Pobraw, Tirsko castelanus de Villow. Chronicon Prussiae pars III, cap. 125, 131, 134, 138, 161, 170.

[4]) Тамъ-же часть III, cap. 215.

льготы эти относились не къ болѣе знатнымъ и благороднымъ лицамъ прусскаго происхожденія, но къ самостоятельнымъ владѣльцамъ мелкихъ независимыхъ клановъ, на то мы имѣемъ указаніе въ привилегіи, данной магистромъ ордена крестоносцевъ городу Бартенштейну въ 1332 году. Привилегія эта, опредѣляя границы судебной власти магистрата, предоставляетъ ему право суда въ стѣнахъ города и надъ Пруссаками, которые различаются такъ: „Pruteni, *sub regibus Prutenicalibus residentes* et alii Pruteni advenae". Нѣмецкіе источники, упоминая о мелкихъ литовскихъ начальникахъ, не знаютъ какой титулъ западной феодальной гіерархіи слѣдуетъ примѣнить къ нимъ, и потому называютъ ихъ безразлично именами: rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus и т. д.

Такое же раздробленіе народа на многочисленныя мелкія владѣнія мы встрѣчаемъ и во внутреннемъ быту собственной Литвы и Жмуди, хотя въ этомъ отношеніи мы можемъ указать менѣе ясные источники. Единственнымъ положительнымъ свидѣтельствомъ о существованіи въ Литвѣ одновременно многихъ мелкихъ князей мы обязаны Ипатской лѣтописи. Здѣсь, подъ 1215 годомъ, передается извѣстіе о посольствѣ литовскихъ князей къ князьямъ галицкимъ съ цѣлью заключить съ ними договоръ; посольство это явилось отъ имени двадцати литовскихъ и жмудскихъ князей, имена которыхъ приводятся лѣтописцемъ [1]). Подобный же фактъ является какъ единственный выводъ, который мы можемъ добыть изъ темнаго, исполненнаго анахронизмовъ и искусственныхъ сближеній, текста Литовской лѣтописи, изданной по списку Быховца [2]).

Эта Литовско-русская лѣтопись, единственная передающая свѣдѣнія и преданія о древнѣйшей Литовской исторіи, представляетъ сводъ, составленный очень поздно — во второй половинѣ XVI столѣтія. Составитель этой лѣтописи собралъ множество легендъ, сложившихся въ качествѣ мѣстныхъ и родовыхъ преданій многихъ областей и фамилій литовскихъ, но, вмѣсто того, чтобы передать матеріалъ, въ томъ видѣ,

---

[1]) Ипатская лѣтопись стр. 491—492.

[2]) Изданіе Нарбута. Pomniki do dziejow Litewskich стр. 2—14. Вильно 1846. Рукописный списокъ той же лѣтописи, хранящійся въ Познанской библіотекѣ.

въ какомъ онъ его собралъ, составитель подвергнулъ его насильственной, искусственной группировкѣ. Перенося современныя себѣ понятія объ обширности территоріи Литовскаго государства и о значеніи и преемственности великокняжеской власти, на то отдаленное время, преданія о которомъ дошли до него, составитель лѣтописи т. н. Быховца, размѣстилъ дошедшія до него свѣдѣнія въ послѣдовательной связи и помѣстилъ имена князей въ мнимомъ преемственномъ порядкѣ, предполагая въ каждомъ изъ нихъ великаго князя литовскаго въ позднѣйшемъ значеніи этого титула.

Конечно, попытка эта оказалась вполнѣ неудачною, и авторъ долженъ былъ наткнуться на цѣлый рядъ хронологическихъ несообразностей и противурѣчій; желая размѣстить свой матеріалъ по предвзятому плану, онъ долженъ былъ устанавливать предполагаемыя степени родства между различными князьями, долженъ былъ объяснять посредствомъ наивныхъ догадокъ постоянную перемѣну мѣста пребыванія мнимыхъ великихъ князей литовскихъ, долженъ былъ иногда разсказывать одну и туже біографію подъ различными именами (Лаврашъ и Войшелкъ) или одному и тому-же лицу приписывать двѣ различныя біографіи (Скирмунтъ, Эрдивилъ, Викинтъ) и т. д.

Отбросивъ въ сторону всѣ тѣ извѣстія лѣтописи Быховца, которыя произошли отъ неудачныхъ компиляторскихъ пріемовъ ея составителя, мы должны однако признать, что матеріалъ, которымъ онъ пользовался, составляетъ единственный дошедшій до насъ отголосокъ преданій объ исторіи Литвы за время, предшествовавшее возникновенію Литовскаго государства.

Возстановляя этотъ матеріялъ по возможности, съ крайнею осторожностію, мы будемъ въ состояніи сдѣлать изъ него только слѣдующіе выводы: 1) преданія, дошедшія до составителя лѣтописи Быховца, были заимствованы имъ или изъ существовавшихъ еще въ половинѣ XVI столѣтія неясныхъ мѣстныхъ топографическихъ преданій (преданія объ основаніи городовъ: Юрборка, Ковно, Вилькомира, Кернова и т. д., преданія о мѣстностяхъ, гдѣ происходили болѣе замѣчательныя битвы: Кайдановъ, Могильная; преданія о мѣстахъ, посвященныхъ древнему языческому культу: гора Швентирога, святилище надъ рѣкою Святою въ Девалтовѣ и т. п.), или изъ фамильныхъ болѣе точныхъ преданій знатныхъ литовскихъ родовъ. 2) Фамильныя, преданія, записанныя составителемъ лѣтописи изъ родовыхъ воспоминаній литовскихъ санов-

никовъ XVI вѣка, можетъ быть изъ ихъ фамильныхъ записокъ и документовъ, свидѣтельствуютъ, что каждый знатный коренной Литовскій родъ сохранялъ еще въ XVI столѣтіи воспоминаніе о томъ, что его предки были нѣкогда самостоятельными владѣтелями извѣстнаго участка литовской территоріи: такъ, родоначальники Гаштолдовъ были нѣкогда князьями въ Ошмянѣ. Довойны происходили отъ рода княжившаго въ Эйкшишкахъ, Монвиды княжили въ Гравжишкахъ, Гедройти—въ Гедройшишкахъ; кромѣ того въ лѣтописи указаны самостоятельные князья: въ Утянѣ, Эйраголѣ, Керновѣ, Юрборкѣ, Кунасовѣ, Вилькомирѣ, въ земляхъ: Завельской, Давалтовской, Заналешанской и т. д. 3) Не смотря на попытку составителя расположить всѣхъ этихъ мѣстныхъ князей въ послѣдовательномъ порядкѣ и въ генеалогической связи другъ съ другомъ, мы, изъ его же разсказа, видимъ, что они были современники. Такъ изъ 39 именъ князей, упомянутыхъ въ лѣтописи Быховца до времени вокняженія Витеня, предшественника Гедимина, болѣе 20 именъ, расположенныхъ по девяти степенямъ родства по нисходящей линіи, приходятся на время отъ прибытія Нѣмцевъ въ Лифляндію (1186 по лѣтописи Генриха Латыша) до вокняженія Мендовга (1235 по извѣстіямъ Ипатской лѣтописи). Между тѣмъ о большинствѣ этихъ князей лѣтопись разсказываетъ, что они княжили очень долго („панuючи князю Троняте не мало лѣтъ, потомъ умеръ“. „Рынгольтъ жилъ много лѣтъ и умре“ и т. д.). Точно также на время отъ нашествія Батыя (1240) до вокняженія Витеня (1292 по Дюсбургу) приходится 33 имени князей, упомянутыхъ въ лѣтописи Быховца, расположенныхъ въ девяти степеняхъ генеалогической таблицы. На основаніи этихъ выводовъ, мы полагаемъ, что тѣ немногія данныя, которыя мы можемъ извлечь изъ лѣтописи Быховца, указываютъ на туже черту быта въ Жмуди и собственной Литвѣ, о которой относительно Пруссіи и земли Ятвяжской мы имѣемъ болѣе прямыя и ясныя свидѣтельства.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, мы полагаемъ, что до половины XIII столѣтія, Литовское племя не составляло государства; оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Народы Литовскаго племени объединялись только общностью этнографическою и культурною: тождество происхожденія, языка, быта составляли между различными народами Литовскаго племени связь этнографическую; тождество преданій и религіознаго культа

служило связью нравственною, культурною; послѣдняя проявлялась и единственными наглядными признаками народнаго единства: общими, центральными для всего племени, святилищами и общимъ сословіемъ жрецовъ, состоявшимъ подъ управленіемъ центральной жреческой коллегіи, Кривитовъ и ея начальника Криве—Кривейта [1]).

Вѣроятно, развиваясь постепенно, безъ сильнаго давленія извнѣ, Литовское племя образовало бы теократическое государство, которое представляло бы союзъ болѣе или менѣе крупныхъ племенъ и округовъ, подъ верховною властью первосвященника; но историческія внѣшнія условія заставили Литовцевъ ускорить политическую организацію всего племени и замѣнить мирную, опиравшуюся исключительно на нравственномъ вліяніи, власть жрецевъ, властію князей, вооруженныхъ мечемъ, необходимымъ для спасенія самобытности племени. Пока единственными сосѣдями Литовцевъ были Славяне—Русскіе и Поляки, взаимныя отношенія обоихъ племенъ не принимали характера истребительной вражды: рѣдкіе походы русскихъ и польскихъ князей на Литовскія земли ограничивались временнымъ разореніемъ пограничныхъ волостей и требованіемъ дани; вторженія Литовцевъ въ земли Новгородскія, Полоцкія и Мазовецкія, носили характеръ пограничныхъ набѣговъ съ цѣлью добычи и грабежа, но мы не видимъ въ этихъ столкновеніяхъ, ни посягательства на самобытность Литовскаго племени съ одной стороны, ни стремленія къ захвату Литовцами Славянской территоріи съ другой. Обстоятельства эти перемѣнились съ концемъ XII и началомъ XIII столѣтія, когда на границахъ литовской территоріи появился новый грозный сосѣдъ; почти въ одно время на двухъ противуположныхъ окраинахъ земли Литовской поселились Нѣмцы, немедленно заявившіе завоевательную тенденцію и устремившіеся на разрозненныя Литовскія племена съ неудержимою энергіею. Выставляя религіозную ревность къ обращенію язычниковъ главною побудительною причиною своего натиска на Литву, германскіе рыцарскіе ордены пользовались сочувствіемъ и матеріальною поддержкою всего католическаго міра;

---

[1]) Fuit autem in Nadrovia locus quidam, dictus Romow, in quo habitabat quidam, dictus Criwe, quem colebant pro Papa. Quia, sicut dominus Papa regit universalem ecclesiam fidelium, ita ad istius nutum seu mandatum, non solum gentes praedictae (Prutenicae), sed et Letthowini et aliae nationes Livoniae terrae, regebantur. Dusburg. ч. III, гл. 5.

предлагая широкое поле для рыцарскихъ подвиговъ, они указывали легкій и удобный способъ удовлетворенія отживавшимъ уже рыцарскимъ увлеченіямъ западно-европейскихъ паладиновъ; вмѣсто отдаленнаго, дорогаго и труднаго похода въ Палестину, для рыцарей открывалось новое поле дѣйствія, столько-же освященное религіозными мотивами, но болѣе близкое и безопасное; вмѣсто тяжелыхъ переходовъ по знойнымъ пустынямъ Сиріи, вмѣсто серьезной и опасной борьбы съ воинственными и многочисленными полчищами Турокъ и Монголовъ, рыцари получали возможность, съ равною славою, побывать въ странѣ болѣе близкой, порубежной съ отечествомъ многихъ изъ нихъ; имъ предстояли переходы по тѣнистымъ лѣсамъ береговъ Нѣмана; вмѣсто опасныхъ битвъ, имъ приходилось истреблять огнемъ литовскія села и мечомъ— почти безоружныя, разрозненныя и не представлявшія, для закованныхъ въ желѣзо рыцарей, опаснаго сопротивленія скопища литовской деревенщины; и тѣмъ не менѣе они пользовались въ западномъ обществѣ славою военныхъ подвиговъ, посвященныхъ на служеніе церкви. Съ цѣлью пріобрѣсти эту громкую и дешевую славу, показать рыцарскую удаль, не подвергаясь очевидной опасности, толпы рыцарей являлись въ началѣ каждой весны на подмогу нѣмецкимъ крестоносцамъ и раздвигали шагъ за шагомъ границы ихъ владѣній. Крестовые рыцари и ихъ гости съ каждымъ годомъ подвигались дальше вглубь Литовскихъ земель, опустошали новыя волости, насильно крестили жителей, наказывали ихъ сопротивленіе или отпаденіе отъ христіанства рабствомъ; покорныхъ-же облагали тяжелыми налогами, лишали большей части земель въ пользу нѣмецкихъ колонистовъ и подвергали желѣзнымъ тискамъ орденской администраціи. Литовцы пытаются отстоять свою независимость со всею силою твердой, стойкой энергіи, свойственной ихъ племени, но разрозненные, безъ взаимной связи между собою, они не могутъ представить серьезнаго препятствія нѣмецкому завоеванію; одна волость за другою, одно колѣно за другимъ борется съ отчаяніемъ за свою свободу и падаетъ въ неравной борьбѣ. Только послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій несчастной борьбы, Литовскія племена убѣждаются, что безъ прочной государственной связи, они исчезнутъ постепенно одно за другимъ въ упорной безплодной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ; создать-же эту связь изъ собственныхъ элементовъ они безсилны; потому они стараются примкнуть къ государствамъ ближайшихъ сосѣдей. Два литовскіе народа, прежде всего подвергшіеся опасности, первые ищутъ

спасенія въ попыткахъ подобнаго рода: Латыши пытаются признать надъ собою власть полоцкаго князя и съ его помощью отбиваются отъ Ливонскаго ордена [1]); Пруссаки подчиняются своимъ сосѣдямъ, князьямъ славянскаго Поморья (Святополку и Мествину 1242—1266) [2]) и предоставляютъ имъ руководство своими силами. Но эти первые опыты государственнаго устройства не приводятъ къ желанной цѣли; ни полоцкіе, ни поморскіе князья не имѣютъ ни достаточныхъ силъ и авторитета, ни достаточнаго времени для того, чтобы сломить вѣковыя привычки Литовцевъ и изъ разсыпанной группы клановъ создать быстро, среди борьбы, стройное и прочное государство. Попытки эти только замедлили на время наступательное движеніе Нѣмецкаго ордена, но не могли ему помѣшать, къ концу XIII столѣтія, подчинить себѣ окончательно съ одной стороны Пруссію, съ другой—земли Латышей и Жемгалы.

Границы владѣній ордена приблизились, такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ къ поселеніямъ собственной Литвы и Жмуди и для этихъ народовъ пришла очередь бороться съ иноземнымъ завоеваніемъ. Но пока ихъ соплеменники отражали натискъ нѣмцевъ, народы эти, пользуясь своимъ выгоднымъ географическимъ положеніемъ, успѣли создать болѣе прочный государственный строй, и потому встрѣтили борьбу съ болѣе стройными силами.

Силы эти Литовцы пріобрѣтаютъ вслѣдствіе новыхъ отношеній, въ какія они стали къ Руси въ теченіи XIII столѣтія.

Еще съ конца XII вѣка мы видимъ новый поворотъ въ теченіи Русской исторіи. Обширное государство, составившееся въ X и XI столѣтіяхъ усиліями кіевскихъ князей, стрѣмится къ децентрализаціи. Отдѣльныя области обширной Русской территоріи, опираясь на тяготѣніе врозь населявшихъ ее племенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на родовые счеты многочисленной княжеской семьи, стремятся къ самостоятельности. Власть кіевскихъ князей постепенно падаетъ, вліяніе ихъ на области ослабѣваетъ. Вмѣсто бывшаго общаго центра государственной власти въ Кіевѣ, возникаетъ нѣсколько новыхъ центровъ государственной жизни Руси. Эта политическая перемѣна опирается притомъ на внутренній переломъ, случившійся въ распорядкѣ составныхъ элементовъ русскаго общества. Между тѣмъ какъ въ Кіевѣ три составныя общественныя силы русскаго общества: князь, вѣче и дружина, находились

[1]) Генрихъ Латышъ. Origines Livoniae sacrae et civilis an. 1212—1214.
[2]) Dusburg ч. III, гл. 32—124.

въ постоянной борьбѣ между собою и уравновѣшивали другъ друга, въ каждомъ изъ новыхъ центровъ одно изъ этихъ составныхъ началъ беретъ перевѣсъ надъ двумя другими и доставляетъ сильную точку опоры для новой государственной жизни: въ Ростовской землѣ княжеская власть, усиливаясь быстро съ половины XII столѣтія, подчиняетъ себѣ и немногочисленныя городскія общины Ростово-Суздальской земли и дружину. Въ Новгородѣ и его пригородахъ вѣче составляетъ основное начало государственнаго устройства; оно низводитъ князя на степень зависимаго, смѣняемаго по волѣ вѣча, кормленника, оно поглощаетъ и ассимилируетъ съ собою боярское сословіе. Въ Галицкой землѣ и, подъ ея вліяніемъ, въ Волынской—дружинный элементъ беретъ перевѣсъ надъ двумя другими; слѣды общины изчезаютъ еще при Ростиславичахъ, а при Романовичахъ, не смотря на упорное сопротивленіе и репрессивныя мѣры Романа и Даніила, власть князей все болѣе и болѣе ограничивается дружинниками, которые подчиняютъ наконецъ князя совѣту бояръ, составившихъ какъ-бы постоянный сенатъ, руководившій его политическими дѣйствіями [1]).

Пока въ земляхъ: Ростовской, Новгородской и Галицкой устанавливались на новыхъ началахъ новые государственные центры Русской жизни, въ обширной полосѣ русскихъ земель, находившихся между указанными центрами, ни одно общественное начало не осилило двухъ другихъ, и борьба между ними, усложняясь личною борьбою вѣтвей и лицъ княжескаго рода, вела постепенно все къ большему и большему дробленію территоріи и ослабленію въ ней государственной власти. Территоріи княжествъ: Смоленскаго, Черниговскаго, Сѣверскаго, Полоцкаго, Туровскаго, равно какъ и области, составлявшія непосредственное владѣніе Кіевскаго стола, подвергаются этой участи. Между тѣмъ какъ въ началѣ XII в. весь интересъ исторической жизни, а, вмѣстѣ съ тѣмъ и вниманіе лѣтописцевъ, сосредоточиваются во Владимірѣ на Клязьмѣ, Новгородѣ, Галичѣ, о промежуточной между этими центрами полосѣ до насъ доходятъ лишь свѣдѣнія отрывочныя, неполныя; однако изъ свѣдѣній этихъ мы узнаемъ, что области эти отошли на

---

[1]) Дошедшія до насъ грамоты послѣднихъ Галицкихъ князей писались отъ имени и за печатью не одного князя, но »una cum dilectis et fidelibus nostris baronibus militibusque«. См. грамоты Юрія II у Зубрицкаго—Ист. древн. Галицкаго-Русскаго княжества т. III, стр. 252.

второй планъ, ослабѣли и находятся въ состояніи постоянной внутренней борьбы, которой задачи и размѣры постепенно все болѣе и болѣе мельчаютъ.

Раньше другихъ Русскихъ земель обособилась, въ родѣ Изяслава Владиміровича, Полоцкая область. Послѣ неудачной попытки Мстислава Владиміровича (1129) присоединить вновь ее къ Кіевскому княженію, Полоцкая земля достигаетъ значенія независимаго княжества; но, вслѣдъ за тѣмъ, въ Полоцкой землѣ съ страшною силою разгорается внутренняя борьба за преобладаніе: вѣче Полоцкое споритъ съ княземъ и, пользуясь многочисленностью княжеской Полоцкой семьи, старается, частою перемѣною князей изъ разныхъ вѣтвей этой семьи, установить свое право на выборъ и низложеніе князя [1]); къ этой борьбѣ двухъ общественныхъ началъ за верховную власть, присоединяется борьба между самими городскими общинами за первенство и преобладаніе; Минскъ оспариваетъ первенство у Полоцка и считаетъ себя главою южной половины Кривицкой территоріи; пригорода, въ свою очередь, стараются противодѣйствовать вліянію главнаго вѣча, и, нерѣдко, съ умысломъ поддерживаютъ притязанія князей, не помирившихъ съ вѣчемъ главнаго города. Такъ Дручане поддерживаютъ постоянно князей, изгнанныхъ полоцкимъ вѣчемъ; князья, изгнанные изъ Полоцка или Минска, находятъ убѣжище въ Слуцкѣ и т. п. Несогласія и антагонизмъ городовъ находятъ постоянную точку опоры въ честолюбіи и соревнованіи многочисленныхъ потомковъ князя Всеслава Брячиславича; земля дробится на многочисленные удѣлы; въ разрозненныхъ и неполныхъ лѣтописныхъ свѣдѣніяхъ о Полоцкой землѣ, мы находимъ, кромѣ Полоцка и Минска, удѣльныхъ князей: въ Витебскѣ, Изяславлѣ, Логойскѣ, Друцкѣ, Слуцкѣ, Стрѣжевѣ, Новгродкѣ, Городнѣ, Клецкѣ, Оршѣ,

---

[1]) Въ 1132 вѣче Полоцкое изгоняетъ Святополка Мстиславича и призываетъ Василька Рогволодовича; въ 1151 Полочане высылаютъ въ Минскъ князя Рогволода Борисовича и берутъ княземъ Ростислава Глѣбовича; но въ 1159 опять приглашаютъ Рогволода; въ 1162 они, вслѣдствіе военной неудачи Рогволода, удаляютъ его и берутъ княземъ Всеслава Васильковича. Въ 1210 г. вѣче изгоняетъ князя Владиміра, заподозривъ его въ излишней преданности нѣмцамъ, а въ 1213 зоветъ его обратно и т. д. (см. Лаврент. лѣт. стр. 286, Ипат. лѣт. стр. 307, 339, 355 Генрихъ Латышъ стр. 84—94).

Свислочѣ, Лукомѣ. Но этими лѣтописными извѣстіями далеко не исчерпывается весь перечень мелкихъ полоцкихъ удѣловъ: у Генриха Латыша, упоминающаго о русскихъ князьяхъ только по мѣрѣ отношенія ихъ къ Лифляндіи, названы два мелкіе удѣлы—по Двинѣ и въ южной Ливоніи, признававшей подъ собою до 1211 года верховную власть Полоцка; въ 1204—1224 годахъ, по словамъ Генриха Латыша, нѣмцы имѣли цѣлый рядъ столкновеній съ русскими князьями: Василькомъ изъ Кокенгаузена (Wesceke de Kokonois), и Всеволодомъ изъ Герсики (Wissewalde de Gersica), о существованіи которыхъ, равно какъ и объ удѣлахъ ихъ русскія лѣтописи ничего не говорятъ [1]). При крайнемъ раздробленіи Полоцкаго княженія и среди внутренней борьбы князей и удѣловъ между собою, князей съ вѣчами, пригородовъ съ городами, истрачивается по мелочамъ вся сила Кривичской земли, отношенія запутываются, сознаніе общихъ, болѣе обширныхъ цѣлей общественной жизни теряется. Для пріобрѣтенія силъ въ междуусобной борьбѣ, князья и вѣча прибѣгаютъ къ помощи и покровительству болѣе сильныхъ сосѣдей: иногда соплеменныхъ Русскихъ князей—Кіевскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ, иногда иноплеменниковъ—Нѣмцевъ и Литовцевъ [2]).

---

[1]) О русскихъ удѣлахъ въ Кокенгаузенѣ и Герсикѣ, »in quibus schismatici habitabant«, упоминаетъ также Ливонская хроника Германа изъ Вартберга подъ 1201 г. Scriptores rerum Prussicarum т. II. стр. 27.

[2]) Въ 1151 г. Полоцкое вѣче, желая удержать вновь призваннаго имъ князя, признаетъ надъ собою верховную власть Святослава Ольговича Черниговскаго. 1159 г. Рогволодъ Борисовичъ добывалъ Друцкъ и Полоцкъ съ помощью тоже Святослава Ольговича; а потомъ, утвердившись въ Полоцкѣ, онъ покоряетъ съ помощью Ростислава Мстиславича Смоленскаго, Изяславль и осаждаетъ Минскъ. Въ 1160 Рогволодъ ходилъ на Ростислава Глѣбовича Минскаго съ помощью отъ Кіевскаго князя Ростислава Мстиславича, доставившаго ему вспомогательный отрядъ Торковъ. Въ 1162 Полоцкіе князья призываютъ князей Черниговскихъ и Смоленскихъ для изгнанія Владиміра Мстиславича изъ Слуцка. Въ 1165 г. Давидъ Ростиславичъ Смоленскій успѣлъ утвердиться въ Витебскѣ, и въ 1167 г., вмѣстѣ съ изгнаннымъ изъ Полоцка Всеволодомъ Васильковичемъ, онъ призвалъ на помощь противъ Полоцка Смоленскаго князя Романа Ростиславича. 1178 Всеславъ Васильковичъ Полоцкій спасъ свой удѣлъ отъ нападенія Новгородцевъ, прибѣгнувъ къ покровительству того-же Романа Ростиславича Смоленскаго. Въ 1180,

Послѣдніе, призываемые безпрестанно русскими князьями на помощь среди ихъ взаимныхъ междуусобій, начинаютъ все чаще и чаще появляться въ Полоцкой Руси, то какъ союзники, то какъ враги отдѣльныхъ князей. Уже съ половины XII столѣтія мы встрѣчаемъ лѣтописныя извѣстія о князѣ Городенскомъ Володарѣ Глѣбовичѣ, который, опираясь на тѣсный союзъ съ пограничными Литовскими волостями, наводитъ грозу на своихъ родственниковъ. Въ 1159 году, когда всѣ Полоцкіе князья заключили временный миръ и цѣловали другъ другу крестъ, Володарь Глѣбовичъ уклонился отъ общаго замиренія „не цѣлова креста, тѣмъ, аже ходяше подъ Литвою въ лѣсѣхъ“. Въ 1162 году онъ съ Литвою разбилъ рать Полоцкаго князя Рогволода Борисовича и принудилъ его отказаться отъ Полоцкаго княженія. Въ 1167 году онъ даже успѣлъ овладѣть Полоцкомъ, изгнавъ оттуда князя Всеволода Васильковича [1]). Не одинъ этотъ князь прибѣгалъ къ помощи Литовцевъ для усиленія своего вліянія на Руси. Въ 1180 году мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ ополченіи собранномъ его противникомъ, Всеславомъ Васильковичемъ, „бяхуть и Либь и Литва“ [2]). Неизвѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ князь Всеволодъ изъ Герсики не только состоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ литовцами и постоянно облегчалъ имъ у своего города переправу черезъ Двину для нападеній на нѣмецкія владѣнія въ Ливоніи, но женился на дочери литовскаго вождя Дангеруте и признавалъ себя въ извѣстной отъ него зависимости [3]).

Такимъ образомъ Литовцы постепенно втягиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ, свыкаются съ мыслью о ея слабости и внутреннемъ неустройствѣ; съ конца XII вѣка

Полоцкіе князья пытались отражать нападеніе Черниговцевъ на Друцкъ только съ помощью Смоленскаго князя Давида; въ 1185 г. Василько Володаревичъ Логойскій и Глѣбъ Рогволодовичъ Друцкій зовутъ на помощь противъ полоцкаго вѣча того-же Давида Смоленскаго. Въ 1210 г. Полоцкій князь Владиміръ ищетъ помощи противъ изгнавшаго его вѣча въ Псковѣ и, затѣмъ, у Рижскаго епископа. Ипат. лѣт. стр. 308, 339 340, 346, 356, 459, 360, 412, 419. Новгородская лѣт. по харат. см. 1185 г. Генрихъ Латышъ, стр. 94.

[1]) Ипатская лѣтопись стр. 340, 355, 360.

[2]) Тамъ же страница 419.

[3]) Генрихъ Латышъ Orig. Liv. стр. 61, 64, 92, 95, 98.

они уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междуусобіяхъ, но предпринимаютъ походы на Русь съ цѣлью пріобрѣтенія военной добычи, а затѣмъ и съ цѣлью территоріальнаго захвата. Уже въ концѣ XII столѣтія, составитель слова о полку Игоревѣ сообщаетъ извѣстіе о неизвѣстномъ намъ по лѣтописи Городенскомъ князѣ, Изяславѣ Васильковичѣ, погибшемъ въ борьбѣ съ Литвою, при чемъ передаетъ въ мрачныхъ краскахъ современное ему положеніе Полоцкой земли: „Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ“ князья не помагаютъ брату, погибающему отъ „литовскихъ мечей“; внуки Всеслава „выскочили изъ дѣдней славы“ и „крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую“. Характеристика эта подтверждается и дошедшими до насъ отрывочными лѣтописными свѣдѣніями; съ начала XIII столѣтія нападенія Литовцевъ на Русь дѣлаются все чаще и чаще, они не ограничиваются Полоцкою территоріею, но по временамъ достигаютъ и другихъ Русскихъ земель, лежавшихъ за ея предѣлами; литовскіе набѣги опустошаютъ земли Туровскія, Волынскія, Новгородскія и Смоленскія и, въ половинѣ XIII столѣтія, Литовцы появляются въ предѣлахъ Кіевскаго княженія. Въ 1205 году лѣтописецъ замѣчаетъ, что „бѣда бѣ въ землѣ Володимерстѣй отъ воеванія Литовскаго и Ятвяжскаго“; въ этомъ году толпа Литовцевъ и Ятвяговъ опустошила сѣверную часть Волыни и ворвалась въ Холмскую область [1]). Въ 1225 году большое Литовское ополченіе, подъ начальствомъ многихъ соединившихся вождей, „рать велика зѣло, якаже не была отъ начала міру“, опустошила области: Новогродскую, Смоленскую и Полоцкую [2]). Встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны Волыни и Новгорода, литовскіе набѣги могли тѣмъ не менѣе безпрепятственно распространятся въ другихъ областяхъ Руси, не успѣвшихъ создать крѣпкой внутренней власти. Между тѣмъ какъ Романъ Мстиславичъ и его наслѣдники отражаютъ Литовцевъ и ограждаютъ отъ ихъ нападеній свои предѣлы завоеваніемъ Ятвяжской земли, постройкою въ ней городовъ и устройствомъ вокругъ нихъ русскихъ поселеній, между тѣмъ какъ въ тоже время Новгородцы, съ помощью князей Суздальскихъ, побѣдоносно отражаютъ нападенія Литвы на владѣнія

---

[1]) Ипатьев. лѣт. стр. 483.

[2]) Лаврент. лѣт. стр. 425—426.

Великаго Новгорода [1]), мы не встрѣчаемъ извѣстій о сколько нибудь энергическомъ отпорѣ со стороны князей Полоцкихъ, Смоленскихъ или Кіевскихъ. Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ собирается на Литву въ продолженіи двухъ лѣтъ, но довести свое предпріятіе до конца не можетъ. Выступивъ въ походъ изъ Овруча въ 1190 году, онъ остался въ Пинскѣ у своей тещи праздновать свадьбу и отъ дальнѣйшаго похода отказался подъ предлогомъ ранней оттепели [2]). Относительно Полоцкихъ князей мы не встрѣчаемъ извѣстій и о такихъ попыткахъ; напротивъ, по мѣрѣ того какъ учащаются свѣдѣнія о нападеніяхъ Литовцевъ, оскудѣваютъ въ нашихъ лѣтописяхъ, извѣстія о самомъ существованіи Полоцкихъ князей. Послѣдній Полоцкій князь упоминается вскользь по поводу брака Александра Невскаго: „1238 женися князь Александръ Ярославичъ, поя у Полоцкаго князя, у Брячислава, дщерь и вѣнчася въ Торопчѣ“ [3]) и затѣмъ прекращаются совершенно лѣтописныя извѣстія о русскихъ князьяхъ полоцкой вѣтви, и русскіе источники не даютъ намъ возможности прослѣдить интересный историческій моментъ основанія первыхъ литовскихъ владѣній въ Кривичской землѣ.

Событіе это случилось именно около половины XIII столѣтія, но подробности его дошли до насъ только въ легендарной формѣ очень поздно записанныхъ литовскихъ преданій. По словамъ компилятора, составившаго сводъ этихъ преданій, въ половинѣ XVI столѣтія, во время, близко предшествовавшее нашествію Батыя, многіе литовскіе вожди успѣли захватить разныя области Полоцкихъ, Туровскихъ и Смоленскихъ княженій и утвердились въ нихъ въ качествѣ самостоятельныхъ князей: за неимѣніемъ болѣе точныхъ свѣдѣній, если попытаемся извлечь возможный историческій матеріалъ изъ темнаго разсказа лѣтописи т. н. Быховца, то найдемъ, что въ XVI ст. у Литовцевъ сохранились слѣдующія преданія объ образованіи первыхъ Литовскихъ княжествъ на Русской территоріи.

Современникъ Батыя, Эрдивилъ сынъ Монтвила, имѣвшій владѣнія въ Жмуди, предпринялъ походъ на пограничныя Русскія земли, за-

---

[1]) Лаврент. лѣт. стр. 426 и 448. Никонов. лѣт. III стр. 17, 19, Воскресенск. лѣт. стр. 151, 152.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 452, 455 и 456.

[3]) Воскресен. лѣт. стр. 144.

владѣлъ такъ называемою черною Русью, городами: Городномъ, Берестьемъ, Мельникомъ, Дрогичиномъ и подчинилъ себѣ пограничныхъ съ этою Русью другихъ литовскихъ вождей [1]).

Въ тоже время другой литовскій вождь, Мингайло, предпринялъ походъ на Полоцкъ, въ которомъ тогда не было князя „и мужи Полочане вѣчемъ ся справляли, какъ великій Новгородъ и Псковъ“. Вѣроятно вѣчевой порядокъ не успѣлъ еще окрѣпнуть въ Полоцкѣ, потому что Мингайло успѣлъ, по словамъ преданія, весьма легко одолѣть Полочанъ и основалъ въ ихъ городѣ другое Литовское княжество [2]).

Наконецъ, третій Литовскій вождь, Скирмунтъ, одержавъ побѣду надъ Мстиславомъ, княземъ Туровскимъ, овладѣлъ Туровомъ, Пинскомъ и Мозыремъ и основалъ Литовское княжество въ бассейнѣ Припяти, ему преданіе приписываетъ первую побѣду, одержанную на Руси надъ Монголами: во главѣ литовскихъ и русскихъ ополченій, онъ поразилъ у Койданова ханскаго темника и не допустилъ Монголовъ брать дань въ своемъ княжествѣ [3]).

Конечно, извѣстія эти, даже въ такомъ упрощенномъ видѣ, не могутъ быть сочтены достовѣрными въ подробностяхъ и заслуживаютъ только вниманіе, какъ свидѣтельство поздняго преданія, указывающее на то, что въ половинѣ XIII столѣтія случилось общее движеніе многихъ литовскихъ вождей на Русь съ цѣлью территоріальнаго захвата. Этотъ общій выводъ подтверждается нѣкоторыми, болѣе достовѣрными, хотя отрывочными свидѣтельствами русскихъ лѣтописей. Такъ, по словамъ Ипатской лѣтописи, Пинскъ былъ защищенъ въ 1246 году отъ нападенія литовскаго вождя, Айшвна Рушковича, только благодаря помощи Даніила и Василька Романовичей, въ слѣдующемъ-же году, другой литвинъ—Лугвеній, появился опять въ Пинской области; изъ разсказа лѣтописи о его нападеніи можно догадываться, что Пинскій князь Михаилъ признавалъ надъ собою его власть и съ недоброжелательствомъ встрѣтилъ рать Галицкаго князя [4]). По свѣдѣніямъ двухъ другихъ лѣтописей,

---

[1]) Лѣтоп. Быховца, стр. 4.

[2]) Тамже стр. 5.

[3]) Тамже стр. 6.

[4]) „Данило-же и Василько гнаста по нихъ (по Литвѣ) до Пинска; во Пински бо Михаилъ далъ бѣ имъ вѣсть; онѣмъ-же ставшимъ, осѣкшимся въ лѣсѣ, далъ бо бѣ имъ Михаилъ вѣсть, буда въ Пинскѣ“. Ипат. лѣт. стр. 530.

въ 1239 году неизвѣстный по имени литвинъ княжилъ въ Смоленскѣ, откуда изгнанъ былъ Ярославомъ Всеволодовичемъ [1]). Проѣзжавшій въ то время (1245) изъ Волыни въ Кіевъ Плано-Карпини, утверждаетъ, что на пути онъ находился въ постоянной опасности отъ литовцевъ „которые часто нападаютъ на Русскую землю, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя мы должны были проѣзжать“ [2]).

Фактъ окончательнаго образованія Литовскаго княжества на русской территоріи мы можемъ констатировать по достовѣрнымъ источникамъ только со времени основанія въ Новгородѣ Литовскомъ, въ такъ называемой Черной Руси, княженія, представителемъ котораго является литовскій князь Мендовгъ сынъ Рынгольта. Литовскія преданія приписываютъ основаніе этого владѣнія еще отцу Мендовга—Рынгольту сыну Альгимунта, владѣтелю Керновской волости въ собственной Литвѣ; по ихъ словамъ, Рынгольтъ овладѣлъ Новогродкомъ вслѣдствіе побѣды, одержанной имъ надъ Друцкимъ княземъ Дмитріемъ и его союзниками [3]). Не находя возможности провѣрить это сказаніе болѣе достовѣрными свидѣтельствами, мы можемъ только указать, какъ на положительный фактъ, на то, что Мендовгъ княжилъ уже въ Новгородкѣ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительныя силы въ 1235 году; въ это время Даніилъ Романовичъ Галицкій искалъ съ нимъ союза противъ Конрада Мазовецкаго [4]). Изъ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій, мы узнаемъ, что Мендовгъ, не ограничиваясь владѣніемъ Новогродскимъ, стремился соединить подъ своею властью многочисленные удѣлы всей Кривичской земли и создать изъ нихъ обширное Литовско-Русское государство. Изъ разсказа Ипатской лѣтописи о походѣ Даніила на Мендовга въ 1252—1253 годахъ, видно, что къ Новгородскому княженію принадлежали тогда города: Волковыскъ, Слонимъ, Здитовъ и Гродно и что Пинскіе князья признавали надъ собою верховную власть Мен-

---

[1]) „Иде Ярославъ Смоленску на Литву, и Литву побѣди, а князя ихъ изыма; Смоляны-же урядивъ, и посади у нихъ князя Всеволода Мстиславича на столѣ“. Воскресенск. лѣт. стр. 144. Никон. лѣт. III, стр. 5.

[2]) Libellus historicus Joannis de Plano Carpini—въ собраніи путешествій къ татарамъ. С.-Петербургъ 1825 стр. 8—10.

[3]) Лѣтопись Быховца, стр. 7.

[4]) Ипат. лѣтоп. стр. 517.

довга. Еще раньше, племянники Мендовга, подъ его руководствомъ, утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ и въ землѣ Смоленской [1]).

Разширяя границы своихъ владѣній на Руси съ помощью Литовскаго ополченія изъ своего Керновскаго удѣла, Мендовгъ пріобрѣталъ въ покоренныхъ имъ русскихъ земляхъ новыя силы, которыя давали ему возможность и продолжать дальнѣйшія завоеванія на Руси и поставить въ зависимое отъ себя положеніе другихъ, сосѣднихъ съ его владѣніями, мелкихъ литовскихъ родоначальниковъ; группируя такимъ образомъ силы, князь Кернова и Новогродка Литовскаго посредствомъ Литвы удерживалъ и пріобрѣталъ русскія земли и, опираясь на ополченія своихъ Русскихъ областей—подчинялъ себѣ разрозненыя мелкія литовскія владѣнія [2]).

Слагавшіяся такимъ образомъ отношенія въ возникавшемъ государствѣ сразу противупоставляли въ его внутреннемъ быту два народныя начала, послужившія для его образованія. Отношенія эти, естественно, были таковы, что, по меньшей мѣрѣ въ началѣ возникновенія Литовско-Русскаго государства, не возможно было ожидать быстраго ихъ сближенія и дружелюбнаго, вполнѣ солидарнаго отношенія другъ къ другу.

Дѣйствительно, уже въ княженіе Мендовга, собранныя имъ земли проявляютъ значительную силу сопротивленія объединительнымъ государственнымъ стремленіямъ; реакція вспыхиваетъ на всемъ пространствѣ подчинившихся ему земель и поддерживается въ равной мѣрѣ недовольствомъ какъ Литвы, такъ и Руси. Русскія области стремятся къ обособленію и стремленіе это находитъ поддержку въ личныхъ, честолюбивыхъ побужденіяхъ литовскихъ князей, управлявшихъ подъ рукою Мендовга русскими областями; съ другой стороны мелкіе вожди въ Литвѣ, въ Жмуди, въ землѣ Ятвяговъ смотрятъ недоброжелательно на усиленіе Керново-Новогродскаго князя, на угрожающую имъ потерю

---

[1]) Ипат. лѣтоп. стр. 541—544. Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Warszawa 1846. т. I, стр. 286. Лѣтопись Быховца, стр. 7.

[2]) Подъ 1258 годомъ Ипатская лѣтопись называетъ уже литовскихъ вождей, находившихся въ зависимости отъ Мендовга, и ходившихъ на войну по его приказанію: Хвала и Сирвида Рушковича. Между тѣмъ въ той-же лѣтописи, нѣсколько раньше, Рушковичи упоминаются какъ самостоятельные литовскіе князья. Стр. 492, 430 и 557.

власти и самостоятельности вслѣдствіе развитія его могущества, и поддерживаютъ стремленіе врозь русскихъ земель. Внутренняя реакція находитъ притомъ сильную поддержку въ представителяхъ сосѣднихъ государствъ, желавшихъ предупредить образованіе новаго государства въ той территоріи, на завладѣніе которой по частямъ они питали надежду.

Магистры Ливонскаго ордена, Галицко-Владимірскіе, Польскіе и Мазовецкіе князья спѣшатъ воспротивиться образованію Литовско-Русскаго государства. Въ борьбѣ съ этими препятствіями, внутренними и внѣшними, исчерпалъ свою неутомимую энергію и погибъ Мендовгъ; но онъ первый проложилъ историческій путь къ образованію Литовскаго государства,—слѣдуя по которому, Гедиминъ и его наслѣдники спасли самобытность Литовскаго племени и доставили государственный центръ для разрозненныхъ западно-русскихъ областей.

Починъ реакціи противъ государственнаго строя, водворяемаго Мендовгомъ, принадлежалъ родственнымъ ему литовскимъ князьямъ, опиравшимся на децентрализаціонныя стремленія русскихъ областей. Племянники Мендовга, вокняжившіеся подъ его рукою въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Смоленской области, попытались отложиться отъ него, и были наказаны изгнаніемъ изъ русскихъ удѣловъ и лишеніемъ принадлежавшихъ имъ литовскихъ волостей [1]). Изгнанные князья искали защиты противъ Мендовга и внутри и внѣ его государства: Товтивилъ Полоцкій, шуринъ Данила и Василька Романовичей, призвалъ на помощь этихъ могущественныхъ князей, давно уже стремившихся къ разширенію своихъ предѣловъ на счетъ Литвы и Кривицкой земли; по общему соглашенію съ Романовичами, Товтивилъ переѣхалъ въ Ригу, и, принявъ тамъ крещеніе, поднялъ на Мендовга Ливонскій орденъ; въ тоже время Даніилъ Романовичъ призвалъ къ общему союзу на Литву польскихъ князей. Между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ подымались на Мендовга внѣшніе враги, не менѣе грозная опасность угрожала ему внутри литовскихъ земель: Ятвяги и Жмудь стали за старину и поднялись на него подъ руководствомъ двухъ другихъ противниковъ его: Эрдивида и Викonта. Ливонскій орденъ вступилъ въ союзъ съ

---

[1]) „За ворожство съ ними Литву заня; поимана бѣ вся земля Литовская и безчисленное имѣніе ихъ, притрано бѣ богатство ихъ.“ Ипат. лѣт. стр. 541.

этими вождями литовцевъ, не смотря на то, что они до того времени упорно боролись съ нѣмецкими рыцарями: „тебѣ дѣля, говорилъ магистръ послу Динила, миръ створимъ со Виконтомъ—зане братію нашу многу погуби“ [1]). Силы, которыя могъ противупоставить Мендовгъ наступавшимъ отовсюду на него врагамъ оказались далеко недостаточными для защиты. Съ удивительною находчивостью, литовскій князь успѣлъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія и спастя начатое имъ дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Послѣ долгихъ усилій, ему удалось замирить сильнѣйшаго изъ противниковъ—галицкаго князя, условною уступкою всѣхъ, принадлежавшихъ ему русскихъ земель. По договору, заключенному въ 1255 году между Войшелкомъ, сыномъ Мендовга, и Даніиломъ [2]), вся Черная Русь: Новгородокъ Литовскій, Слонимъ, Волковыскъ „и вси городы“ переданы были Роману Даниловичу, признавшему надъ собою власть Мендовга по отношенію къ этимъ землямъ. Договоръ этотъ, скрѣпленный бракомъ Шварна Даниловича съ дочерью Мендовга, не смотря на кажущуюся уступку земель, былъ, по послѣдствіямъ своимъ, выгоднѣе для литовскаго князя, чѣмъ для великаго князя галицкаго: семья, вокняжившаяся въ Литвѣ, становилась въ родственныя связи съ представителемъ сильнѣйшаго русскаго стола; наслѣдники Мендовга пріобрѣтали въ Галичѣ точку опоры для внутренней борьбы съ литовскимъ элементомъ внутри своего слагавшагося государства и могли, такимъ образомъ, съ помощью русскаго элемента усилить свое вліяніе на Литовскія племена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, серьозной опасности отчужденія Черной Руси къ Галичу не предстояло. Владѣнія Даніила были отдѣлены отъ этой области: на югѣ—владѣніями Пинскихъ князей, давно уже взиравшихъ съ безпокойствомъ на усиленіе Галицко-Владимірскаго стола, подчинявшаго себѣ ихъ удѣлы въ сѣверной Волыни; князья эти, поставленные между двухъ сильныхъ сосѣдей, старались поочередно искать помощи въ Литвѣ противъ Галича и въ Галичѣ противъ Литвы, признавали себя въ зависимости отъ того или другаго государства, но дѣлали это „съ лестью“, напрягая всѣ силы для сохраненія своихъ владѣній и своей самостоятельности. Во всякомъ случаѣ они, по видимому, болѣе опасались галицкаго князя и потому болѣе склонны были поддерживать въ борьбѣ

[1]) Ипат. лѣтоп. стр. 542.

[2]) Ипатск. лѣтоп. стр. 551.

съ нимъ Мендовга [1]). Съ запада Черная Русь отдѣлена была отъ галицкихъ владѣній Ятвяжскою землею; только покоривъ окончательно послѣднюю, Даніилъ Романовичъ могъ разсчитывать на сколько нибудь прочное присоединеніе Черной Руси къ своимъ владѣніямъ. Съ этою цѣлью Даніилъ и предпринялъ рядъ походовъ на Ятвяговъ, но встрѣтилъ со стороны этого племени упорное сопротивленіе, которое заставило его отклонить на второй планъ мысль о присоединеніи Черной Руси; между тѣмъ Литовское княженіе успѣло окрѣпнуть и наслѣдникамъ Даніила оставалось только путемъ договоровъ и родственныхъ связей стремиться къ объединенію владѣній галицкихъ и русско-литовскихъ. Между тѣмъ борьба съ Ятвягами, въ которую вовлеченъ былъ Даніилъ Романовичъ, вслѣдствіе уступки его сыну городовъ русско-литовскихъ, была выгодна для Мендовга въ томъ отношеніи, что она избавляла его отъ одного изъ самыхъ упорныхъ внутреннихъ противниковъ его государственной дѣятельности, такъ какъ Ятвяги вмѣстѣ со Жмудью стояли во главѣ литовской реакціи противъ этой дѣятельности.

Таже политика: пораженіе внутреннихъ противниковъ посредствомъ сдѣлки съ внѣшними врагами, также удачно проведена была Мендовгомъ и на другомъ рубежѣ его государства. Еще прежде чѣмъ удалось Мендовгу замирить Галицкаго князя, онъ успѣлъ заключить договоръ съ Ливонскимъ орденомъ. Подарками, обѣщаніями, изъявленіемъ полной готовности на всевозможныя уступки онъ успѣлъ склонить на свою сторону магистра ордена. Оставленный въ трудную минуту безъ поддержки со стороны литовскихъ племенъ, чуждавшихся его централизаціонныхъ стремленій, Мендовгъ отвѣчаетъ своимъ единоплеменникамъ угрозою подавить самую существенную черту ихъ національнаго быта —народную религію. Онъ заявляетъ готовность принять крещеніе, и

---

[1]) Выше было указано положеніе, которое занималъ въ этой борьбѣ въ 1246 году Пинскій князь Михаилъ. Подъ 1252 годомъ лѣтопись, разсказывая походъ Даніила на Литву черезъ Пинскъ, говоритъ: „князи-же Пинсціи имѣяху лесть и (Даніилъ) поя ѣ съ собою неволею на войну“. Въ 1262 году пинскіе князья: Федоръ, Демидъ и Юрій, явились въ станъ Василька Романовича поздравить его съ побѣдою, одержанной имъ надъ Литвою подъ Невлемъ, но въ самомъ походѣ участія не принимали. Инат. лѣт. стр. 530, 543, 566.

Ливонскій магистръ, желая въ глазахъ западнаго христіантва пріобрѣсти для своего ордена славу апостольской дѣятельности, беретъ Мендовга подъ свое покровительство. Въ 1250 году произошло въ Новогродкѣ Литовскомъ торжественное крещеніе Мендовга и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнчаніе его на царство королевскою короною, присланною ему папою Иннокентіемъ IV [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о тѣсномъ союзѣ и наружной преданности Мендовга Ливонскому ордену; въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1250—1261) Мендовгъ выдаетъ ордену 8 грамотъ, въ силу которыхъ отчуждаетъ въ пользу ордена разные округи Литовской земли; вѣроятно отчужденія эти относились къ такимъ областямъ, которыя на дѣлѣ не принадлежали Мендовгу и, напротивъ того, служили опорою внутренней противъ него реакціи; не имѣя данныхъ о другихъ, менѣе значительныхъ, уступкахъ, мы полагаемъ, что такое значеніе должна была имѣть грамота, данная Мендовгомъ 7 августа 1259 года, которою онъ дарилъ ордену всю Жмудь. Магистръ ордена, не ограничиваясь этими частными уступками, склонилъ Мендовга въ 1260 году выдать ему грамоту, которою король литовскій отписывалъ ордену все свое княжество, въ случаѣ прекращенія своего рода [2]). Со стороны Мендовга всѣ эти уступки ордену, равно какъ и принятіе христіанства, были только вѣрно разсчитанными политическими мѣрами для того, чтобы сокрушить сопротивленіе, встрѣченное имъ внутри литовскихъ земель. Литва и Жмудь должны были наглядно убѣдиться въ томъ, что упорствуя въ своей разрозненности, онѣ раньше или позже сдѣлаются добычею нѣмецкаго ордена и испытаютъ всю тягость этаго господства. Одиннадцать лѣтъ уступчивости и терпѣнія со стороны Мендовга привели, наконецъ, къ желанному результату: управленіе ордена въ уступленныхъ ему округахъ, насильственное обращеніе ихъ жителей въ христіанство, раздача отнятыхъ у туземцевъ земель католическому духовенству, нѣмецкимъ рыцарямъ и колонистамъ, сборъ десятины и податей, непризнаніе правъ мелкихъ литовскихъ владѣтелей и конфискація ихъ имущества, наконецъ угроза окончательнаго подчиненія въ скоромъ времени всѣхъ

---

[1]) Hermanni de Wartberg. Chronicon Livoniae. Script. rer. Prussic. II, стр. 38.

[2]) Danilowicz. Skarbiec dyplomatow etc. т. I, стр. 81, 83, 91, 92, 94, 99, 101, 105. Scriptores rer. Prussic. т. II, стр. 136—138.

литовскихъ земель власти ордена, всѣ эти обстоятельства вызвали сильное волненіе среди Литовцевъ [1]); племена Литвы и Жмуди готовы были теперь предпочесть власть своего природнаго великаго князя, принести ей въ жертву значительную долю своихъ автономическихъ привычекъ, чѣмъ подчиниться ненавистной власти иноплеменнаго ордена; желая начать борьбу съ Нѣмецкими рыцарями, они обратились къ Мендовгу въ надеждѣ найти въ немъ руководителя въ этой борьбѣ. Между тѣмъ Мендовгъ зорко слѣдилъ за настроеніемъ своихъ единоплеменниковъ и ожидалъ только минуты, когда раздраженіе достигнетъ нужной для борьбы степени интензивности. Наконецъ, въ 1260 году, подъ руководствомъ Мендовга вспыхнуло повсемѣстное возстаніе противъ ордена: въ Жмуди, Литвѣ и Корси. Ливонскій орденъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе на берегахъ рѣки Дурбе въ Курляндіи, и потерялъ вслѣдствіе него плоды многолѣтнихъ усилій и всѣ территоріальныя пріобрѣтенія, полученныя имъ отъ Мендовга. При появленіи первыхъ признаковъ движенія, король Литовскій вдругъ разорвалъ всѣ связи съ орденомъ, отрекся отъ христіанства, которое, по свидѣтельству современниковъ, онъ принялъ было только наружно, и, ставъ вновь во главѣ Литовскаго государства, вышедшаго изъ борьбы болѣе сплотившимся и окрѣпшимъ, устремился къ освобожденію другихъ вѣтвей Литовскаго племени, потерявшихъ раньше свою самостоятельность въ борьбѣ съ орденомъ. Вслѣдствіе побужденій Мендовга и при его помощи вспыхнули возстанія въ Пруссіи, въ Корси и въ Жемгалѣ, задержавшія на долго натискъ крестоносцевъ на центральное Литовско-Русское княжество.

Впрочемъ дѣятельность Мендовга остановлена было въ самомъ началѣ этого предпріятія тѣми-же внутренними препятствіями, которыя были причиною первой его неудачи. Лишь только миновала опасность порабощенія крестоносцами, немедленно антагонизмъ областныхъ вождей вступилъ въ борьбу съ великокняжескою властью. Ипатская лѣтопись отчетливо указываетъ на то, что причина этой внутренней борьбы заключалась въ протестѣ подручныхъ князей противъ самовластія Мендовга [2]).

---

[1]) Lucas David. Preussische Chronik, т. IV, стр. 139.

[2]) Миндовгъ самодержець бысть во всей земли Литовской. Убиство-же его сице скажемъ: бысть княжещю ему въ земли Литовской и нача избивати братью свою, и сыновцѣ своі, и другіе выгна изъ земли и нача княжити

Многочисленные князья Литовскіе и Русскіе составили противъ него заговоръ, руководителями котораго лѣтописи называютъ: Довмонта, князя Нальщанскаго, Тройната—одного изъ владѣтелей въ Жмуди, Товтивила, успѣвшаго вновь вокняжиться въ Полоцкѣ и Эрденя сына Давилова, двоюроднаго брата Мендовга [1]). Въ 1263 году заговорщики, воспользовавшись походомъ Мендовга на Брянскаго князя Романа, убили его въ лагерѣ, на пути, вмѣстѣ съ двумя младшими его сыновьями.

Не смотря однако на погибель Мендовга, основанное имъ государство успѣло уже достаточно окрѣпнуть для того, чтобы не разложиться среди междоусобій, возникшихъ послѣ его смерти. Заговорщики, тяготившіеся самовластіемъ Мендовга и убившіе его за стремленіе къ самодержавію, снѣшатъ, немедленно послѣ его смерти, занять созданное имъ положеніе главы обширнаго Литоско-русскаго государства [2]). Между убійцами Мендовга возникаетъ упорная борьба, въ которой интересъ охраненія самостоятельности областей, отдѣльныхъ округовъ и земель отступаетъ все болѣе и болѣе на второй планъ, главное-же мѣсто занимаетъ борьба областныхъ представителей за великокняжескій столъ. Среди этой личной борьбы ясно выдѣляется борьба двухъ народныхъ началъ, за преобладаніе въ государствѣ, и на этотъ антагонизмъ національный опираются поочередно соискатели великокняжескаго стола.

одинъ во всей землѣ Литовской и нача гордѣти велми и вознесеся славою и гордостью великою и не творяше противу себѣ никого-же. Ипат. лѣт. стр. 567. Тоже говоритъ и Длугошъ: Molesta enim et gravis fuit ceteris Lituaniae principibus Mendog, Lithuanorum regis, qua sibi rerum summam usurpare conabatur, potentia. Длуг. т. I, стр. 770.

[1]) Ипатская лѣтоп. стр. 568; Воскресенская лѣтоп. стр. 165. Лѣтопись Литвы и хроника Русская, изд. Даниловича, стр. 147 Густынская лѣтоп., стр. 343. Длугошъ, т. I. стр. 769.

[2]) Такое значеніе переворота, случившагося въ Литвѣ въ 1263 году, указано въ иноземныхъ хроникахъ. Такъ Hermann de Wartberge говоритъ: Hoc etiam tempore rex Letwinorum Mindowe fuit a quodam generoso Letwino, proponente usurpare regnum, interfectus. (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 45). Густынская лѣтопись передаетъ извѣстіе о смерти Мендовга слѣдующими словами: „Стройнатъ бо.... съ Довмонтомъ.... убиша Мендовга.... княжства ради, а самъ Стройнатъ сяде на великомъ княжствѣ Литовскомъ. (Густ. Л., стр. 343).

Послѣ убіенія Мендовга, въ средѣ заговорщиковъ образовались двѣ партіи съ характеромъ такой народной противоположности. Во главѣ одной стоялъ Стройнатъ, представитель Жмуди, области, составлявшей до половины XV столѣтія главный оплотъ Литовскаго народнаго начала; во главѣ другой—Полоцкій князь Товтивилъ, давно уже принявшій крещеніе, обрусѣвшій и опиравшійся на связи съ Новгородомъ и Псковымъ. Партіи эти становятся въ враждебное другъ къ другу отношеніе изъ за дѣлежа Мендовговаго наслѣдства [1]). Преданный однимъ изъ полоцкихъ бояръ, Товтивилъ былъ убитъ Стройнатомъ и сынъ его долженъ былъ бѣжать изъ Полоцка въ Новгородъ; Стройнатъ вокняжился въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и „Литва посадиша въ Полоцку своего князя".

Но подавленіемъ Полоцка литовская партія не достигла окончательной побѣды надъ русскою; вмѣсто Товтивила, во главѣ ея становится новый поборникъ ея интересовъ, болѣе сильный и предпріимчивый—это былъ старшій изъ сыновей Мендовга—Войшелкъ. Князь этотъ, одаренный порывистымъ, неукротимымъ характеромъ, преданъ былъ всецѣло интересамъ Русской народности, культурному вліянію которой онъ подчинился со всею страстностію убѣжденнаго неофита, съ пылкостью дикаря, впервые уразумѣвшаго начала цивилизаціи. Еще въ началѣ княженія отца, Войшелкъ управлялъ отъ его имѣни Новогродкомъ-Литовскимъ и тянувшею къ этому городу Чорною Русью; въ то время онъ сталъ извѣстенъ современникамъ страшною жестокостью, съ которою преслѣдовалъ противниковъ политическихъ плановъ Мендовга [2]). Во время погрома, постигшаго Мендовга въ 1255 году, Войшелкъ вошелъ въ сношенія съ Даніиломъ Романовичемъ и, находясь въ необходимости снискать миръ какою-бы то ни было цѣною, онъ долженъ былъ уступить свой Новогродскій удѣлъ Роману Даниловичу и самъ переѣхалъ въ Холмъ, вѣроятно въ качествѣ заложника. Здѣсь

[1]) По словамъ лѣтописи, Стройнатъ предложилъ Товтивилу „раздѣлити землю и достатокъ Мендовга", но во время переговоровъ „поча думати Товтивилъ, хотя убити Троняту, а Тронята собѣ думаеть на Товтивила пакъ". (Ипат. Лѣт. стр. 569. Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 147—148).

[2]) Войшелкъ-же нача княжити въ Новѣгородцѣ, въ поганьствѣ буда, и нача проливати крови много; убиваше бо на всякъ день по три, по чотыри; которого-же дни не убьяше кого, печаловаше тогда, коли-же убьяше кого, тогда веселъ бяше. Ипат. лѣт. стр. 567.

онъ познакомился съ лучшимъ развитіемъ тогдашней русской жизни и сблизился съ лучшими ея представителями. Обращенный въ христіанство поученіями Григорія игумена Полонинскаго, „иже бысть человѣкъ святъ, якого-же не бысть передъ нимъ, и ни по немъ не будетъ“, Войшелкъ принялъ новую вѣру не какъ политическую необходимую мѣру, но съ глубокимъ убѣжденіемъ и со всею пылкостью и страстностью своей натуры; не удовлетворившись крещеніемъ, онъ постригся въ монахи и мечталъ о томъ, чтобы посвятить себя вполнѣ аскетической жизни на Аѳонѣ. Возвратившись въ отечество, онъ основалъ монастырь на берегахъ Нѣмана и, не смотря на укоры отца, казалось предался исключительно исполненію религіозныхъ обязанностей [1]). Послѣ смерти Мендовга Войшелкъ бѣжалъ въ Пинскъ и здѣсь оставался безучастнымъ зрителемъ событій, происходившихъ въ Литвѣ до смерти Товтивила. Но, когда литовско-языческая партія въ лицѣ Стройната восторжествовала, Войшелкъ поднялся на защиту Русской народности, съ которою связанъ былъ неразрывно христіанствомъ. Въ 1265 г., оставивъ „ризу“ монашескую, Войшелкъ, съ помощью Пинскихъ князей, пошелъ на Новогродокъ и овладѣлъ имъ безъ сопротивленія [2]), затѣмъ, призвавъ на помощь Шварна Даниловича, онъ началъ кровавую расправу съ представителями литовской партіи. Стройнатъ погибъ отъ руки подосланныхъ убійцъ, разныя литовскія области заняты были русскими дружинами, и враги великокняжеской власти и русско-христіанскаго государственнаго начала подверглись казнямъ. Многіе должны были бѣжать навсегда изъ отечества, въ томъ числѣ одинъ изъ убійцъ Мендовга—Довмонтъ князь Нальщанскій, прославившійся впослѣдствіи во Псковѣ [3]). Желая упрочить господство русскаго культурнаго начала

---

[1]) Ипат. лѣтоп. стр. 551, 567—568. Лѣтоп. изд. Данилов. стр. 148—149.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 569.

[3]) И нача (Войшелкъ) пристраиватися, и поиде въ силѣ тяжьцѣ и нача городы имати во Дявелътвѣ, въ Литвѣ, и въ Налщанехъ; городы-же изымавъ, а вороги своя избивъ, и тако придоша во свояси. (Ипат. стр. 570). Шедъ на поганую Литву, побѣди я и стоя на земли ихъ все лѣто. Тогдаже окаяннымъ вдасть Господь по дѣломъ ихъ; всю бо землю оружіемъ плѣни, а по христіанской земли по всей веселіе бысть на многа лѣта. Того-же лѣта вбѣгоша въ Псковъ Литва съ 300 мужъ, съ жонами и съ дѣтьми и крести ихъ князь Святославъ.... Въ лѣто-же 1266 блаженный князь Домонтъ съ дружиною своею и со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое зе-

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, Войшелкъ рѣшился ввести это княжество въ составъ галицко-русскихъ владѣній: онъ назвалъ себя сыномъ Василька Романовича Волынскаго и, въ свою очередь, усыновилъ Шварна Даниловича; послѣднему онъ передалъ княженіе и возвратился въ монастырь, „плачася грѣховъ своихъ“ [1]).

Установленное такимъ образомъ преобладаніе въ Литвѣ русскаго элемента было еще не окончательно. Литовская народность, временно подавленная, не располагала отказаться отъ своихъ притязаній на господство и должна была заявить эти притязанія при первой возможности. Возможность такая представилась въ 1267—1268 годахъ вслѣдствіе, почти одновременно случившейся, смерти и Войшелка, убитаго Львомъ Даниловичемъ, и Шварна Даниловича. Несогласія, возникшія въ галицкой княжеской семьѣ, не дозволили представителямъ ея съ достаточною силою поддержать права свои на Литовское княженіе, и великокняжескій столъ заняли представители враждебнаго имъ начала. Послѣ смерти Шварна Даниловича въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ преобладаетъ литовское начало. Вслѣдствіе устраненія Литвы отъ русской жизни, лѣтописи сообщаютъ намъ мало подробностей объ этомъ періодѣ времени. Изъ разрозненныхъ лѣтописныхъ сказаній, мы можемъ однако заключить, что великое княжество Литовское потеряло въ это время въ значительной степени ту внѣшнюю силу и внутреннюю связь, которыя оно умѣло пріобрѣсти при Мендовгѣ и его ближайшихъ наслѣдникахъ. Представители литовскаго народа пытались опереться исключительно на свои національныя начала: язычество и обособленность отдѣльныхъ земель; они упорно отбивались отъ единенія съ христіанскою Русью и, такимъ образомъ, лишились поддержки того элемента, который могъ имъ оказать единственную возможную помощь для спасенія самостоятельности ихъ собственнаго племени.

Во внутреннемъ быту великаго княжества Литовскаго мы замѣчаемъ въ это время стремленіе областей къ обособленію и пріобрѣтеніе многими изъ нихъ независимости по отношенію къ власти великаго князя. Такъ въ Полоцкѣ и Витебскѣ утвердился Литовскій князь Эрдень,

---

млю Литовскую и приѣха въ Псковъ и крестися. (Лѣтоп. изд. Дапилов. стр. 149).

[1]) Ипат. лѣтоп. стр. 570; Густин. лѣт., стр. 344.

не признававшій надъ собою власти великаго князя; въ 1264 онъ заключилъ съ Ливонскимъ орденомъ и городомъ Ригою трактатъ отъ имени своего и своихъ княжествъ: Полоцка и Витебска, не упомянувъ въ немъ вовсе о великомъ князѣ Литовскомъ. Изъ разсказа лѣтописи о столкновеніи Эрденя со Псковомъ, въ 1265 г., явствуетъ, что земли Полоцкая и Витебская разпадались тогда на многіе мелкіе удѣлы, въ которыхъ вокняжились Литовскіе вожди, признававшіе надъ собою верховную власть Полоцкаго князя Эрденя, а не Новогродъ-Литовскаго великаго князя [1]). Признаки такого же обособленія и независимости мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ коренныхъ литовскихъ земляхъ; такъ, находимъ подъ 1289 годомъ, извѣстіе о самостоятельномъ князѣ въ части собственной Литвы.—Буркивидѣ, заключившемъ договоръ съ Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ, которому онъ въ залогъ мира уступилъ свой городъ Волковыскъ [2]). Участвовавшій въ заключеніи этого договора, Жмудскій князь Бутегайде велъ въ то время войну съ Ливонскимъ орденомъ и магистръ считалъ его самостоятельнымъ царемъ (rex) Жмуди [3]).

Такимъ образомъ количество земель, подчинявшихся великому князю, жившему въ Новогродкѣ Литовскомъ, значительно уменьшилось. Княжествомъ этимъ владѣлъ, по свидѣтельству Ипатской лѣтописи, князь Тройденъ (1270—1282), ревностно преданный язычеству и народнымъ литовскимъ началамъ; все время его княженія прошло въ безпрестанной, упорной, но неудачной борьбѣ съ иноплеменниками изъ за этихъ интересовъ. Съ одной стороны Тройденъ стремился отклонить притязанія галицко-волынскихъ князей на великое княжество Литовское, отражалъ успѣшно ихъ походы и ограждалъ границы своихъ земель со стороны Волыни поселеніемъ въ русскихъ пограничныхъ городахъ колонистовъ Прусско-литовскаго племени [4]). Съ другой стороны, онъ поставленъ былъ въ необходимость защищать сопредѣльные

---

[1]) Наперскій. Русско-Ливонскіе акты, стр. 13, № XXV-a. Лѣтопись изданная Даниловичемъ стр. 150—153: „князю-же Герденю *съ своими князи* не бывшю дома, приехавша въ домы своя, аже домы ихъ и земля плѣнена вся; ополчижеся князь Гердень, и Готортъ, и Люмбей, и Люгайло и прочія князи Литовскія“.

[2]) Ипат. лѣт. стр. 613—614.

[3]) Тамъ же. Skarbiec. dyplomatow etc. Danitowicza т. I стр. 125.

[4]) Ипатск. лѣт. стр. 577—579.

съ Литвою народы Литовскаго племени отъ натиска иноплеменниковъ и, не смотря на крайнія усилія, на удачныя походы и побѣдоносныя битвы, не въ состояніи былъ защитить ни одного изъ нихъ. То литовское начало, во имя котораго дѣйствовалъ Тройденъ, внесло съ собою въ строй великаго княжества преданія о такой разрозненности областной, которая и не дозволяла великому князю располагать достаточными для борьбы силами. Дѣйствительно въ разсматриваемый промежутокъ времени, послѣдовавшій за смертію Шварна Даниловича, одинъ Литовскій народъ за другимъ окончательно падаетъ въ борьбѣ съ иноплеменниками, которые вновь приближаются со всѣхъ сторонъ къ предѣламъ Жмуди и Литвы. Такъ, Ливонскій орденъ, не смотря на нѣсколько чувствительныхъ пораженій, нанесенныхъ ему Литовцами, успѣлъ подчинить себѣ Жемгалу [1]). Прусскіе крестоносцы подавили окончательно возстанія Пруссовъ, и принудили ихъ или подчиниться безусловно власти ордена, или бѣжать изъ отечества въ Литву [2]). Наконецъ польскіе князья, не смотря на опустошительные набѣги Литовцевъ на Польшу и Мазовію, овладѣли тою частью Ятвяжской земли, которая не была раньше покорена Волынскими князьями и „Ятвягомъ здѣ бысть остатняя погибель“ (1281) [3]).

Такимъ образомъ опасность, отвращенная на время Мендовгомъ, опять стала угрожать великому княжеству Литовскому. Представители его должны были сознать, что для спасенія своей родины, имъ необ-

---

[1]) 1270. Fuit autem Otto magister occisus a Letwinis in maritima, circa Karuszen, in glacie cum 52 fratribus ac 600 fidelibus. Andreas vice-magister Livoniae eodem anno fuit in conflictu contra Letwinos occisus cum 20 fratribus— Hujus tempore Semigallienses subjugati dederunt censum et tributum. Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae. Scrip. rer. Prussic. II, стр. 47—48.

[2]) Eo tempore (1283), quo ab incepto bello contra gentem Pruthenorum fluxerant jam 53 anni, omnes nationes in dicta terra expugnatae essent et exterminatae, ita, quod unus non superesset, qui sacrosanctae Romanae ecclesiae non subjiceret collum suum; fratres domus Teutonicae contra gentem illam potentem et durissimae cervicis, exercitatamque in bello, quae fuit vicinorum terrae Prussiae, ultra flumen Memele, in terra Litoviae habitans, inceperunt bellum. Dusburg. pars III. cap. 216.

[3]) Густынская лѣтоп. стр. 346.

ходимо отказаться отъ исключительнаго преобладанія національныхъ литовскихъ началъ и что они могутъ извлечь новыя силы для борьбы, только обратившись за помощью къ Руси, какъ вошедшей уже въ составъ великаго княжества Литовскаго, такъ и сопредѣльной съ нимъ. Это историческое призваніе выполнилъ новый родъ литовскихъ владѣтелей, вокняжившійся въ исходѣ XIII столѣтія, въ лицѣ Витеня и наслѣдника его Гедимина.

II

Витень и Гедыминъ.

1293—1341.

Новая династія, окончательно установившая и упрочившая Литовско-русское государство и разширившая его предѣлы до значительныхъ размѣровъ, вокняжилась въ немъ въ концѣ XIII столѣтія. Свѣдѣнія о происхожденіи этой династіи весьма скудны и разнорѣчивы въ дошедшихъ до насъ источникахъ, которые не даютъ намъ даже возможности указать точно время ея вокняженія. Оно послѣдовало, вѣроятно, въ промежутокъ времени между 1282 годомъ, по который княжилъ, по свидѣтельству Ипатской лѣтописи, великій князь Тройденъ и 1291—въ которомъ Дюсбургъ упоминаетъ уже о первомъ князѣ новаго рода. Описывая подъ этимъ годомъ набѣгъ Литовцевъ на Польшу, Дюсбургъ говоритъ: „Лютуверъ князь (rex) Литовскій отправилъ въ этомъ году своего сына Витеня съ большимъ войскомъ въ Польшу, въ землю Брестскую“ [1]). За исключеніемъ этого свидѣтельства Дюсбурга, заимствованнаго у него двумя другими нѣмецкими анналистами и Стрыйковскимъ [2]), мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній о началѣ но-

[1]) Dusburg. pars III, cap. 241.

[2]) Nicolaus von Jeroschin. Chronike von Pruziland (Script. rer. Prussic. I, 532). Die ältere Hochmeister chronik (ibid. III, 582). Stryjkowski (изд. 1846 г.) I, 267. Всѣ три источника, заимствовавъ свѣдѣніе у Дюсбурга, передаютъ

ваго литовскаго княжескаго рода. По словамъ преданія, сохранившагося въ лѣтописи т. н. Быховца, родъ этотъ происходилъ отъ владѣтельныхъ князей Эйраголы въ Жмуди и представитель его, служившій долгое время въ разныхъ должностяхъ (коморника, маршалка) у великаго князя Тройдена, наслѣдовалъ послѣ его смерти великокняжескій престолъ [1]). О первомъ князѣ этого рода, Лютуверѣ, кромѣ вышеприведенныхъ словъ Дюсбурга, въ источникахъ нѣтъ другихъ указаній; онъ уступилъ мѣсто своему сыну Витеню уже въ 1293 году [2]). Витень (1293—1316) и наслѣдовавшій ему другой сынъ Лютувера—Гедыминъ (1316—1341), были дѣйствительными основателями могущества великаго княжества Литовскаго [3]); князья эти умѣли соединить подъ своею властью силы,

---

имя Литовскаго князя съ опиской: первые два, вмѣсто **Lutuwerus**, пишутъ **Putuwerus**, а послѣдній—**Utinuerus**.

[1]) Лѣтоп. Быховца 13—14. „Витень, который-же былъ зъ рожаю и зъ поколѣнія Колюмновъ, зъ имѣнія держачого въ Жомоити, реченного *Айрагола*.... князь великій Тройденъ.... взялъ его къ собѣ, и былъ въ него коморникомъ.... и вчинилъ его въ себе маршалкомъ, и былъ въ него милосникомъ.... а затымъ, по смерти его, взятъ есть на великое княжство". Преданіе это, относившееся, вѣроятно, къ Лютуверу, послужило въ послѣдствіи мотивомъ для разсказа о вокняженіи Гедымина, служившаго будто конюхомъ у Витеня и похитившаго его престолъ.

[2]) Въ 1292 году Дюсбургъ (p. III, cap. 243, 260) упоминаетъ о набѣгѣ Литовцевъ на Польшу подъ предводительствомъ „Витеня, сына короля Литовскаго", а въ 1296 г. разсказываетъ уже о походѣ на Ливонію „Литовскаго короля Витеня". Длугошъ (**Hist. Pol.** I, 869—870), разсказывая о набѣгахъ Литовцевъ на Польшу въ 1293 и 1294 годахъ, утверждаетъ, что они происходили подъ начальствомъ „**Vitenis, ducis Lituaniae**".

[3]) Относительно преемственности власти и родственной связи между Гедыминомъ и Витенемъ, въ источникахъ существуетъ большое разногласіе: Лѣтопись Быховца (стр. 14) и за нею Стрыйковскій (I, 354), Кояловичъ (**Historia Lituaniae** I, 244), Ярошевичъ (**Obraz Litwy** I, 42) Лелевель (**Histoire de la Lithuanie et de la Ruthenie**, 121) и Нарбутъ (**Dzieje narodu Litewskiego** IV, 456) считали Гедымина сыномъ Витеня. Это, хотя позднее, но правдоподобное и близкое къ истинѣ извѣстіе было въ послѣдствіи затемнѣно легендами, возникшими подъ вліяніемъ политическихъ страстей болѣе поздняго времени. Одинъ легендарный варіантъ о происхожденіи Гедымина явился у Нѣмецко-Прусскихъ хронистовъ, другой—въ Русскихъ хронографахъ. Въ той части анналовъ Оливскаго монастыря, которая была составлена уже

достаточныя для борьбы съ наступавшими на Литву сосѣдями; они успѣли остановить завоевательное движеніе крестоносцевъ, расширили предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ

въ XV столѣтіи, среди тяжелой для ордена борьбы съ Ягайломъ и Витовтомъ, лѣтописецъ ордена, желавшій унизить происхожденіе враждебныхъ ордену государей, вставилъ разсказъ о томъ, что Гедыминъ служилъ будто конюхомъ у Литовскаго князя Витеня, и, затѣмъ, въ заговорѣ съ его женою, убилъ Витеня и овладѣлъ его престоломъ. Эта легенда заимствована была изъ Оливскихъ анналовъ Длугошемъ (I Lib. X, 60) и отъ послѣдняго перешла къ Кромеру, (De origine et rebus gestis Polonorum., 238) Бѣльскому (Kronika Polska, 208), Гвагнини и Нарушевичу (Historja narodu Polskiego, изд. 1836, VIII, 138), тоже мнѣніе повторилъ Voigt (Geschichte Preussens IV, 314). Еще позже, въ XVI столѣтіи, у составителей русскихъ хронографовъ и лѣтописныхъ сводовъ, легенда эта, заимствованная у польскихъ лѣтописцевъ, подверглась нѣкоторой передѣлкѣ, согласно политическимъ интересамъ того времени; желая доказать генеалогическимъ путемъ право великихъ князей Московскихъ на владѣніе великимъ княжествомъ Литовскимъ и представить литовскихъ князей незаконными похитителями власти, русскіе хронисты составили слѣдующее сказаніе: „Въ лѣто 6801 (1293), по плѣненіи безбожнаго Батыя, избѣжа отъ плѣна сего нѣкій князь, именемъ Вытенецъ, рода Смоленскихъ (по другимъ спискамъ Полоцкихъ) князей, Ростислава Мстиславича, и вселись у Жомойты у нѣкоего бортника, и поятъ у него дщерь въ жену себѣ, и пребы съ нею 30 лѣтъ бездѣтенъ, и убьенъ бысть громомъ. И послѣдки забитенца поятъ жену его рабъ его, конюшецъ, именемъ Гедыманикъ, и роди отъ нея 7 сыновъ“. (Рукописи Румянцевскаго музея: собраніе Ундольскаго № 576, листъ 27 на обор. и № 762, стр. 64—66; собраніе Пискарева № 176, л. 715). На основаніи одного варіянта этого сказанія и свидѣтельства Длугоша, Карамзинъ повторилъ тоже мнѣніе (Ист. Гос. Рос. изд. 1833 г. IV, стр. 233 и примѣч. 244); наконецъ, Соловьевъ (Ист. Россіи III, стр. 306 и примѣч. 422) также склоняется отдать преимущество этому разсказу. Только въ послѣднее время, благодаря вновь открытымъ документамъ, представилась возможность уяснить темный вопросъ о происхожденіи Гедымина. Въ грамотѣ, писанной этому князю магистратомъ города Риги 1323 года, сказано: „Noveritis, nos litteram vestram recipisse, in qua percepimus, quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut *Vithene, bonae memoriae frater vester et antecessor* nobiscum habuit“. (Наперскій Русско-Ливонскіе акты, стр. 31). На значеніе этого документа для установленія генеалогіи Гедымина обратилъ вниманіе Никитскій (Русская старина 1871 г. т. IV, статья: кто такой былъ Гедыминъ?).

земель и образовали сильное государство, вошедшее какъ новая политическая сила въ число установившихся уже государственныхъ единицъ европейскаго материка.

Въ разсказахъ лѣтописцевъ о княженіи Витеня, мы встрѣчаемъ исключительно рядъ извѣстій о безпрерывныхъ войнахъ съ крестоносцами и о набѣгахъ на Польшу; только въ княженіе Гедымина прибавляются къ этимъ извѣстіямъ свѣдѣнія о другихъ сферахъ дѣятельности этого князя.

Впрочемъ, характеръ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ указываетъ уже на новый поворотъ, случившійся во внутреннемъ строѣ великаго княжества Литовскаго и на усвоеніе имъ болѣе культурныхъ формъ быта. Вмѣсто нестройныхъ деревенскихъ ополченій, литовскіе князья предводительствуютъ благоустроенными арміями; они даютъ крестоносцамъ и Полякамъ сраженія и нерѣдко побѣждаютъ ихъ въ регулярныхъ битвахъ [1]); арміи литовскія многочисленны и дисциплинированы [2]), онѣ предпринимаютъ продолжительные и отдаленные походы [3]),

---

[1]) Литовскіе источники сохранили преданіе о битвѣ надъ р. Жеймиле, въ которой Гедыминъ нанесъ рѣшительное пораженіе крестоносцамъ (лѣт. Быховца 14—15; Стрыйковскій I 361—362; Кояловичъ I 246—249). Подъ 1320 г. Дюсбургъ сообщаетъ извѣстіе о пораженіи крестоносцевъ въ битвѣ при Мѣдникахъ, въ которой погибъ великій маршалъ ордена со всѣмъ войскомъ (р. III, cap. 331). Въ 1292 году Куявскій князь Казимиръ, защищая свой удѣлъ отъ нападенія Витеня, погибъ въ сраженіи съ Литовцами у Троянова, вмѣстѣ съ 1,800 своихъ рыцарей (Длугошъ I, 870; Дюсбургъ р. III, cap. 325) и т. п.

[2]) На эти качества литовскихъ армій указываютъ постоянно современныя свидѣтельства. Такъ у Дюсбурга, при описаніи нападеній Витеня и Гедымина на земли ордена, сказано: Rex Littowiae *cum maximo exercitu* Sambiam et Natangiam vexavit". „Vitenes cum 4000 *virorum praelectorum* intravit terram Prussiae". „Lettovini cum omni potentia exercitus sui venerunt occulte et improvise ad castrum Ragnitam". „Lettowini, congregato iterum *exercitu valido*, venerunt ad ducatum Dobrzyn". „Rex (Gedyminus) misit alium *exercitum praegrandem* versus Livoniam и т. д (Dusburg III, cap. 299, 303, 316, 339, 351).

[3]) Не ограничиваясь нападеніями на пограничные округи Пруссіи, Ливоніи и Мазовіи, Литовцы при Витенѣ и Гедыминѣ предпринимаютъ продолжительные военные походы въ глубь непріятельскихъ земель; такъ, въ

не удовлетворяются, какъ до того времени, грабежемъ непріятельской территоріи, но осаждаютъ города, берутъ приступомъ укрѣпленія, воздвигаютъ стѣнобитныя машины и располагаютъ правильные лагери [1]). Границы земли Литовской защищены теперь отъ враговъ не одними пущами, болотами и озерами, какъ въ былое время, но цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ замковъ и городовъ [2]); жители всего края обязаны, въ силу разпредѣленія между ними государственной повинности, состоять въ качествѣ гарнизона, по очереди на стражѣ этихъ крѣпостей [3]) и умѣютъ ихъ защищать съ храбростію и знаніемъ военнаго дѣла; крестоносцы успѣваютъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и то по

1292 г. Витень опустошилъ землю Ленчицкую, а въ 1306—1307 г. Калишскую и Сѣрадзкую, лежавшія въ глубинѣ и на западной окраинѣ Польши (Длугошъ I, 870, 916 и 923). Въ 1323 г. Гедыминъ предпринималъ удачный походъ въ область города Ревеля, а въ 1326 онъ вторгнулся въ Бранденбургскую мархію, расположился станомъ у Франкфурта на Одерѣ и опустошилъ обширную область вокругъ этого города (Dusburg III, cap. 336 и 354. Длугошъ I 993).

[1]) Въ источникахъ мы встрѣчаемъ извѣстія о взятіи Литовцами укрѣпленныхъ городовъ: Ленчицы, Калиша, Ставишина, Добрина, Мемеля и т. д. (Dusburg III, cap. 337, 339; Длугошъ I 870, 916, 980). Въ 1315 г. Витень осаждалъ замокъ крестоносцевъ—Христмемель въ теченіи 17 дней „duabus machinis et multis sagittariis“. а въ 1311 г., защищая Гродно, „cum magna potentia exercitus sui, castra metatus est circa Gartham“. (Dusburg III, cap. 305, 317).

[2]) Въ описаніи походовъ крестоносцевъ на Литву при Витенѣ и Гедыминѣ, кромѣ старыхъ русскихъ городовъ: Гродна и Новгородка-Литовскаго, мы встрѣчаемъ упоминанія о слѣдующихъ замкахъ и крѣпостяхъ, охранявшихъ западную границу собственной Литвы и Жмуди: Юнигеда, Циста, Кимель, Онкаимъ, замокъ Гедыминъ, Путеба, Бисена, Шройнете, Буерварте, Систиденъ, Медераге, Путенике. Крѣпости эти выдерживали осады и приступы крестоносцевъ, повторявшіеся иногда ежегодно въ продолженіи многихъ лѣтъ (какъ Гродно, Юнигеда, Бисена и друг.) и успѣвали побѣдоносно отражать ихъ. (Dusburg III, cap. 247—344).

[3]) „У Литовцевъ обыкновенно соблюдается слѣдующій обычай относительно содержанія гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ: князь назначаетъ воиновъ въ гарнизонъ каждаго замка срокомъ на мѣсяцъ или долѣе; по истеченіи-же срока, другіе являются имъ на смѣну“. (Dusburg III, cap. 293 и 321).

большей части лишь съ помощью хитрости или измѣны, овладѣвать литовскими городами [1]).

Это замѣтное усиленіе и усовершенствованіе строя литовскихъ военныхъ силъ зависѣло отъ перемѣны, происшедшей въ внутренней группировкѣ составныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, именно, отъ призыва князьями новой династіи русскихъ силъ къ участію въ защитѣ интересовъ Литовско-русскаго государства. Къ несчастію, среди многочисленныхъ и подробныхъ историческихъ извѣстій о военныхъ походахъ того времени, мы не находимъ указаній на тѣ пріемы внутренней организаціи, посредствомъ которыхъ Витень успѣлъ вызвать изъ Руси силы, доставившія сильную точку опоры Литовскому государству. Несомнѣнно однако, что перемѣна, происшедшая въ организаціи военнаго дѣла въ Литвѣ, зависѣла отъ новаго прилива русскихъ силъ, выступившихъ теперь на защиту общаго государства. Одновременно съ вышеприведенными свидѣтельствами объ новомъ строѣ военнаго дѣла въ Литвѣ, всѣ источники указываютъ на присутствіе въ литовскихъ войскахъ военныхъ контингентовъ и военачальниковъ русскихъ. Съ самаго начала княженія Витеня, польскіе и нѣмецкіе лѣтописцы, разсказывая его походы, называютъ постоянно сопровождавшія его ополченія не „Литовцами“ какъ прежде, а „Литовцами и Русскими“. Такъ, уже подъ 1293 годомъ, Длугошъ упоминаетъ о походѣ Витеня въ Пруссію „cum multitudine Lituanorum Rutenorumque“ [2]). Тоже говоритъ онъ и при разсказѣ о другомъ походѣ Литовскаго князя въ 1308 г. [3]). Въ лѣтописи Виганда Марбургскаго находятся такія-же извѣстія объ участіи Руси въ походахъ великихъ князей литовскихъ [4]). По свидѣтельству Дюсбурга, русскіе не только находились въ составѣ литовскаго войска, но отличались вооруженіемъ и военными пріемами общими запыднымъ рыцарямъ. Дюсбургъ два раза

---

[1]) Такъ въ 1301 и 1307 годахъ замки Онкаимъ и Путенике взяты были крестоносцами вслѣдствіе измѣны ихъ комендантовъ, Литовцевъ: Драйко и Спудо (Dusburg III, cap. 273 и 294).

[2]) Длугошъ I, 869.

[3]) „Forti exercitu ex Lituanis et Rutenis congregato“ Длуг. I, 925.

[4]) „1311. Wytan, rex Lituanorum, cum suis et Rutenis venit in Prussiam“. Chronica nova Pruthenica. Wigandi de Marburg. (Script rer. Prussic. II, 454). 1341 „Magister... proposuit mittere legatos—in Allmaniam et vocare soldatos... contra Litwanos et Rutenos in eorum devastationem“. (ibid. 497.).

(1296 и 1305 г.) разсказываетъ объ единоборствѣ нѣмецкихъ рыцарей съ литовскими и оба раза обозначаетъ, что послѣдніе были „Ruteni“ [1]).

Участіе русскихъ въ государственной жизни великаго княжества Литовскаго не ограничивалось ихъ участіемъ въ военныхъ походахъ литовскихъ князей; не смотря на скудность источниковъ, мы имѣемъ одно свидѣтельство, доказывающее, что русскимъ поручались по преимуществу посольства въ сношеніяхъ литовскихъ князей съ сосѣдними государствами. Въ 1326 году посланникъ Гедымина, по имени Лессе (вѣроятно Лесько т. е. Александръ) принесъ жалобу Рижскому архіепископу о томъ, что крестоносцы, не смотря на заключенное перемиріе, задержали, ограбили и посадили въ тюрьму какъ его, такъ и другихъ его сотоварищей, русскихъ, снаряженныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ посольство отъ лица великаго князя [2]).

Новый признакъ усиленія значенія русской народности въ великомъ княжествѣ Литовскомъ мы находимъ въ томъ обстоятельствѣ, что среди сподвижниковъ Витеня и Гедымина единственная выдающаяся личность, занимающая видное мѣсто на ряду съ самими князьями, это представитель Руси—Давидъ староста Гродненскій [3]). По словамъ литовскихъ источниковъ, Давидъ, отличаясь необыкновенною энергіею, предпріимчивостію и знаніемъ военнаго дѣла, пользовался въ Литвѣ высокими почестями и занималъ при Гедыминѣ первое мѣсто въ государствѣ послѣ великаго князя; послѣдній окружилъ его возможнымъ почетомъ и породнился съ нимъ, отдавъ ему въ замужество одну изъ своихъ дочерей [4]). Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ современнымъ свидѣтельствамъ, таково дѣйствительно должно было быть положеніе Гродненскаго старосты въ Литовскомъ государствѣ; между тѣмъ

---

[1]) **Dusburg** III, cap. 259 и 284.

[2]) Наперскій. Русско-Ливонскіе акты № 81, стр. 51. „**socios meos, videlicet Ruthenos, una mecum missos.... iidem (cruciferi) in castro Duneborch denuo spoliarunt**“.

[3]) У Дюсбурга и Іерошина онъ называется—**Dawid, castellanus de Gartha**; въ **Hochmeister chronik**—**Burgraf** или **Hauptmann von Garthen**; въ русскихъ лѣтописяхъ—„Давидъ, князь Литовскій“; у Длугоша—**capitaneus de Garthin**; у Стрыйковскаго—Давидъ староста Гродненскій. Послѣднее наименованіе точнѣе другихъ согласуется съ установившимся въ Литвѣ титуломъ, обозначавшимъ управителей областей.

[4]) **Stryjkowski** I, 380. Кояловичъ I, 275.

какъ имена другихъ, сподручныхъ великому князю, вождей литовскихъ или вовсе не упоминаются, или называются только вскользь и изрѣдка, имя Давида Гродненскаго встрѣчается довольно часто во всѣхъ источникахъ. Управленію его поручена важнѣйшая изъ литовскихъ крѣпостей—Гродно, составлявшая ключъ къ Литовскимъ владѣніямъ со стороны Мазовіи и владѣній Тевтонскаго ордена, овладѣть которою крестоносцы покушались безпрестанно; въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ великій князь не принималъ лично участія, онъ вручалъ Давиду начальство надъ литовскими арміями, оказывая ему предпочтеніе передъ своими братьями и сыновьями; Давидъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ великаго князя съ сосѣдними русскими землями; наконецъ, мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что онъ владѣлъ извѣстнымъ удѣломъ, даннымъ ему въ качествѣ лена, зависѣвшаго отъ великаго князя Литовскаго [1]). Первый разъ имя этого русскаго сановника мы встрѣчаемъ въ источникахъ подъ 1314 годомъ, въ разсказѣ о нападеніи крестоносцевъ на Новгородокъ Литовскій: нѣмецкіе рыцари, неожиданно явившись у этого города, взяли его и сожгли и, затѣмъ, стали штурмовать замокъ; на выручку крѣпости явился Давидъ Гродненскій; онъ овладѣлъ лагеремъ крестоносцевъ, перебилъ въ немъ стражу и увелъ лошадей и съѣстные припасы. Крестоносцы принуждены были къ отступленію, но, на обратномъ пути они не нашли устроенныхъ ими по обыкновенію въ опредѣленныхъ стоянкахъ складовъ провіанта; стоянки эти были разрушены Давидомъ; армія крестоносцевъ, томимая голодомъ, разсѣялась и почти вся погибла въ литовскихъ лѣсахъ отъ голода и недостатка [2]). Подъ 1318 годомъ мы встрѣчаемъ разсказъ о смѣломъ вторженіи въ Пруссію небольшого литовско-русскаго отряда, вышедшаго изъ Гродна подъ предводительствомъ Давида [3]). Подъ 1322—1323 годами русскія лѣтописи передаютъ обстоятельный разсказъ о помощи, оказанной Давидомъ Псковитянамъ. Въ это время у Пскова возникло несогласіе съ Ливонскимъ орденомъ.

---

[1]) Dusburg, III, cap. 342. „1324. Tres fratres et 600 viri de Natangia allodium seu praedium David, castellani de Gartha, hostiliter sunt ingressi, et funditus comburentes, praeter occisos homines, 100 equos cum multo pecore alio deduxerunt".

[2]) Dusburg, III, cap. 315.

[3]) Jeroschin, Kronik von Pruzinland (Script. rer. Prussic. I, 592). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. III, 589).

Рыцари, не смотря на перемиріе, заключенное со Псковымъ, тѣснили Псковитянъ со стороны Эстоніи: они перебили на Чудскомъ озерѣ псковскихъ гостей и прогнали псковскихъ ловцевъ, промышлявшихъ звѣринымъ промысломъ на Наровѣ; Псковичи обратились за помощью къ Давиду Гродненскому, который и явился къ нимъ на выручку; во главѣ своей рати и псковскаго ополченія, онъ вторгнулся въ Эстонію, опустошилъ эту область до самаго Ревеля и увелъ огромную добычу и болѣе 5,000 плѣнниковъ; въ началѣ слѣдующаго года, когда сильное войско крестоносцевъ осадило Псковъ, на помощь городу опять явился Давидъ Гродненскій, онъ разбилъ нѣмецкую армію, сжегъ построенные рыцарями пороки и осадныя машины и прогналъ ихъ за рѣку Великую; вслѣдствіе этого пораженія, крестоносцы должны были просить мира у Псковитянъ [1]). Наконецъ въ 1324 и 1326 годахъ мы встрѣчаемъ Давида въ качествѣ предводителя многочисленныхъ литовско-русскихъ армій, которыя предпринимаютъ походы въ Мазовію и Брандебургскую мархію; во время послѣдняго изъ этихъ походовъ, Гродненскій староста былъ измѣнически убитъ мазовецкимъ рыцаремъ, Андреемъ, находившимся въ отрядѣ, сопровождавшемъ Давида [2]).

Наконецъ, значеніе, пріобрѣтенное русскою народностію въ великомъ княжествѣ Литовскомъ при Витенѣ и Гедыминѣ, обозначилось и въ самомъ титулѣ, принятомъ этими князьями. Въ сношеніяхъ съ иноземными государствами, Гедыминъ принималъ въ грамотахъ титулъ короля Литвы и Руси (rex Litwinorum Ruthenorumque или rex Lethowinorum et multorum Ruthenorum [3]). Литовскія позднѣйшія лѣтописи отмѣчаютъ также усилившееся вліяніе русскаго народнаго начала; со времени вокняженія Витеня они называютъ управляемое имъ государство не княжествомъ Литовскимъ и Жмудскимъ какъ прежде, а даютъ ему титулъ „великаго княжества Литовскаго, Жмудскаго и Русскаго“ [4]).

---

[1]) Dusburg III, cap. 336. Die ältere Hochmeisterchronik (Script. rer. Prussic. III, 589). Длугошъ I 985. Псковская вторая и Софійская первая лѣтописи (Полн. собр. Русск. лѣтоп. V стр. 11 и 216).

[2]) Dusburg III, cap. 350 и 354. Длугошъ I 988. Annalista Thoruniensis (Script. rer. Prussic III, 66).

[3]) Наперскій, акты Русско-Ливонскіе стр. 31 и 50. Daniłowicz. Skarbiec etc. т. I, стр. 153, 154, 155 и т. д.

[4]) Лѣтопись Быховца 14. Stryjkowski I, 331.

Значеніе, которое пріобрѣла Русская народность съ вокняженіемъ новой династіи, установилось не безъ борьбы съ литовскимъ народнымъ началомъ, не желавшимъ уступать того преобладающаго значенія, которое оно получило въ княженіе Тройдена. На сколько можемъ судить по немногимъ намекамъ, уцѣлѣвшимъ въ источникахъ, составители которыхъ вообще мало или вовсе не интересовались свѣдѣніями, относящимися къ внутреннему развитію и устройству великаго княжества Литовскаго, протестъ противъ новой княжеской династіи проявлялся довольно сильно въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Представителемъ этого протеста былъ Пелюза сынъ Тройдена, лишенный наслѣдственнаго стола Лютуверомъ. Еще въ 1286 году князь этотъ бѣжалъ къ крестоносцамъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ пытался съ помощью ордена возстановить свои права на великокняжескій столъ. Не признавая власти Витеня, онъ принялъ титутъ великаго князя литовскаго и безпрестанными набѣгами тревожилъ пограничныя области своего отечества; во время одного изъ такихъ нападеній, онъ успѣлъ захватить и предать смерти до семидесяти князей (regulos) литовскихъ, собравшихся праздновать свадьбу. Имѣя связи съ членами благопріятствовавшей ему партіи, онъ вызывалъ неоднократно предательство литовскихъ военачальниковъ и комендантовъ крѣпостей, сдававшихъ безъ боя крестоносцамъ порученные ихъ стражѣ замки [1]). Только въ 1314 году Пелюза, вмѣстѣ съ главными своими сторонниками, попалъ въ руки Гедымина и былъ казненъ по его приказанію. Сверхъ этихъ данныхъ, мы имѣемъ указанія на то, что протестъ литовской народности противъ новой княжеской династіи находилъ сильную поддержку въ народонаселеніи всей Жмудской земли. Такъ, въ 1294 году, во время нападенія на Жмудь одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ вождей крестоносцевъ, Рагнитскаго комтура, Людвига фонъ Либенцель, начальные люди Жмудской земли склонили народъ къ союзу съ крестоносцами и подняли открытое возстаніе противъ Витеня; хотя движеніе это и было усмирено, но, по свидѣтельству нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Витень до конца своего княженія не былъ

---

[1]) Имена трехъ литовскихъ начальниковъ, измѣнявшихъ в. к. литовскимъ вслѣдствіе сношеній съ Пелюзою сохранились въ источникахъ; тамъ названы: Драйко, Спудо и Свитрилъ. Dusburg III, cap. 273, 294. Stryjkowski I, 354.

[2]) Dusburg III c. 223. Stryjkowski I, 354—355.

въ состояніи склонить Жмудиновъ ни просьбами, ни угрозами, къ согласію и къ общей съ нимъ борьбѣ съ крестоносцами [1]).

Недоброжелательство литовской народности къ своимъ великимъ князьямъ подавало поводъ послѣднимъ относиться съ тѣмъ большимъ довѣріемъ къ представителямъ русской народности и искать въ ней надежной точки опоры для утвержденія своей власти; преобладаніе Руси усиливалось постоянно, и при Гедыминѣ возрасло еще болѣе вслѣдствіе присоединенія къ великому княжеству Литовскому новыхъ русскихъ земель. Поздніе собиратели литовскихъ историческихъ преданій, находя въ народной памяти сохранившееся общее воспоминаніе о значительныхъ территоріяльныхъ пріобрѣтеніяхъ Гедымина на Руси, склонны были относить къ его времени всякое объединеніе съ Литвою русскихъ областей, о времени присоединенія которыхъ къ великому княжеству Литовскому они не находили точныхъ указаній; результатомъ такого пріема составителей литовскихъ хроникъ, было то, что они внесли въ лѣтописаніе весьма сомнительныя, иногда совершенно вымышленныя или извращенныя сказанія о судьбѣ нѣкоторыхъ русскихъ областей въ началѣ XIV столѣтія. Попытаемся, на сколько это возможно, провѣрить эти сказанія и опредѣлить районъ дѣйствительныхъ владѣній Гедымина на Руси.

Древнѣйшее владѣніе, пріобрѣтенное Литовцами на Руси, еще въ первой половинѣ XIII столѣтія, и служившее основнымъ ядромъ, около котораго слагалось Литовско-Русское государство — составляла Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Здитовымъ, Гродномъ, Слонимомъ и Волковыскомъ; область эта удержала за собою до половины XIV столѣтія, по преимуществу, названіе *Кривичской земли* [2]); вошедши въ составъ великаго княжества Литовскаго еще при Рынгольтѣ, не смотря на колебанія, которымъ подвергалось Литовское государство при Мендовгѣ

---

[1]) Nec unquam temporibus suis rex Lithoviae cum Samechis poterat concordare, ut simul in bello procederent contra fratres. (Dusburg III, cap. 252). Der Kunig kunde ouch bey seinen czeiten dy Samayten, mit bete, noch mit drewen nyhe dorczu brengen, das sie em beygestunden wedir dy bruder. (Die ältere Hochmeister Chronik—Script. rer. prussic. III, 584). Тоже у Іерошина (Kronike von Pruzinland. ibid. I, 540).

[2]) 1314. Frater Henricus Marschalcus..... venit ad terram Crivitiae, et civitatem illam, quae parva Nogardia dicitur, cepit. (Dusburg III, cap. 315).

и его преемникахъ, земля эта оставалась постоянно достояніемъ великихъ князей Литовскихъ; при Витенѣ и Гедыминѣ, она находилась въ управленіи Давида Гродненскаго, а при распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Гедымина, она выпала на долю двухъ изъ нихъ: Монтвида и Коріята [1]).

Другая русская область, присоединенная къ великому княжеству Литовскому еще при Мендовгѣ,—была Полоцкая земля; въ ней княжилъ родственникъ Мендовга—Товтивилъ, а послѣ его убіенія Стройнатомъ, вокняжился литовскій князь Эрденъ, управлявшій этою областію въ качествѣ самостоятельнаго владѣльца; Эрденъ или одинъ изъ его преемниковъ, принявъ крещеніе, подчинилъ Полоцкъ верховной власти Рижскаго архіепископа; но, впослѣдствіи, рыцари Ливонскаго ордена, враждовавшіе съ архіепископомъ, уступили, за денежное вознагражденіе, верховное право на Полоцкъ великому князю литовскому; воспользовавшись пріобрѣтеніемъ этого права, Витень подчинилъ себѣ Полоцкъ въ 1307 году [2]). Съ того времени Полоцкъ находился въ управленіи третьяго брата Витеня и Гедымина Воина [3]). „Любко князь, сынъ Войновъ Полоцкаго князя“ погибъ въ 1341 году въ стычкѣ съ Новогородцами и затѣмъ Полоцкъ перешелъ, вѣроятно послѣ смерти самаго Воина, во владѣніе Андрея, старшаго изъ сыновей Ольгерда (около 1343 г.) [4]).

Въ той части Полоцкой земли, которая тянула къ Минску, княжилъ при Гедыминѣ какой-то князь Василій, вѣроятно изъ рода Всеславичей, но онъ признавалъ себя сподручникомъ великаго князя литовскаго и имя его мы встрѣчаемъ въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ Геды-

---

[1]) Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 27. Длугошъ, lib. X, стр. 60.

[2]) Naruszewicz VIII, 137, примѣч. 1. Стрыйковскій передаетъ свѣдѣніе объ этомъ событіи въ слѣдующихъ словахъ: „я нашелъ извѣстіе въ старыхъ русскихъ лѣтописяхъ, нѣсколькими экземплярами которыхъ пользуюсь, что Литва въ 1307 году овладѣла Полоцкомъ, но нѣтъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ это случилось и кто тогда владѣлъ Полоцкомъ“. (I, 349).

[3]) „1326. Приходиша изъ Литвы въ Новгородъ послы: братъ великаго князя Гедымина, Воиній, Полоцкій князь, и князь Василій Минскій и Ѳедоръ Святославичъ“. Воскресен. лѣтоп. стр. 199. Софійская первая лѣтоп. стр. 217.

[4]) Первая Псковская лѣтоп. стр. 188.

миномъ въ Новгородъ въ 1326 году. О времени подчиненія минскихъ князей Литвѣ источники не упоминаютъ.

Равнымъ образомъ мы не находимъ точныхъ указаній на время и обстоятельства присоединенія къ великому княжеству Литовскому княжествъ Туровскаго и Пинскаго, хотя несомнѣнно при Гедыминѣ они уже входили въ составъ его владѣній; распредѣляя удѣлы между сыновьями, Гедыминъ назначилъ Пинскъ въ удѣлъ Наримунту [1]). Послѣдній Пинскій князь изъ рода Святополка Изяславича, упоминаемый въ лѣтописи—былъ Юрій Владиміровичъ, скончавшійся въ 1292 году [2]). Вѣроятно въ княженіе сына его, Дмитрія, Пинское и Туровское княжества перешли подъ власть Литвы; уже внукъ Юрія—Данило Дмитріевичъ, записанный въ Кіево-печерскій помянникъ въ родѣ князей Туровскихъ, въ дѣйствительности не владѣлъ ни Туровомъ, ни Пинскомъ, но имѣлъ (около 1340) новую отчину—городъ Острогъ на Волыни [3]).

Еще одинъ русскій удѣлъ—княжество Витебское—былъ пріобрѣтенъ Гедыминомъ мирнымъ путемъ; сынъ его, Ольгердъ, женился въ 1318 году на единственной наслѣдницѣ послѣдняго Витебскаго князя—Ярослава Васильевича и, послѣ смерти тестя, получилъ въ наслѣдство его княжество [4]).

Наконецъ, такимъ-же путемъ, вслѣдствіе брака Любарта Гедыминовича на наслѣдницѣ одного изъ Волынскихъ князей, пріобрѣтено имъ было право на Волынь, [5]) которое впрочемъ онъ могъ заявить только около 1340 года, послѣ прекращенія рода Галицко-Володимірскихъ князей.

---

[1]) Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 27. Длугошъ, lib. X, стр. 60.

[2]) Ипатск. лѣтоп. стр. 616.

[3]) Максимовичъ—письма о князьяхъ Острожскихъ (Собраніе сочиненій I, 166—167).

[4]) „Князь Витебскій сыновъ не держалъ; принялъ Ольгерда къ дочцѣ". Лѣтоп. изд. Данилов. стр. 27. Тоже у Длугоша—lib. X, стр. 60. Въ генеалогіи Витебскихъ князей, приложенной къ лѣтописи Быховца (стр. 81), сказано: „Ярославъ Васильевичъ, послѣдній князь Витебскій, умре 1320 року. Марія Ярославовна выйде за мужъ за Ольгерда князя Кревскаго, Гедыманича, 1318 року; умре въ Вильни 1346 року".

[5]) „А Люборта принялъ Володимерскій князь къ дочцѣ, въ Володимерь, и въ Луческъ, и во всю землю Волынскую. (Лѣтоп. изд. Данилов. стр. 27).

Перечисленныя земли составляли тѣ русскія владѣнія, которыя дѣйствительно находились подъ властью Гедымина; болѣе позднія литовскія преданія приписывали сверхъ того Гедымину завоеваніе такихъ русскихъ земель, которыя присоединены были гораздо позже къ великому княжеству Литовскому. Таковъ разсказъ о мнимомъ завоеваніи Гедыминомъ Волыни и Кіевской земли, обыкновенно полагаемый подъ 1320—1321 годами.

Такъ какъ разсказъ объ этомъ событіи пріобрѣлъ незаслуженную извѣстность и повторялся во многихъ ученыхъ сочиненіяхъ, монографіяхъ и даже учебникахъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ, въ качествѣ дѣйствительнаго достовѣрнаго факта, то мы остановимъ на немъ вниманіе и постараемся указать какъ происхожденіе этого разсказа, такъ и свидѣтельства, опровергающія его вѣроятность.

Разсказъ о походѣ Гедымина на Волынь и Кіевъ въ 1320—1321 годахъ первый разъ появился въ хроникѣ Матѳея Стрыйковскаго (изд. 1582 г.) До того времени о немъ не упоминаютъ вовсе ни современные источники, ни лѣтописные своды, ни составители позднѣйшихъ прагматическихъ историческихъ сочиненій. Такъ, древнѣйшая литовско-русская лѣтопись (изд. Даниловичемъ), составленная въ первой половинѣ XV столѣтія, перечисляя области, распредѣленныя Гедыминомъ въ удѣлъ сыновьямъ, не упоминаетъ вовсе о Кіевѣ и говоритъ, что Волынская земля досталась Любарту вслѣдствіе его брака, слѣдовательно она не была завоевана Гедыминомъ. Русскія лѣтописи XIV и XV столѣтій, равно какъ составители нѣмецкихъ: прусскихъ и ливонскихъ хроникъ, ничего не знаютъ о походѣ Гедымина на Волынь и Кіевъ. Длугошъ (1480) приводитъ свѣдѣнія объ удѣлахъ сыновей Гедымина изъ упомянутой русско-литовской лѣтописи, но о походѣ также умалчиваетъ. Наконецъ, писатели второй половины XVI столѣтія, современники Стрыйковскаго, составлявшіе свои труды почти одновременно съ нимъ, но не пользовавшіяся его книгою: Мартинъ Бѣльскій (+1575) и Кромеръ (изд. 1568) не упоминаютъ вовсе о походѣ Гедымина на Волынь и Кіевъ. Единственный источникъ, повторившій данный разсказъ, но въ болѣе сокращенномъ видѣ, это Густинская лѣтопись. Составитель этой лѣтописной компиляціи (доведенной до 1597 г.) помѣстилъ разсказъ о завоеваніи Гедыминомъ Кіева и Волыни, самостоя-

тельно, не заимствуя его изъ Стрыйковскаго. Оба хрониста черпали извѣстія изъ одного общаго источника; источникомъ-же этимъ была лѣтопись, такъ называемая, Быховца, составленная въ половинѣ XVI столѣтія (оканчивается 1548 годомъ). Для того, чтобы оцѣнить достовѣрность самаго факта, приведемъ разсказъ о немъ въ текстѣ первоначальнаго извѣстія, укажемъ прибавленія и сокращенія, которымъ подвергся этотъ текстъ у Стрыйковскаго и въ Густинской лѣтописи и, затѣмъ, разсмотримъ подробно достовѣрность самаго разсказа.

Лѣтопись Быховца передаетъ фактъ завоеванія Волыни и Кіева Гедыминомъ слѣдующими словами: „Вспокоивши (Гедыминъ) землю Жомоитскую отъ нѣмцовъ, и пошелъ на князи Русскія, и приде напередъ къ городу Володиміру; и князь Володиміръ Володимірскій, собравшися съ людьми своими, и вчини бой лютъ съ княземъ великимъ Гедыминомъ. И поможе Богъ великому князю Гедымину, ижъ князя Володимера Володимерского самого вбилъ, и рать его всю побилъ, и городя Володимеръ возметъ".

„И потомъ поиде на князя Льва Луцкого, и князь Левъ услышалъ, што князя Володиміра Литва вбила и городъ Володиміръ взяли, и онъ не смѣлъ противу стати ему, и побѣжитъ до князя Романа, до зятя своего, ку Брянску; а князи (и) бояре Волынскіе били чоломъ великому князю Гедымину, абы въ нихъ панозалъ и господаремъ былъ, а земли ихъ не казилъ; и князь великій Гедыминъ, укрѣпивши ихъ присягою, и оставивши намѣстниковъ своихъ въ нихъ, и тамъ начнетъ княжити, а потомъ на зиму шелъ до Берестя, вси войска свои розпустилъ, а самъ въ Берестіи зимовалъ; и скоро великъ-день минулъ, и онъ, собравши вси свои силы: литовскіи, жомоитскіи и русскіи, и на другой недѣли по велицѣ-дни, поиде на князя Станиславля Кіевского; и, пришодъ, возметъ городъ Вручей и городъ Житомиръ; и князь Станиславль Кіевскій, обославшися съ княземъ Ольгомъ Переяславскимъ, и съ княземъ Романомъ Бранскимъ, и съ княземъ Львомъ Волынскимъ, которого князь велики Гедыминъ выгналъ зъ Луцка, и собралися вси у великомъ множестви людей своихъ русскихъ, и сподкалися съ княземъ великимъ Гедыминомъ на рѣцѣ на Рпени, подъ Бѣлымъ-городомъ, въ шести милехъ отъ Кіева; и вчинили бой и сѣчу великую; и поможе Богъ великому князю Гедымину, побьетъ всихъ князей Русскихъ на голову, и войско ихъ все побитое на мейсцу зостало, и князя Льва Луцкого и князя Ольга Переяславского вбилъ, и въ малѣ дружинѣ Станиславль

Кіевскій изъ Романомъ Брянскимъ втекуть до Брянска. А князь великій Гедыминъ оступилъ городъ Бѣлгородъ и горожане, видячи, ижъ господарь ихъ зъ войска побѣгъ, а войско все на голову поражено, и оныи, не хотячи противитися войску такъ великому литовскому, и передалися съ городомъ князю Гедымину, и присягу учинили служити къ великому князству Литовскому; и затымъ князь Гедыминъ пополъ со всими силами своими до Кіева. Обляже городъ Кіевъ, и Кіяне почалися ему боронити, и лежалъ князь великій Гедыминъ подъ Кіевомъ мѣсяцъ. А затымъ здумали съ собою горожане Кіевскіе, ижъ моцы великого князя больш терпиты не могли безъ госпорада своего, великого князя Станислава Кіевского, и услышели то, ижъ господарь ихъ, князь Станиславль, утекъ отъ Гедымина, и войско все ихъ господаря побито, и въ нихъ заставы никоторое князь ихъ не зоставилъ, и оны, змовившися одномыслне, подалися великому князю Гедымину; и шедши зъ города со кресты: игумены, попы и діяконы, и ворота городовыя отворили, и стретили великого князя Гедымина честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою великому князю на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчинъ ихъ не отнималъ; и князь Гедыминъ при томъ ихъ зоставилъ, и самъ честно въ городъ Кіевъ въѣхалъ".

„И услышали то пригородки Кіевскіе: Вышегородъ, Черкасы, Каневъ, Путивль, Слѣповродъ, што Кіяне передалися съ городомъ, а господара своего слышели, ижъ утекъ до Бранска, а силу его всю побито, и вси пришли до великого князя Гедымина изъ тыми вышереченными пригородки Кіевскими, и подалися служити, и присягу на томъ дали великому князю Гедымину: и Переяславляне слышели, ижъ Кіевъ и пригородки Кіевскіе подалися великому князю Гедымину, а господарь ихъ, князь Ольгъ, отъ великого князя Гедымина вбитъ, а оны, пріѣхавши, и подалися съ городомъ служити великому князю Гедымину, и присягу свою на томъ дали".

„И князь великій Гедыминъ, взявши Кіевъ и Переяславль и вси тые вышереченные пригородки, и посадилъ на нихъ князя Миндога сына Ольгимонта, великого князя Голшанского, а самъ зъ великимъ веселіемъ въ Литву возвратися. И въ тотъ часъ, будучи великому князю Станиславлю Кіевскому у Браньску, выгнанному одъ великого князя Гедымина, и присла къ нему князь Иванъ Резаньскій, будучи у старости своей, просячи его, абы до него пріѣхалъ, и дочку у него понялъ,

именемъ Ольгу, бо сына не мелъ, только одну тую дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Резаньскимъ. И князь Станиславль до него ѣхалъ, и дочку въ него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Резаньскимъ“ [1]).

Стрыйковскій, постоянно пользовавшійся лѣтописью Быховца, заимствовалъ изъ нея вышеприведенный разсказъ и, по своему обыкновенію, не подвергая его критикѣ, не только внесъ его цѣликомъ въ свою хронику, но постарался развить въ подробностяхъ; онъ изобразилъ въ пространномъ фантастическомъ разсказѣ ходъ битвъ у г. Владиміра и на р. Ирпенѣ (имя которой передѣлалъ въ Перну), равно какъ и подробности осады Владиміра и Кіева; затѣмъ онъ къ разсказу лѣтописи прибавилъ, безъ ссылки на источникъ, одну важную фактическую подробность: по его свѣдѣніямъ походъ Гедымина вызванъ былъ самими Волынскими князьями, напавшими на его владѣнія въ то время, когда онъ занятъ былъ войною съ крестоносцами, и отнявшими у Литвы города: Дрогичинъ и Берестіе [2]). Сверхъ того Стрыйковскій приурочилъ, разсказанныя лѣтописью Быховца безъ хронологической помѣтки, событія къ опредѣленному году, именно къ 1320 [3]). При этомъ онъ очевидно имѣлъ въ виду начальныя слова лѣтописнаго разсказа: „вспокоивши землю Жомоитскую отъ Нѣмцовъ“; а такъ какъ подъ 1320 годомъ онъ нашелъ у Дюсбурга и Длугоша извѣстіе о пораженіи крестоносцевъ въ Жмуди, то и счелъ удобнымъ вслѣдъ за этимъ разсказомъ помѣстить походъ на Волынь [4]).

---

[1]) Лѣтоп. Быховца, стр. 15—16.

[2]) Кромѣ того Стрыйковскій прибавилъ еще къ разсказу лѣтописи Быховца нѣсколько подробностей очевидно вымышленныхъ; такъ онъ утверждаетъ, что при сдачѣ Кіева Гедымину, во главѣ городской депутаціи находился митрополитъ, жившій тогда во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ числѣ пригородовъ Кіевскихъ, подчинившихся Гедымину, называетъ Брянскъ, никогда не бывшій Кіевскимъ пригородомъ, и удержавшій свою самостоятельность и своихъ князей до 1356 года и т. п.

[3]) Вслѣдствіе-ли собственной неувѣренности или просто по описке, Стрыйковскій, разсказывая событія, происходившія осенью одного и весною слѣдующаго года, проставилъ въ обоихъ случаяхъ 1320 годъ; эта ошибка подала поводъ писателямъ, заимствовавшимъ у него разсказъ, колебаться между 1319—1320 и 1320—1321 годами.

[4]) Stryjkowski I, 363—366.

Съ извѣстіями, заимствованными изъ лѣтописи Быховца, совершенно иначе поступилъ составитель Густинской лѣтописи; сжавъ самый разсказъ до нѣсколькихъ строкъ, онъ попытался прежде всего согласить имена упоминаемыхъ въ немъ Волынскихъ князей съ хорошо извѣстною ему родословною Галицко-Володимерскаго княжескаго рода; но попытка эта встрѣтила непреодолимыя препятствія: князья, носившіе имена Владиміра и Льва, встрѣчались лѣтописцу только въ концѣ XIII столѣтія и потому онъ долженъ былъ придвинуть мнимый походъ Гедымина къ этому столѣтію; онъ отнесъ его къ 1304—1305 годамъ. Но и этотъ хронологическій пріемъ не избавилъ лѣтописца отъ явнаго противурѣчія; приурочивъ событіе къ 1304 году, онъ счелъ себя въ правѣ назвать Волынскихъ князей по отчеству и именуетъ ихъ: Львомъ Даниловичемъ Луцкимъ и Владиміромъ Васильковичемъ Волынскимъ. Но Левъ Даниловичъ († 1301) никогда не княжилъ въ Луцкѣ, а владѣлъ удѣлами Галицкимъ и Перемышльскимъ; Владиміръ-же Васильковичъ Волынскій, по свѣдѣніямъ самой Густинской лѣтописи, скончался еще въ 1289 году [1]). Сверхъ того походъ отнесенъ къ тому времени, когда въ Литвѣ княжилъ еще Витень († 1316) а не Гедыминъ.

Эти явныя противурѣчія и неувѣренность въ передаваемомъ фактѣ со стороны составителя Густинской лѣтописи должны были навести сомнѣніе и на разсказъ Стрыйковскаго; тѣмъ не менѣе послѣдній принятъ былъ съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ многими историками, благодаря изобилію подробностей, увѣренности, господствующей въ тонѣ разсказа и, особенно, вслѣдствіе того, что онъ въ продолженіи весьма долгаго времени повторялся многими писателями, черпавшими свои извѣстія изъ хроники Стрыйковскаго.

Обратимся къ самому разсказу и къ его подробностямъ и сличимъ ихъ съ болѣе достовѣрными источниками:

Главный сюжетъ всего разсказа—завоеваніе Волыни и Кіева Гедыминомъ около 1320 г., самъ по себѣ не выдерживаетъ критики: относительно Волыни мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что область эта сохраняла свою самостоятельность подъ управленіемъ потомковъ Данила Романовича до 1335—1340 годовъ, и затѣмъ перешла во власть Любарта Гедыминовича по наслѣдству, безъ завоеванія. Фактъ этотъ подтверждается какъ свидѣтельствомъ древнѣйшей литовско-русской лѣ-

[1]) Густинская лѣтопись стр. 347—348.

тописи, такъ и указаніями семи современныхъ грамотъ, писанныхъ отъ имени Волынскихъ князей въ періодъ времени съ 1316 по 1335 годъ. Съ 1316 по 1324 г. въ Галичѣ и Волыни княжили Андрей и Левъ Юрьевичи [1]), заключившіе въ 1316 г. союзъ съ Тевтонскимъ орденомъ и въ 1320 торговый договоръ съ городомъ Торномъ. Изъ письма польскаго короля Владислава къ папѣ Іоанну XXII, мы знаемъ, что князья эти скончались въ 1324 году [2]). Съ 1325 по 1335 годъ до насъ дошли четыре грамоты ихъ наслѣдника, Юрія II [3]), подтверждающія союзный договоръ Галича и Волыни съ Тевтонскимъ орденомъ. Во всѣхъ перечисленныхъ грамогахъ писавшіе ихъ князья именуются князьями Владимірскими или датируютъ грамоты изъ столицы своей — Владиміра [4]). Такимъ образомъ, указанныя грамоты доказываютъ независимость Во-

---

1). Мы можемъ составить генеалогическую таблицу потомковъ Даніила Романовича, княживнихъ на Волыни, основываясь по преимуществу на писанныхъ ими грамотахъ; въ двухъ изъ нихъ (Юрія II: 1327 и 1334) мы находимъ слѣдующія генеалогическія данныя: „Quod, quem ad modum nostri progenitores, felicis recordationis rex Daniel, seu Leo noster atavus, aut Georgius noster avus carissimus pacem et omnimodam caritatem cum ordine praenominato tenere consueverunt, ita et nos..... cupimus permanere“. Вотъ родословная таблица Волынскихъ князей:

Даніилъ+1264
Левъ+1301
Юрій+1316
Андрей+1324 — Левъ+1324
Юрій II+1335 (?) Марія ж. Тройдена кн. Мазовецк. Буша (?) ж. Любарта.
Болеславъ+1340.

2) Грамоты князей Юрія и Андрея помѣщены: 1316 года—у Карамзина, т. IV, примѣч. 246; 1320 г.—въ Supplementum ad historica Russiae monumenta, стр. 126, № 58. Письмо короля Владислава къ папѣ—у Нарушевича, т. VIII, стр. 165. См. также Зубрицкій—Исторія Галицкаго княжества, III, стр. 250—251 и Daniłowicz—Skarbiec I, 145, 162.

3) Voigt. Codex diplomaticus Pruss, т. II. Зубрицкій III, 252—254. Daniłowicz, Skarbiec I, 163, 168, 173, 174. Карамзинъ IV, примѣч. 252.

4) 1316.—Andreas et Leo, Dei gratia duces totius Russiae, Galiziae et Lodomeriae. Actum et datum Ladimiria. 1320.—Andreas dux Ladimiriae et dominus Russiae. Datum in Lodomiria. 1327—Datum in Lodomiria, nostra civitate capitali. 1335—Datum in Vladimiria.

лыни до 1335 года. Въ подтвержденіе этого факта существуетъ притомъ свидѣтельство русскихъ лѣтописей. Подъ 1331 годомъ въ нихъ помѣщенъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ исторіи русской церкви: митрополитъ Ѳеогностъ уѣхалъ изъ Владиміра на Клязьмѣ въ южную Русь въ 1328 году; онъ посѣщалъ здѣсь разные города своей митрополіи, былъ въ Кіевѣ, Галичѣ и, наконецъ, въ 1331 году поселился въ Владимірѣ Волынскомъ; отсюда онъ извѣстилъ Новгородцевъ, что онъ намѣренъ рукоположить избраннаго ими въ архіепископы—Василія и вызвалъ послѣдняго на Волынь. Въ концѣ іюня нареченный новгородскій владыка въ сопровожденіи знатныхъ бояръ отправился въ путь; полагаясь на миръ съ Литвою, депутація ѣхала на Волынь ближайшею дорогою, черезъ Литовскія владѣнія; но Гедиминъ нарушилъ миръ, задержалъ на пути владыку и бояръ и отпустилъ ихъ лишь тогда, когда Новгородцы выдали ему обязательство предоставить въ своей области удѣлъ въ пользу его сына — Наримунта. Достигнувъ Волыни, Василій былъ рукоположенъ митрополитомъ въ новгородскіе владыки, но, вслѣдъ за тѣмъ, явилось новое затруднительное для него обстоятельство: въ одно почти время съ Василіемъ явились въ Владиміръ Волынскій къ митрополиту посольства: отъ Псковичей, отъ Гедымина и отъ другихъ князей литовскихъ съ просьбою о рукоположеніи въ псковскіе епископы избраннаго Псковичами Арсенія; Новгородцы воспротивились этому предложенію, такъ какъ Псковъ входилъ до того времени въ составъ Новгородской епархіи и выборъ отдѣльнаго епископа имѣлъ значеніе окончательнаго разрыва зависимости Пскова отъ Новгорода, считавшаго Псковъ своимъ пригородомъ. Митрополитъ склонился къ представленіямъ Новгородцевъ и отказалъ въ удовлетвореніи просьбы посольствъ псковскаго и литовскаго; „Арсеній уѣхалъ со Псковичи посрамленъ отъ митрополита“. Но это посрамленіе раздражило противъ Новгородцевъ Гедымина, поддерживавшаго стремленія Псковичей; и потому, когда новопоставленному Новгородскому владыкѣ пришлось возвращаться на родину, то онъ „поѣха на Кіевъ, бояся Литвы“. Между тѣмъ какъ онъ объѣзжалъ Литовскую границу „меже Литвы и Кіева“, онъ получилъ предостереженіе отъ митрополита, что литовскій отрядъ направленъ съ цѣлью перехватить его на дорогѣ; Василій ускорилъ свое шествіе, достигъ благополучно Кіева и оттуда направился въ Черниговъ; но у этого города его встрѣтила новая опасность; поѣздъ его нагналъ „Кіевскій князь Федоръ съ

баскакомъ татарскимъ, а съ ними человѣкъ 50, розбоемъ". Дѣло, впрочемъ, кончилось безъ кровопролитія; Кіевскій князь взялъ съ Новгородцевъ выкупъ и возвратился въ Кіевъ, владыка-же поѣхалъ черезъ Брянскъ въ Новгородъ [1]).

Разсказъ этотъ не только подтверждаетъ фактъ независимости Волыни отъ Литвы, но ясно указываетъ на то, что Кіевъ также лежалъ внѣ предѣловъ великаго княжества Литовскаго. Въ Кіевской землѣ княжилъ въ 1331 году сподручникъ татарскій—князь Ѳедоръ; обстоятельство это особенно важно потому, что оно даетъ возможность указать точно время завоеванія Кіева Литвою; послѣднее случилось дѣйствительно въ 1362 году. Въ 1361 г. въ Кіевѣ княжилъ еще тотъ-же князь Ѳедоръ, а въ 1362 Ольгердъ Гедыминовичъ, поразивъ на берегахъ Синей воды трехъ темниковъ татарскихъ, освободилъ отъ татаръ и Подоліе, и Кіевщину; тогда „Кіевъ подъ Федоромъ княземъ взятъ, и посади въ немъ Володимера, сына своего; и нача надъ сими владѣти, имъ-же отци его дань даяху" [2]).

Такимъ образомъ главный сюжетъ разсказа Стрыйковскаго и лѣтописи Быховца—завоеваніе Гедыминомъ Волыни и Кіева въ 1320—1321 годахъ, оказывается не вѣрнымъ; если же разсмотримъ подробности, которыми изобилуетъ этотъ разсказъ и которыя, по видимому, сообщаютъ ему характеръ большой обстоятельности и вѣроятности, то убѣдимся, что всѣ онѣ частью вымышлены, частью-же состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій.

Въ разсказѣ лѣтописи Быховца упоминаются, въ качествѣ дѣйствовавшихъ лицъ, князья: Владиміръ Волынскій, Левъ Луцкій, Романъ Брянскій, Станиславъ Кіевскій, Олегъ Переяславскій, Иванъ Рязанскій и Мендогъ Альгимунтовичъ Гольшанскій; изъ числа этихъ семи именъ, только два: Левъ и Иванъ, принадлежатъ дѣйствительно современникамъ Гедымина; три другія:—Владиміръ, Романъ и Мендогъ относятся къ князьямъ, жившимъ въ другое время, и наконецъ два остальныя имена совершенно вымышлены. Послѣдній князь Волынскій, носившій имя Владиміра, былъ внукъ Даніила Романовича—Владиміръ Васильковичъ;

---

1) Воскресенская лѣтоп. 202—203; Софійская первая лѣт. 219; Никоновская лѣт. III, 154—155, 157—158; Супрасльская лѣтоп. 55.

2) Густинская лѣтопись, стр. 350.

болѣзнь и смерть его описаны весьма подробно въ Ипатской лѣтописи подъ 1289 годомъ [1]), слѣдовательно онъ не могъ принимать участія въ войнѣ противъ Гедымина. Современникъ и тесть Владиміра Васильковича былъ Брянскій князь—Романъ Михайловичъ, съ которымъ воевалъ великій князь Литовскій Мендовгъ еще въ 1264 году. Онъ упоминается въ лѣтописяхъ послѣдній разъ, по поводу набѣга на Смоленскъ, въ 1285 году. Въ Брянскѣ-же въ началѣ XIV столѣтія шелъ споръ за княжескій столъ (1309—1310) между Святославомъ Глѣбовичемъ и его племянникомъ—Василіемъ Александровичемъ; послѣдній, при помощи Татаръ, побѣдилъ дядю и скончался на Брянскомъ княженіи въ 1314 году. Преемникомъ его былъ Глѣбъ Святославичъ, убитый во время мятежа въ Брянскѣ въ 1339 году [2]). Такимъ образомъ имя Романа Брянскаго является совершеннымъ анахронизмомъ во время Гедымина. Этотъ князь Романъ названъ притомъ въ лѣтописи Быховца зятемъ князя Льва Луцкаго; если подъ именемъ Льва разумѣется Левъ Юріевичъ, княжившій въ 1316—1324 годахъ, то конечно родство его съ Романомъ Брянскимъ составляетъ совершенный вымыселъ, равно какъ и смерть князя Льва въ мнимой битвѣ на р. Ирпени; изъ упомянутаго выше письма польскаго короля Владислава къ папѣ, мы знаемъ, что Левъ и Андрей Юріевичи скончались (decesserunt ex hac luce) въ 1324 году. Князь Олегъ Переяславскій—личность совершенно фиктивная; послѣ разоренія Переяславскаго княжества Батыемъ, оно перестало существовать и русскія лѣтописи не упоминаютъ вовсе о Переяславскихъ князьяхъ. Составитель лѣтописи Быховца, предположивъ Переяславскаго князя, заимствовалъ для него, вѣроятно, имя сына Романа Брянскаго—Олега, упоминаемаго Ипатскою лѣтописью подъ 1274 годомъ, по поводу посѣщенія имъ въ Владимірѣ Волынскомъ его шурина Владиміра Василь-

---

[1]) Ипатская лѣт., стр. 604. Въ весьма ученой и добросовѣстной монографіи К. Стадницкаго „Synowie Giedymina“ (II, 20), авторъ, желая отстоять разсказъ Стрыйковскаго, хотя до извѣстной степени, предполагаетъ, что князь Владиміръ (по лѣтописи Быховца) вѣроятно тоже лице, что и Андрей Юріевичъ, который могъ носить, по обычаю того времени, два имена: мірское и церковное. Но предположеніе это устраняется уже на томъ основаніи, что оба имена: Владиміръ и Андрей—церковныя, а не мірскія.

[2]) Ипатская лѣтоп. 569, 577. Лаврентіев. л. 459. Никоновская л. III, 106, 108, 172. Воскресенская л. 185. Софійская первая 222. Тверская 407, 422.

ковича. Плодомъ такого-же вымысла является князь Станиславъ Кіевскій; выше было указано, что послѣдній Кіевскій князь (1331—1362) носилъ имя Ѳедора. Назвавъ вмѣсто него—Станислава, лѣтопись Быховца утверждаетъ, будто, послѣ завоеванія Кіева Гедыминомъ, князь этотъ нашелъ пріютъ у Рязанскаго князя Ивана, на дочери котораго женился, и, послѣ его смерти, за неимѣніемъ сыновей, наслѣдовалъ Рязанское княжество. Дѣйствительно, съ 1308 по 1327 годъ въ Рязани княжилъ Иванъ Александровичъ, но, послѣ убьенія его въ ордѣ, ему наслѣдовалъ его сынъ—Иванъ, по прозванію Коротополъ (1327—1343) [1]); о предполагаемомъ-же зятѣ Рязанскаго князя Ивана—Станиславлѣ Кіевскомъ, русскія лѣтописи ничего не знаютъ. Относительно Мендовга Альгимунтовича Гольшанскаго, которому Гедыминъ поручилъ будто управленіе Кіевскою областью, не трудно указать хронологическую ошибку лѣтописи Быховца. Дѣйствительно, первый правитель Кіева послѣ литовскаго завоеванія, не принадлежавшій къ роду Гедымина—былъ Іоаннъ (можетъ быть въ язычествѣ и носившій имя Мендовга) Альгимунтовичъ князь Гольшанскій. Князь этотъ занималъ видное мѣсто среди Литовскихъ сановниковъ конца XIV столѣтія: ему поручено было провожать въ Москву Софію Витовтовну, невѣсту великаго князя Василія Дмитріевича, и затѣмъ, послѣ смерти Скиргайла въ 1396 году, Витовтъ далъ ему въ управленіе Кіевскую область; онъ принималъ участіе въ битвѣ съ татарами у р. Ворсклы (1399) и потомъ, извѣстенъ намъ по записи на вѣрность, выданной имъ Ягайлу въ 1402 году [2]). Такимъ образомъ въ разсказѣ о завоеваніи Кіева, князь Гольшанскій передвинутъ изъ начала XV вѣка почти на цѣлое столѣтіе назадъ, и является здѣсь современникомъ лицъ, жившихъ еще во второй половинѣ XIII вѣка.

Не меньшее смѣшеніе господствуетъ въ лѣтописи Быховца и относительно данныхъ топографическихъ: города Кіевской области названы въ разсказѣ этой лѣтописи сообразно съ ихъ позднѣйшимъ значеніемъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ; за исключеніемъ Бѣлгорода и Вышгорода, заимствованныхъ изъ старыхъ русскихъ лѣтописей, названы тѣ города, въ которыхъ существовали „господарскіе замки“ и которые служили центрами управленія „повѣтовъ“ только со времени Витовта:

---

[1]) Иловайскій. Исторія Рязанскаго княжества 139.

[2]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ стр. 46—48. Густинская лѣтоп. стр. 352. Daniłowicz. Skarbiec I, 334.

Житомиръ, Овручъ, Черкассы, Каневъ, Переяславль; сверхъ того прибавлены еще: въ лѣтописи Быховца—Путивль, и у Стрыйковскаго—Брянскъ—очевидно по незнанію составителями разсказа территоріальныхъ отношеній южно-русскихъ земель; города эти никогда не были кіевскими пригородами, находились въ землѣ Сѣверской и заняты были Литвою только при Ольгердѣ въ 1356 году. Значеніе Вышгорода и Бѣлгорода [1]) какъ Кіевскихъ пригородовъ въ XIV столѣтіи также подлежитъ большому сомнѣнію; города эти имѣли большое значеніе въ прошедшемъ Руси: въ началѣ, какъ самостоятельные земскіе центры, подобно Кіеву сосредоточивавшіе въ себѣ общинную жизнь окружавшей ихъ территоріи; потомъ, со времени Владиміра св.—какъ важнѣйшіе Кіевскіе пригороды и сильныя крѣпости, оберегавшія, въ ряду другихъ, центральный городъ; наконецъ, въ XII столѣтіи, какъ удѣльные второстепенные столы, обыкновенно предоставляемыя Кіевскими князьями тѣмъ родственникамъ, на помощь которыхъ они болѣе всего могли опираться. Но съ начала XIII столѣтія, послѣ упадка самаго Кіева, упало и значеніе его пригородовъ; съ 1206—1207 годовъ русскія лѣтописи совершенно умалчиваютъ о Бѣлгородѣ и Вышгородѣ и когда, въ послѣдствіи, при литовскомъ господствѣ, мы встрѣчаемъ названія этихъ поселеній, то онѣ являются уже въ качествѣ только сельскихъ общинъ. Изъ числа остальныхъ городовъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ, одинъ—Слѣповротъ—никогда не существовалъ, другой—Черкассы—еще не существовалъ въ описываемое время; помѣщеніе этихъ городовъ въ числѣ Кіевскихъ пригородовъ начала XIV столѣтія является въ лѣтописи Быховца какъ результатъ неточной передачи и безъ того неяснаго и сбивчиваго преданія объ основаніи города Черкассъ, существовавшаго у приднѣпровскаго населенія въ половинѣ XV столѣтія, т. е. въ то именно время, когда редажировалась лѣтопись Быховца. Въ 1545 году, жители Канева заявили чиновникамъ, описывавшимъ Украинные замки, слѣдующее преданіе: „отъ початку Черкасовъ и Канева, уходы по всимъ тымъ рѣкамъ вольны были Каневцомъ, бо яко князь великій литовскій Гедыминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу, и весь Перекопъ, и Черкасы Пятигорскіе, и приведши Черкасовъ часть съ княгинею ихъ, посадилъ

---

[1]) Бѣлгородъ въ лѣтописи Быховца помѣщенъ „въ шести миляхъ отъ Кіева“; эта подробность доказываетъ, что составитель разсказа не только не былъ жителемъ Кіевской земли, но и не зналъ ея топографіи.

ихъ на Снепородѣ [1]), а иныхъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ; а Снепородцевъ посадилъ на Днѣпрѣ-жъ, у Каневѣ; и сидячи Снепородцѣ на Днѣпрѣ у Каневѣ, предся отчизны свои по рѣчкамъ инымъ Сивирскимъ уходити не перестали“ [2]). Въ этомъ преданіи народная память, на разстояніи двухъ столѣтій, замѣстила имя Витовта именемъ Гедымина, никогда не предпринимавшаго походовъ въ Крымъ и къ подножью Кавказа; но если-бы даже принять это преданіе буквально, то, во всякомъ случаѣ, оно приписываетъ самому Гедымину основаніе города Черкасъ и колоній на р. Снѣпородѣ, и, слѣдовательно, исключаетъ возможность ихъ существованія во время мнимаго завоеванія Гедыминомъ Кіевской области. Очевидно, составитель лѣтописи Быховца слышелъ поднѣпровское преданіе, но воспользовался имъ для своего разсказа въ извращенномъ видѣ.

Наконецъ, самыя событія въ повѣствованіи лѣтописи Быховца, насильственно сведены лѣтописцемъ въ одну картину; мы имѣемъ основаніе полагать, что весь разсказъ составленъ изъ двухъ преданій, относившихся къ двумъ отдѣльнымъ событіямъ, случившимся разновременно; о второй половинѣ разсказа, т. е. о весеннемъ походѣ на Кіевъ, мы имѣемъ довольно точныя указанія. Въ древнѣйшей литовской лѣтописи подъ 1392 годомъ мы находимъ слѣдующій разсказъ о походѣ Витовта на Кіевъ съ цѣлью смѣстить князя Владиміра Ольгердовича и предоставить Кіевское княженіе его брату Скиргайлу: „на весну князь великій Витовтъ иде и взя землю Подольскую, а князю Володимеру Ольгердовичю, тогда бывши въ Кіевѣ, и не всхотѣ покоры учинити и чоломъ ударити великому князю Витовту. Тойже весны князь великій Витовтъ пойде и взя градъ Житомиръ и Вручій и пріѣха къ нему князь Володимеръ. Тогожъ лѣта на осень князь великій Витовтъ выведе его изъ Кіева и дасть ему Копылъ, а на Кіевѣ посади князя Скиргайла, самъ-же князь великій Витовтъ пойде на Подольскую землю. А князю Скиргайлу повеле идти изъ Кіева ку Черкасомъ и ку Звенигороду. Князь-же Скиргайло, Божіею помощью, великого князя Витовта повелѣніемъ, взя Черкасы и Звенигородъ и возвратися паки ко Кіеву“ [3]).

---

[1]) Слѣпородъ не городъ, а рѣка въ бассейнѣ Сулы.

[2]) Литовская метрика, книга переписей № 6. Описаніе Каневскаго замка (1545). Также Архивъ Югозападной Россіи ч. V, т. I стр. 65—66.

[3]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ, стр. 46.

Составитель лѣтописи Быховца, пользовавшійся древнѣйшею литовскою лѣтописью, внесъ вышеприведенный разсказъ въ свою хронику подъ 1392 годомъ [1]), но, не ограничившись этимъ, онъ, по свойственному себѣ пріему, перемѣнивъ имена дѣйствующихъ лицъ и прибавивъ нѣсколько вымышленныхъ подробностей, помѣстилъ его вторично въ дополненіе къ походу Гедымина на Волынь [2]).

Относительно похода на Волынь, составляющаго первую половину разсказа лѣтописи Быховца, въ дошедшихъ до насъ источникахъ не сохранилось подлиннаго свѣдѣнія, съ которымъ мы-бы могли сличить повѣствованіе этой лѣтописи. Несомнѣнно въ началѣ своего княженія Гедыминъ велъ войну съ Галицко-Володимірскими князьями и на причины этой войны указываетъ, не цитируя къ несчастью своихъ источниковъ, Стрыйковскій: „Волынскіе князья, говоритъ онъ, зная, что Гедыминъ занятъ войною съ крестоносцами, вмѣсто того, чтобы оказать ему помощь, дѣлали набѣги на литовскія земли надъ Виліею и около Новгородка.... князь Левъ Луцкій занялъ было Берестіе и Дрогичинъ во время войны съ крестоносцами“ [3]). Фактъ союза Галицко-Волынскихъ князей съ крестоносцами подтверждается дѣйствительно договорными ихъ грамотами, въ которыхъ они берутъ на себя обязательство защищать земли ордена отъ нападеній всякихъ враговъ [4]); ближайшій-же интересъ Волынскихъ князей въ этой борьбѣ состоялъ въ спорѣ съ Литвою за такъ называемую Подляхію, т. е. за южную часть бывшей Ятвяжской земли (съ городами: Берестіемъ, Дрогичиномъ, Мѣльникомъ, Бѣльскомъ и т. д.), за обладаніе которою распря вспыхнула еще между Львомъ Даниловичемъ и Тройденомъ, непосредственно послѣ смерти Шварна Даниловича. Принявъ во вниманіе уцѣлѣвшее въ разсказѣ извѣстіе, что послѣ похода на Волынь, Гедыминъ остановился

---

[1]) Лѣтопись Быховца, стр. 34.

[2]) Пріемъ этотъ: дважды разсказывать одно и тоже событіе подъ разными именами и въ различное время, нѣсколько разъ употребленъ въ лѣтописи Быховца: такъ, напримѣръ, біографія Войшелка Мендовговича разсказана вторично съ именемъ Рымонта-Лавраша Тройденовича и т. п.

[3]) Stryjkowski I, стр. 363—364.

[4]) „Terras vestras fideliter premunire curabimus.... ab hostili quolibet invasore“. Грамота 1316 г. Зубрицкій, Ист. древн. Галицко-русскаго княжества, III, 250.

на зиму въ Берестіи и распустилъ войско по домамъ, можно полагать, что война окончилась побѣдою Гедымина и присоединеніемъ къ Литвѣ спорной области. Подляхія дѣйствительно въ княженіе Гедымина вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго и, при распредѣленіи удѣловъ между его сыновьями, присоединена была къ владѣніямъ Кейстута[1]). Если, во время войны за Подляхію, литовскій князь дѣйствительно проникъ на Волыни до г. Владиміра, и если въ битвѣ у этого города дѣйствительно палъ одинъ изъ Волынскихъ князей, то, въ такомъ случаѣ, мы можемъ скорѣе всего согласиться съ предположеніемъ г. Шараневича[2]), что походъ на Волынь долженъ быть отнесенъ къ 1316 году и что князь, погибшій въ битвѣ съ Литвою, могъ быть только Юрій Львовичъ[3]). Но, не имѣя въ подтвержденіе этихъ данныхъ вполнѣ достовѣрныхъ указаній, мы должны ограничиться въ этомъ отношеніи только правдоподобнымъ предположеніемъ.

Если, за исключеніемъ Кіева и Волыни, попытаться возстановить границы великаго княжества Литовскаго при Гедыминѣ, то можно предполагать слѣдующее ихъ очертаніе: на сѣверѣ онѣ соприкасались съ владѣніями Ливонскаго ордена по границамъ Корси и Ливоніи; затѣмъ, перейдя западную Двину выше Динабурга, граница шла вдоль южныхъ предѣловъ Псковской земли до рубежа Смоленскаго княженія; восточную границу составляли владѣнія Смоленскія и, затѣмъ, по Днѣпру, до устья Припяти—земли Сѣверскія и Черниговскія; на югѣ граница проходила южные Припяти, соприкасаясь съ сѣверными предѣлами земель Кіевской и Волынской до западнаго Буга; на западѣ — вдоль Буга и по водораздѣлу до Гродна на Нѣманѣ, великое княжество Литовское граничило съ Польшею и Мазовіею; наконецъ, отъ Гродна,

---

[1]) „Rex nihil juris habiturus unquam in Kiejstuti arces: in Brest, Kamienica, Dorohiczyn, Mielnik, Bielsk". Грамота, списанная Нарушевичемъ, изъ коронаго архива (т. IX, стр. 247).

[2]) Шараневичъ—Исторія Галицко-Володимірской Руси 127—128.

[3]) Первое свѣдѣніе о наслѣдникахъ Юрія: князьяхъ Львѣ и Андреѣ, относится къ 1316 г. Они въ то время вѣроятно только что вступили на престолъ—при заключеніи договора съ крестоносцами, они употребили еще печать отца—Юрія Львовича. (Зубрицкій III, 249).

по Нѣману, до устья этой рѣки, простиралась граница съ прусскими крестоносцами.

Болѣе двухъ третей территоріи, заключавшейся въ этихъ границахъ, заняты были русскимъ народонаселеніемъ; такимъ образомъ великое княжество Литовское пріобрѣло, уже въ первой четверти XIV столѣтія, значеніе сильнаго центра, около котораго должны были группироваться разрозненныя, болѣе слабыя русскія владѣнія; необходимымъ послѣдствіемъ такого значенія было въ будущемъ соперничество этого государства съ великимъ княжествомъ Московскимъ, образовавшимъ еще раньше другой центръ, стремившійся точно также къ притяженію болѣе слабыхъ русскихъ политическихъ единицъ. Но въ предстоящемъ соперничествѣ оба государства имѣли не равномѣрныя шансы успѣха: великое княжество Московское преслѣдовало болѣе однородныя политическія цѣли и не было принуждено развлекать свои силы по двумъ различнымъ направленіямъ: многочисленные инородцы финскаго племени, населявшія территорію великаго княжества Московскаго, представляли пассивную массу, не вліявшую на политическія стремленія государства, и не принимавшуюся во вниманіе въ развитіи государственной жизни страны. Политическія усилія правительства преслѣдовали исключительно русскія цѣли, какъ на западной границѣ—по отношенію къ мелкимъ русскимъ областямъ, такъ и на восточной—въ борьбѣ съ золотоордынскими ханами—единственнымъ своимъ грознымъ сосѣдомъ. Между тѣмъ не таково было положеніе великаго княжества Литовскаго: кромѣ значительнаго числа русскихъ областей, въ составъ этого государства входили области чисто литовскія, населеніе которыхъ, положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжившую въ немъ династію, отличалось значительною энергіею; оно не могло безъ борьбы подчиниться безусловно русской народности, и имѣло свои племенные интересы, между которыми на первомъ планѣ стояла борьба съ нѣмецкими орденами; отстаивать эти интересы принуждены были великіе князья Литовскіе; потому вниманіе послѣднихъ безпрестанно раздваивается; отвлекаемые постоянно, то междоусобною борьбою двухъ народныхъ началъ внутри государства, то, даже въ случаѣ временнаго замиренія ея, усиленною борьбою съ крестоносцами на западной границѣ, они могутъ только по временамъ, эпизодически преслѣдовать свои цѣли на востокѣ, по отношенію къ русскимъ областямъ и, конечно, они не въ состояніи здѣсь бороться съ великими князьями Мо-

сковскими, устремившими все свое вниманіе на собираніе русскихъ земель, и подвигавшимися къ этой цѣли медленно и терпѣливо, но безостановочно.

Хотя при Гедиминѣ широкая полоса земель: Псковскихъ, Смоленскихъ и Сѣверскихъ, отдѣляла еще Литву отъ великаго княжества Московскаго; хотя между обоими государствами существовали, по видимому, миръ и согласіе, скрѣпленное (1333) брачнымъ союзомъ Симеона Ивановича съ одною изъ дочерей Гедымина, Айгустою (въ крещеніи Анастасіею) [1]), тѣмъ не менѣе соперничество начало уже проявляться въ желаніи обоихъ правительствъ пріобрѣсти преобладающее вліяніе на дѣла новгородскія и псковскія. Раньше всего обнаружилось у Гедымина это стремленіе по отношенію ко Пскову. Среди несогласій, возникшихъ по поводу желанія Пскова пріобрѣсти полную самостоятельность отъ Новгорода, послѣднему помагали великіе князья Московскіе, между тѣмъ какъ Гедыминъ поддерживалъ Псковитянъ. Мы уже указали на участіе, какое онъ принималъ (1331) въ вопросѣ объ отдѣленіи Псковской епархіи отъ Новгородской; еще раньше (1322—1323) литовская помощь спасла Псковитянъ, оставленныхъ въ трудную минуту Новгородцами безъ защиты, отъ нападенія Ливонскихъ рыцарей. Въ 1328—1338 годахъ Гедыминъ поддерживалъ во Псковѣ принятаго Псковичами на княженіе бывшаго Тверскаго князя Александра Михайловича, изгнаннаго изъ Твери и гонимаго во Псковѣ, по ханскому приказу, Іоанномъ Калитою; когда, вслѣдствіе настоянія послѣдняго, Псковъ, не хотѣвшій выдать Александра, былъ отлученъ отъ церкви митрополитомъ, то князь этотъ нашелъ въ Литвѣ пріютъ, и полтора года спустя, возвратился обратно во Псковъ при помощи Гедымина [2]).

Подобное-же столкновеніе случилось между Гедыминомъ и Іоанномъ Калитою и въ Новгородѣ, гдѣ оба они стремились утвердить свое вліяніе. Въ 1331 году Гедыминъ получилъ отъ Новгородцевъ обѣщаніе дать удѣлъ его сыну Наримунту; обѣщаніе это было исполнено только въ 1333 году по слѣдующему поводу: Іоаннъ Калита потребовалъ у Новгородцевъ уступки „закамскаго серебра“ и, встрѣтивъ отказъ, занялъ

---

[1]) Карамзинъ. Ист. Рос. IV, стр. 219. прим. 265. Древняя русская Вивліоѳика XVI, стр. 168 № XIII.

[2]) Вторая Псковская лѣтопись стр. 12. Софійская первая, стр. 218.

Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ; Новгородцы, пытавшіеся напрасно смягчить его просьбами, вспомнили о Наримунтѣ; они обмѣнялись съ нимъ посольствами и пригласили его на кормленіе, назначивъ ему въ отчину: Ладогу, Орѣховецъ, Корельскую землю и половину Копорья [1]). Появленіе Наримунта заставило Іоанна Калиту умѣрить требованія и помириться съ Новгородцами. Но это первое вмѣшательство Литвы въ Новгородскія дѣла было также непрочно и отрывочно, какъ и всѣ позднѣйшія попытки, предпринимавшіяся съ подобною цѣлью Литовскими князьями. Наримунтъ проживалъ болѣе въ Литвѣ, чѣмъ въ новой отчинѣ и столь мало дорожилъ новгородскими интересами, что, въ 1338 году, когда Шведы напали на земли Великаго Новгорода, онъ не только не явился защищать ихъ, не смотря на многократный призывъ Новгородцевъ, но и отозвалъ въ Литву своего сына Александра, остававшагося до того времени въ Орѣховѣ [2]).

Кромѣ отношеній, указанныхъ къ Руси, при Гедыминѣ великое княжество Литовское вошло въ болѣе обширныя дипломатическія сношенія съ западными и сѣверозападными своими сосѣдями и расширило свои государственныя связи далеко за предѣлы тѣхъ сношеній, въ кругу которыхъ вращались до того времени великіе князья Литовскіе.

Самый прочный и выгодный союзъ на западѣ заключенъ былъ Гедыминомъ съ Польшею; союзъ этотъ былъ послѣдствіемъ общности политическихъ интересовъ обоихъ государствъ, давно уже ведшихъ упорную и для обоихъ тягостную борьбу съ германскимъ орденомъ, и, не смотря на это обстоятельство, ослаблявшихъ и развлекавшихъ свои силы взаимными набѣгами другъ на друга. Въ 1325 году польскій король, Владиславъ Локотокъ, отправилъ посольство въ Литву, предлагая Гедымину заключить мирный договоръ и скрѣпить его семейнымъ союзомъ. Гедыминъ принялъ охотно это предложеніе; между обоими государствами заключенъ былъ трактатъ, обусловливавшій обязательство взаимной помощи противъ крестоносцевъ; затѣмъ, дочь Гедымина—Альдона отправилась въ Краковъ, въ сопровожденіи торжественнаго посольства, и, принявъ крещеніе подъ именемъ Анны, вступила къ бракъ съ наслѣдникомъ польскаго престола—Казимиромъ; въ качествѣ

---

[1]) Новгородская лѣтопись, стр. 77. (Полное собр. русск. лѣтоп. т. III.)
[2]) Софійская первая лѣт. стр. 221.

приданаго Альдону сопровождали Польскіе плѣнники, уведенные литовцами во время ихъ набѣговъ на польскія области и получившіе теперь свободу.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого союза былъ рядъ совмѣстныхъ походовъ противъ крестоносцевъ. Литовцы и Поляки переходятъ къ наступательному образу военныхъ дѣйствій и лѣтописцы ордена помѣчаютъ цѣлый рядъ неудачъ, постигшихъ крестоносцевъ вслѣдъ за заключеніемъ союза между Литвою и Польшею. Неудачи эти завершены были битвою подъ Пловцами (1331) которая нанесла первый чувствительный ударъ могуществу крестоносцевъ [1]).

На сѣверовосточной границѣ своего государства Гедыминъ пріобрѣлъ союзниковъ среди нѣмецкаго населенія прибалтійскаго края и, при посредствѣ этихъ союзниковъ, вступилъ въ сношенія съ германскими городскими общинами и съ папою.

Еще въ концѣ XIII столѣтія, въ прибалтійскихъ областяхъ, занятыхъ нѣмцами, между послѣдними возникли недоразумѣнія, разгорѣвшіяся въ продолжительную междуусобную борьбу, участіе въ которой приняли великіе князья Литовскіе. Нѣмецкія поселенія въ прибалтійскихъ областяхъ не принадлежали исключительно Ливонскому ордену: богатый городъ Рига, основанный ганзейскими купцами, считалъ себя независимымъ отъ ордена и признавалъ только верховный патронатъ Рижскихъ архіепископовъ; орденъ, съ своей стороны, смотрѣлъ на независимость этого города, какъ на обстоятельство невыгодное для развитія своихъ государственныхъ стремленій; потому магистры приняли заблаговременно мѣры для того, чтобы подчинить себѣ Ригу: выхлопотавъ привилегію въ этомъ смыслѣ отъ императора Рудольфа (въ 1274 г.), они стали мало по малу предъявлять свои притязанія на господство надъ Ригою; они укрѣпили свою резиденцію въ городѣ, выстроили въ разныхъ мѣстахъ крѣпостныя башни, содержали въ нихъ сильный гарнизонъ и, затѣмъ, стали стѣснять городскія права и захватывать городскія угодія: мельницы, рыболовные затоны и т. д. Архіепископы и магистратъ Риги

---

[1]) Длугошъ, стр. 988; Анналы: Траскій и Мѣховскій (въ изданіи Бѣльовскаго «Monumenta Polon. historica» т. II, стр. 854 и 884); Dusburg III, cap. 354; Wigand (Script. rerum. Prussicarum II, стр. 456, 467); Detmar (ibid. III, стр. 66). Hermann de Wartberge (ibid. II 65). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. III, 590, 592).

протестовали противъ дѣйствій ордена и несогласіе возрастало съ постоянно усиливавшимся раздраженіемъ, наконецъ, въ 1297 году оно разразилось междуусобною войною. Горожане, вслѣдствіе столкновенія съ орденомъ по поводу права постройки моста на Двинѣ, бросились на орденскій замокъ въ Ригѣ, взяли его приступомъ и разрушили до основанія, равно какъ и три другія укрѣпленныя башни, построенныя крестоносцами, затѣмъ они разрушили орденскіе мельницы и рыболовные заводы и перебили или бросили въ тюрьму всѣхъ захваченныхъ въ городѣ рыцарей. Когда магистръ Ливонскій Бруно сталъ собирать войско для усмиренія города, то граждане обратились за помощью къ Литовцамъ. Великій князь Витень явился въ началѣ 1298 года въ качествѣ союзника Риги; соединившись съ городскимъ ополченіемъ, онъ взялъ замокъ ордена Каркусъ и разорилъ его, затѣмъ нанесъ крестоносцамъ чувствительное пораженіе на устьѣ рѣки Трейдеры и, страшно опустошивъ владѣнія ордена, ушелъ въ Литву обремененный богатою добычею. Въ слѣдующемъ году, впрочемъ, дѣла ордена приняли болѣе для него благопріятный оборотъ: получивъ подкрѣпленіе отъ прусскихъ крестоносцевъ, ливонскіе рыцари разбили въ свою очередь у Неймюля соединенныя силы Риги и литовцевъ, захватили въ плѣнъ архіепископа и, овладѣвъ его замкомъ въ Ригѣ, ограбили всю его казну и имущество и наложили тяжелую контрибуцію на владѣнія архіепископа и города[1]). Въ 1300 году между архіепископомъ и орденомъ заключено было перемиріе, въ силу котораго рыцари уступили городу свой замокъ въ Ригѣ, горожане-же обязались разорвать союзъ съ Литовцами и никогда его не возобновлять [2]). Впрочемъ, перемиріе это было не продолжительно; цѣлая четверть столѣтія, слѣдовавшая за тѣмъ, прошла то въ открытой враждѣ ордена съ городомъ, то въ юридической борьбѣ между ними: архіепископъ и магистратъ Риги приносили постоянно жалобы папѣ на поступки ордена: на ряду съ перечнемъ обидъ, наносимыхъ имъ рыцарями, они поставляли на видъ, что поведеніе ордена, его алчность и стремленіе къ захватамъ, составляютъ главную причину, препятствующую обращенію Литовцевъ въ христіанство; они указывали на то, что, вслѣдствіе насилій и вымогательствъ ордена,

---

[1]) Dusburg III, cap. CCLXII. Hermann de Wartberge—Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic. II, стр. 54—56) Danilowicz—Skarbiec I, стр. 130—132.

[2]) Voigt—Geschichte Preussens IV, стр. 165.

бывшій Литовскій король Мендовгъ отступилъ отъ христіанства и что поведеніе ордена постоянно поддерживаетъ среди Литовцевъ нерасположеніе и ненависть къ христіанамъ и роняетъ въ ихъ мнѣніи нравственныя основы христіанства. Рыцари, въ отвѣтъ на эти обвиненія, утверждали, что, напротивъ того, Литовцы пребываютъ въ язычествѣ только потому, что миссіонерская дѣятельность ордена встрѣчаетъ постоянное противудѣйствіе вслѣдствіе интригъ Рижскаго магистрата, что городъ и архіепископъ, руководимые личными побужденіями, поддерживаютъ упорство Литовцевъ и не стыдятся заключать съ язычниками союзы, направленные во вредъ христіанскому ордену. Папская курія, среди этихъ противурѣчивыхъ жалобъ, руководясь различными вліяніями и побужденіями, колебалась въ рѣшеніи спорнаго дѣла; папы иногда находили крестоносцевъ совершенно правыми и строго порицали Рижскихъ архіепископовъ, то склонялись къ ихъ доводамъ, высказывали неодобреніе поступкамъ ордена и предписывали послѣднему перемѣнить образъ дѣйствій; въ 1309 году папа наложилъ даже интердиктъ на орденъ и снялъ его только по истеченіи трехъ лѣтъ, смягчившись богатыми подарками, которыми сановники ордена щедро осыпали Авиньонскій дворъ [1]). Со времени перваго вмѣшательства Витеня во внутреннія междуусобія нѣмецкаго населенія въ Ливоніи, въ теченіе двадцати лѣтъ Литовскіе великіе князья не принимаютъ въ нихъ участія; обстоятельство это объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ 1307 году Витень былъ задобренъ ливонскими рыцарями уступкою въ его пользу верховнаго права на Полоцкъ и его территорію; затѣмъ Витень и Гедыминъ должны были обратить всѣ силы для борьбы съ Прусскими крестоносцами. Вліяніе Гедымина на ливонскія дѣла возобновилось въ 1322 году по иниціативѣ Рижскаго магистрата, возстановившаго связи съ Литвою. До насъ дошло посланіе, отправленное въ этомъ году Ригою къ Гедымину, въ которомъ магистратъ, жалуясь на притѣсненія ордена, проситъ великаго князя Литовскаго не заключать перемирія съ крестоносцами, безъ участія въ договорѣ архіепископа и магистрата, и извѣщаетъ его, что папа будто призналъ уже архіепископа и городъ независимыми отъ ордена владѣльцами [2]). Между тѣмъ въ дѣй

---

[1]) Hermann de Wartberge Chron. Liv. (Script. rer. Prussic. II. стр. 57—59): Danilowicz—Skarbiec I, стр. 139—140 и 147.

[2]) Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 30—31.

ствительности дѣло приняло въ то время совершенно другой оборотъ: въ Авиньонѣ разбиралась въ присутствіи Іоанна XXII многолѣтняя тяжба ордена съ Рижскимъ архіепископомъ и папа, поддавшись вліянію краснорѣчиваго Ливонскаго магистра, Карла фонъ Триръ, признали несправедливыми всѣ обвиненія, взводимыя на орденъ его противниками [1]). Архіепископу и гражданамъ Риги необходимо было добыть новыя, болѣе вѣскія доказательства въ свою пользу и убѣдить документально все христіанство въ томъ, что поведеніе ордена составляетъ единственное препятствіе къ распространенію евангелія среди Литовцевъ; возобновивъ сношенія съ Гедыминомъ, магистратъ надѣялся получить отъ него нужныя доказательства. Гедыминъ съ своей стороны желалъ поддержать сношенія съ Ригою, разсчитывая пріобрѣсти союзниковъ среди враждебныхъ ордену духовныхъ владѣтелей и городскихъ общинъ Ливоніи и всего Балтійскаго поморья и, при ихъ посредствѣ, принудить орденъ къ заключенію мира съ Литвою,—вмѣстѣ съ тѣмъ союзъ этотъ нуженъ былъ Гедымину и для другой цѣли: онъ имѣлъ въ виду вызвать въ Литву съ запада колонистовъ и такимъ образомъ содѣйствовать насажденію въ Литвѣ зачатковъ западнй культуры. Вслѣдствіе такихъ обоюдныхъ побужденій, между великимъ княземъ литовскимъ и магистратомъ города Риги установилась дружелюбная дипломатическая переписка. Результатомъ ея были четыре грамоты, опубликованныя гражданами города Риги въ западной Европѣ въ теченіи лѣта 1323 года. Грамоты эти, написанныя отъ имени Гедымина, адресованы были: къ папѣ, къ ордену Доминиканцевъ, къ ордену Миноритовъ и, четвертая, къ городамъ: Любеку, Ростоку, Штральзунду, Грейсвальду, Штетину, а также къ жителямъ острова Готланда. Въ посланіи къ папѣ Гедыминъ изъявлялъ полную готовность принять св. крещеніе, утверждая, что онъ воздерживался отъ этого заявленія понынѣ исключительно потому, что орденъ крестоносцевъ препятствовалъ ему войти въ сношенія съ папою, перехватывая на дорогѣ его пословъ и раздражая его подданныхъ противъ христіанъ несправедливыми и жестокими поступками. Въ грамотахъ, адресованныхъ къ орденамъ: Доминиканскому и Францисканскому, Гедыминъ просилъ прислать въ Литву проповѣдниковъ и священниковъ, знающихъ литовскій языкъ, для распространенія христіанскаго ученія въ его земляхъ; онъ изъявлялъ готовность строить

[1]) Danilowicz, Skarbiec etc. I, стр. 153.

для проповѣдниковъ христіанскіе храмы, по образцу уже существующихъ въ Вильнѣ и Новогродкѣ трехъ церквей, при которыхъ были общины Доминиканцевъ и Францисканцевъ. Затѣмъ Гедыминъ пояснялъ въ этихъ посланіяхъ, что онъ обращается съ просьбою о присылкѣ миссіонеровъ къ названнымъ орденамъ потому, что не желаетъ допускать въ свои владѣнія алчныхъ и жестокихъ священниковъ, посылаемыхъ въ литовскія земли крестоносцами. Наконецъ, въ посланіи къ прибалтійскимъ городамъ и землямъ великій князь предлагалъ ихъ жителямъ право свободной торговли въ областяхъ великаго княжества Литовскаго и, извѣщая ихъ о своемъ желаніи обратиться въ христіанство, вызывалъ въ Литву колонистовъ всѣхъ сословій: рыцарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, обѣщая обезпечить вполнѣ ихъ права и надѣлить ихъ обширными льготами и поземельною собственностью.

Эти грамоты Гедымина разосланы были по назначенію Рижскимъ магистратомъ, представители котораго давали ручательство, отъ имени своего города, въ ихъ подлинности; посланіе къ папѣ привезъ въ Авиньонъ какой-то рижскій монахъ; онъ заявилъ, что литовскій посолъ, везшій грамоту, былъ задержанъ на пути крестоносцами и брошенъ въ тюрьму [1]), но, тѣмъ не менѣе, бывшая при немъ грамота доставлена была въ Ригу и магистратъ распорядился на счетъ отправки ея по адресу. Рижскій архіепископъ подтвердилъ это показаніе монаха. Опубликованныя такимъ образомъ грамоты Гедымина произвели сильное впечатленіе на западѣ. Папа увѣдомилъ французскаго короля особымъ посольствомъ о радостной вѣсти для всего христіанства, —о предстоящемъ крещеніи литовскаго народа; затѣмъ онъ отправилъ грамоту къ магистру крестоносцевъ, въ которой, извѣщая его объ обращеніи великаго князя литовскаго, предписывалъ прекратить военныя дѣйствія противъ Литвы. Гедымина папа извѣстилъ о благосклонномъ пріемѣ его посланія и заявилъ ему, что вскорѣ отправлены будутъ легаты, которымъ спеціально поручено будетъ принять всѣ мѣры, необходимыя для споспѣшествованія обращенію Литвы въ христіанство. Не ожидая прибытія папскихъ легатовъ и повинуясь предписанію папы, духовные владѣтели Ливоніи поспѣшили заключить миръ съ Гедыминомъ. Въ договорѣ этомъ, состоявшемся въ октябрѣ 1323 года,

[1]) Nuntius Gedymini captus fuit in via, fame afflictus et male cruciatus. (Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 45).

приняли участіе: Рижскій архіепископъ, епископы Эзельскій, Дерптскій и Ревельскій, магистратъ города Риги и датскій начальникъ города Ревеля. Поневолѣ къ договору присоединились и Ливонскіе рыцари, не посмѣвшіе сопротивляться папскому повелѣнію и общественному мнѣнію ливонскаго населенія. Вообще, послѣ обнародованія грамотъ Гедымина, когда вѣсть о предстоявшемъ его обращеніи стала общеизвѣстною на западѣ, орденъ крестоносцевъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное и ложное положеніе: всѣ жалобы и обвиненія Рижскаго архіепископа и магистрата подтверждались теперь съ новыми, подавляющими подробностями въ грамотахъ великаго князя литовскаго. Представители ордена, въ виду всеобщаго, весьма невыгоднаго для нихъ, настроенія общественнаго мнѣнія, потеряли голову и въ первое время не знали, какой слѣдуетъ имъ принять образъ дѣйствія: они, то пытались заподозрить подлинность опубликованныхъ грамотъ, то увѣряли папу въ томъ, что они нисколько не препятствовали Гедымину сноситься съ нимъ, то старались, при посредствѣ прусскихъ епископовъ, помѣшать заключенію мира съ Литвою, то, потомъ, выслали своихъ уполномоченныхъ для подписи мирнаго трактата, то, наконецъ, пытались засвидѣтельствовать свою невинность, посредствомъ удостовѣренія, полученнаго ими отъ провинціала Прусскихъ миноритовъ: но ни въ Авиньонѣ, ни вообще на западѣ, эти попытки ордена не пользовались довѣріемъ; своекорыстіе ордена, его наклонность къ интригамъ, его жестокость и алчность считались теперь вполнѣ обличенными и доказанными; повсемѣстно указывали на грамоты Гедымина, какъ на несомнѣнное доказательство коварства рыцарей; вскорѣ, въ дополненіе четырехъ первыхъ, появились двѣ новыя: въ одной изъ нихъ великій князь излагалъ подробно всѣ обиды и несправедливости, которымъ онъ подвергался со стороны рыцарей; въ другой онъ увѣрялъ папу въ томъ, что онъ увѣровалъ давно уже въ догматъ Св. Тройцы и убѣжденъ въ верховномъ значеніи папы, какъ единственнаго намѣстника Христова на землѣ. Понуждаемый этими грамотами, папа, наконецъ, отправилъ легатовъ въ Литву въ іюнѣ 1324 года. Начальниками миссіи назначены были: Варѳоломей, епископъ Алетскій, и Бернардъ, аббатъ бенедиктинскаго монастыря св. Теофрида въ Пюи. Снабженные папскою напутственною инструкціею и вѣрительными письмами ко всѣмъ христіанскимъ владѣтелямъ, легаты прибыли въ Ригу 22 сентября 1324 года; они утвердили папскою властью договоръ, заключенный съ Гедыминомъ духовными и

свѣтскими владѣтелями Ливоніи и копію этого договора сообщили магистру прусскихъ крестоносцевъ, присовокупивъ къ ней угрозу наложить вѣчный интердиктъ на всякаго, кто не исполнитъ въ точности всѣхъ обязательствъ трактата; затѣмъ, они приступили къ исполненію главной задачи своей миссіи и съ этою цѣлью отправили посольство къ Гедымину, желая установить съ нимъ прямыя сношенія и условиться о мѣрахъ относительно введенія христіанства въ Литву [1]).

Посольство, отправленное легатами, прибыло въ Вильно 3-го и выѣхало оттуда обратно въ Ригу 25 ноября 1324 года. Интересный отчетъ о сношеніяхъ этого посольства съ Гедыминомъ, составленный тѣмъ-же монахомъ, который доставилъ было грамогу великаго князя въ Авиньонъ и теперь состоялъ важнѣйшимъ членомъ посольства, дошелъ до насъ вполнѣ; онъ разъясняетъ весьма подробно истинный смыслъ гедыминовыхъ грамотъ и указываетъ довольно ясно ту долю постороннихъ къ нимъ наростовъ, которые придали всему дѣлу характеръ сношеній, предпринятыхъ будто съ цѣлью обращенія литовцевъ въ христіанство.

Изъ отчета посольства оказывается, что всѣ грамоты дѣйствительно были писаны отъ имени Гедымина, но изъявленіе желанія принять крещеніе было въ нихъ помѣщено безъ вѣдома великаго князя. Въ Вильнѣ находились тогда два католическіе монастыря: Доминиканскій и Францисканскій и между обоими орденами существовало сильное соревнованіе и зависть относительно вліянія при дворѣ великаго князя, который, въ случаѣ сношеній съ западными сосѣдями, прибѣгалъ къ помощи монаховъ этихъ монастырей, пользовался ихъ совѣтами и услугами, въ качествѣ секретарей, для составленія грамотъ на латинскомъ языкѣ; содержаніе грамотъ онъ диктовалъ политовски, переводчикъ-же его, монахъ Гинникинъ, передавалъ ихъ содержаніе понѣмецки секретарямъ, тѣ-же съ его словъ составляли грамоты на латинскомъ языкѣ.

Когда получено было первое дружелюбное письмо отъ Рижскаго магистрата, Гедыминъ поручилъ составленіе отвѣтныхъ грамотъ Францисканцамъ: Бертольду и Генриху, услугами которыхъ онъ пользовался въ то время. Вѣроятно по ихъ совѣту написаны были грамоты не только въ Ригу, но также къ папѣ, къ монашествующимъ орденамъ

---

[1]) Danilowicz. Skarbiec. etc. I, стр. 153—163. Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 32—43. Düsburg, III, cap. 349.

и къ прибалтійскимъ городскимъ общинамъ; при составленіи этихъ грамотъ, секретари, вѣроятно подчинившись внушеніямъ Рижскаго посольства, перемѣнили смыслъ посланій: пользуясь нѣкоторыми почтительными выраженіями, употребленными великимъ княземъ по отношенію къ папѣ, а также заявленіемъ обѣщанія полной вѣротерпимости по отношенію ко всѣмъ христіанамъ, покровительства для миссіонеровъ и значительныхъ льготъ для призываемыхъ въ Литву колонистовъ, секретари придали этимъ выраженіямъ такой смыслъ, будто Гедыминъ поручилъ имъ просить папу о принятіи его въ лоно христіанской церкви; мистификація эта не могла въ первое время быть раскрытою даже въ Ригѣ при передачѣ грамотъ магистрату, такъ какъ посолъ Гедымина, можетъ быть вслѣдствіе заблаговременно подготовленной интриги, былъ задержанъ на пути и остался въ плѣну у крестоносцевъ, между тѣмъ какъ довѣренныя ему грамоты невѣдомымъ путемъ доставлены были по назначенію. Впрочемъ неясный слухъ о какой-то продѣлкѣ, случившейся съ текстомъ грамотъ, достигъ, какъ кажется, вскорѣ до Гедымина; по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ концѣ 1323 года онъ удалилъ отъ своего двора Францисканцевъ и сталъ обращаться за совѣтами и помощью къ Доминиканскому монаху Николаю [1]).

---

[1]) «Frater Hinricus et frater Bertoldus responderunt: quod rex habuerat bonum propositum, sed, proh dolor, superveniëntibus aliis, totaliter esset mutatus et aversus, qui quidem per integrum annum in concilio suo non fuerunt, sed solum frater Nicolaus, de quo habebant suspicionem ejus mali et aversionem propositi boni.... Jnterim... rex misit post fratrem Nicolaum et post missam.... venit nuntius regis et vocavit fratres Bertoldum et Hinricum ad praesentiam regis». (Наперскій. Русско-Ливонскіе акты, стр. 45). Вѣроятно вслѣдствіе потери кредита Миноритами въ Вильнѣ, случившейся въ концѣ 1323 года, представители ихъ ордена въ Пруссіи и выдали упомянутое выше свидѣтельство въ пользу крестоносцевъ. Отчетъ посольства сообщаетъ слѣдующимъ образомъ дальнѣйшія подробности о розыскѣ, производившемся въ Вильнѣ по поводу подлога въ грамотахъ, писанныхъ къ папѣ: «Postea, die subsequente,.... invenimus advocatum regis cum consiliariis ipsius, praesentibus Majoribus fratribus et Minoribus, et idem advocatus regis quaesivit a Minoribus, a quo illae litterae, domino apostolico directae, primum habuerunt processum? Respondit frater Hinricus, quod ipse scripsisset litteras, cum quibus rex nuntium suum proprium misit ad civitatem..... Tunc quaesivit a fratre Bertoldo, si ipse scripsisset litteras, quod rex vellet baptizari. Respondit, quod scripsisset ultimas litteras, quae fuerunt missae per consules

Но когда въ ноябрѣ 1324 года послы легатовъ явились въ Вильно, то мистификація обнаружилась. Въ торжественной аудіенціи послы изложили великому князю весь ходъ переговоровъ его съ папою и, указавъ на цѣль пріѣзда легатовъ въ Ригу, спросили, пребываетъ-ли онъ въ намѣреніи принять святое крещеніе? Тогда Гедыминъ, въ свою очередь предложилъ вопросъ, извѣстно ли посламъ содержаніе его посланія къ папѣ? и просилъ ихъ повторить это содержаніе. Услышавъ о томъ, будто имъ дано было обѣщаніе креститься, Гедыминъ возразилъ: „Я этого не приказывалъ писать; если-же братъ Бертольдъ написалъ, то пусть отвѣтственность падетъ на его голову. Если когда-либо имѣлъ я намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ! Я дѣйствительно говорилъ, какъ написано въ грамотѣ, что буду почитать папу какъ отца, но я сказалъ это потому, что папа старше меня; всѣхъ стариковъ: и папу, и Рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю какъ отцевъ; сверстниковъ своихъ я люблю какъ братьевъ, тѣхъ-же, кто моложе меня, я готовъ любить какъ сыновей. Я говорилъ дѣйствительно, что дозволю христіанамъ молиться по обычаю ихъ вѣры, Русинамъ по ихъ обычаю и Полякамъ по своему; сами-же мы будемъ молиться Богу по нашему обычаю. Всѣ мы вѣдь почитаемъ одного Бога“! Затѣмъ великій князь, по словамъ посольскаго отчета, сталъ упрекать христіанъ, поставляя на видъ дурные поступки ордена. Въ слѣдующее утро княжескій тіунъ, въ присутствіи пословъ, производилъ розыскъ о томъ, кто изъ Францисканцевъ совершилъ подлогъ въ грамотѣ и предложилъ посламъ вопросъ относительно того, желаютъ-ли они подтвердить договоръ, заключенный Гедыминомъ съ городами и духовными владѣтелями прибалтійскаго края? Послы отвѣтили, что они не имѣютъ достаточныхъ полномочій для того, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и предложили Гедымину отправить

Rigenses, et in eis nihil scripsit, nisi ex ore regis: quod vellet esse filius obedientiae, et venire ad gremium sanctae matris ecclesiae et recipere Christianos, et fidem Christi.. ampliare.... Et sic respondit advocatus: ergo recognoscis, quod non jussit te scribere de baptizmo? Tunc ipse Bertoldus et frater Nicolaus de ordine Majorum responderunt et nos omnes: quod esse filius obedientiae et venire ad gremium sanctae matris ecclesiae, aliud non esset, nisi baptismus. Tunc respondit advocatus et frater Nicolaus, quod ipse frater Bertoldus esset, qui regi fecerat talem confusionem. (Наперскій, ibid. стр. 47).

своихъ пословъ въ Ригу къ легатамъ [1]). Предложеніе это было принято и послы легатовъ возвратились въ Ригу въ сопровожденіи знатнаго литовскаго боярина, который заявилъ публично, въ присутствіи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ: „Что въ грамотахъ, писанныхъ отъ имени Гедымина, никогда съ его вѣдома не было заявлено о желаніи принять крещеніе; что такого рода заявленій онъ никогда не посылалъ ни къ папѣ, ни къ поморскимъ городамъ; что, напротивъ того, великій князь всегда желалъ, и желаетъ въ настоящее время остаться вѣрнымъ той религіи, которую исповѣдывали и въ которой скончались его предки". Заявленіе это подтвердили послы легатовъ, ѣздившіе въ Вильно для переговоровъ съ Гедыминомъ. Такимъ образомъ папскіе легаты убѣдились, что они были невольною жертвою обнаружившейся теперь мистификаціи; положеніе, въ которомъ они находились, показалось имъ весьма неловкимъ, и потому они поспѣшно оставили Ригу, не сдѣлавъ никакихъ новыхъ распоряженій, касающихся отношеній къ Литвѣ. Уже 7 декабря 1324 года они отправились въ обратный путь [2]).

Такимъ образомъ главная цѣль сношеній папы съ Гедыминомъ не была достигнута, тѣмъ не менѣе результаты этихъ сношеній были весьма выгодны какъ для Гедымина, такъ и для гражданъ города Риги: договоръ, заключенный между ними въ 1323 году, былъ утвержденъ отъ имени папы его легатами и крестоносцамъ было предписано соблюдать въ точности его статьи. Послѣ отъѣзда легатовъ и Гедыминъ, и другіе участники договора считали его вполнѣ дѣйствительнымъ; одни только крестоносцы признавали его для себя необязательнымъ, утверждая, что обязательства договора недѣйствительны вслѣдствіе отказа великаго князя принять крещеніе; они немедленно возобновили военныя дѣйствія: стали грабить, убивать и захватывать въ плѣнъ жителей пограничныхъ округовъ Литвы; въ началѣ 1325 года опустошили пограничную часть Полоцкой земли, перехватывали и заключали въ тюрьму пословъ, отправляемыхъ Гедыминомъ въ Ригу, и одного изъ нихъ повѣсили. Всѣ перечисленные поступки ордена Гедыминъ поставлялъ на видъ своимъ Ливонскимъ союзникамъ, и угрожалъ съ своей стороны также растор-

---

1) Наперскій—ibidem. стр. 42—48.

2) Düsburg III, cap. 352; Hermann de Wartberge (Scr. rer. Prus. II, стр. 61). Annales expeditialis Prussici (ibid. III, стр. 6—7). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid. III, стр. 590).

гнуть договоръ и предпринять рядъ опустошительныхъ набѣговъ на Ливонію [1]). Побуждаемый этими упреками и пользуясь ими противъ крестоносцевъ, Рижскій архіепископъ, въ началѣ апрѣля 1325 года, торжественно отлучилъ Ливонскій орденъ отъ церкви и обнародовалъ окружное посланіе, въ которомъ излагались причины этой мѣры: перечисливъ всѣ неблаговидные поступки, совершенные ливонскими рыцарями въ прежнее время, архіепископъ указывалъ на то обстоятельство, что орденъ, нарушивъ миръ, заключенный собща съ великимъ княжествомъ Литовскимъ и утвержденный папою, поколебалъ въ глазахъ Гедымина значеніе папскаго авторитета, раздражилъ его вообще противъ христіанъ и, такимъ образомъ, заставилъ отказаться отъ заявленнаго имъ намѣренія принять св. крещеніе; сверхъ того крестоносцы притѣсняютъ и обижаютъ епископовъ, хлопотавшихъ объ обращеніи Литовцевъ въ христіанство и свято сохраняющихъ договоръ, санкціонированный папскими легатами [2]).

Такимъ образомъ въ Ливоніи съ новою силою вспыхнула междуусобная война между орденомъ съ одной стороны, епископами и городскими общинами, опиравшимися на союзъ съ Гедыминомъ,—съ другой; война эта была несчастна для ордена: въ 1328 году Рижскіе граждане взяли приступомъ и разорили построенную крестоносцами крѣпость Дюнамюнде, а когда, въ слѣдующемъ году, сильное войско крестоносцевъ стало угрожать Ригѣ, то магистратъ отправилъ пословъ къ Гедымину, предлагая ему уступить четыре крѣпости, принадлежавшія городу на берегахъ Двины, въ замѣнъ за дѣятельную помощь для окончательнаго истребленія ордена. Гедыминъ съ большимъ войскомъ переправился черезъ Двину и страшно опустошилъ владѣнія ордена: рижскіе граждане во все время этого похода снабжали его войско продовольствіемъ и проводниками. Походъ этотъ дѣйствительно принудилъ орденъ къ рѣшительнымъ уступкамъ: въ мартѣ 1330 года Ливонскій магистръ Эбергардъ фонъ Мунгеймъ заключилъ договоръ съ архіепископомъ и городомъ Ригою. Орденъ призналъ полную ихъ независимость, отказался отъ постройки укрѣпленій въ чертѣ города Риги и обязался на свой счетъ возстановить всѣ городскіе заводы и постройки, разрушенные крестоносцами во время многолѣтней войны съ городомъ [3]). Оче-

1) Наперскій. Русско-Ливонскіе акты. стр. 48—52.

2) Daniłowicz—Skarbiec etc. I, стр. 163—165.

3) Hermann de Wartberge—Chron. Liv. (Scrip. rer. Prus. II, стр. 65).

видно силы Ливонскаго ордена были исчерпаны въ борьбѣ, могущество ихъ было ослаблено и противувѣсъ ихъ власти, поддержанный Гедыминомъ въ лицѣ духовныхъ владѣтелей и городскихъ общинъ Ливоніи, отнималъ у нихъ возможность на будущее время причинять существенный вредъ великому княжеству Литовскому. Дѣйствительно, въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія княженія Гедымина, мы не встрѣчаемъ упоминанія о сколько нибудь серьезномъ предпріятіи Ливонскихъ рыцарей противъ Литовскихъ земель.

Относительно другихъ иноземныхъ сношеній Гедымина, мы находимъ въ источникахъ только немногочисленныя извѣстія объ отношеніяхъ великаго княжества Литовскаго къ Золотой Ордѣ. Не придавая никакого значенія весьма позднимъ и неяснымъ преданіямъ о мнимыхъ походахъ Гедымина къ подножію Кавказскихъ горъ, мы находимъ свѣдѣніе правдоподобное, хотя не вполнѣ достовѣрное, о томъ, что въ борьбѣ съ крестоносцами Гедыминъ пользовался по временамъ помощью вспомогательныхъ татарскихъ отрядовъ [1]). Въ русскихъ лѣтописяхъ записаны кромѣ того извѣстія о двухъ набѣгахъ татаръ на Литву, хотя не указаны ни причины, ни размѣры этихъ столкновеній [2]); наконецъ, въ одномъ изъ упомянутыхъ выше ливонскихъ актовъ есть намекъ на то, что въ ноябрѣ 1324 года въ Вильнѣ находилось татарское посольство, о цѣли присылки котораго данный источникъ не упоминаетъ [3]). Скудость этихъ извѣстій вытекаетъ изъ естественнаго положенія отношеній великаго княжества Литовскаго къ Ордѣ въ данное время. Въ княженіе Гедымина отношенія эти могли быть только отрывочны и случайны; потому что еще широкая полоса русскихъ земель отдѣляла великое княжество Литовское отъ ордынскихъ кочевій.

О внутренней дѣятельности Гедымина и о вліяніи его на устройство и распорядокъ великаго княжества Литовскаго до насъ дошли весьма скудныя свѣдѣнія. Кромѣ чертъ, упомянутыхъ выше: усовершенствованія военнаго дѣла, постройки крѣпостей, старанія привлечь за-

---

1) Stryjkowski—Kronika etc. стр. 360—361.

2) 1324. „Царь Азбякъ посылалъ князей Литвы воевати; и много зла створиша Литвѣ, и со многимъ полономъ пріидоша въ орду". 1336. „Тогоже лѣта татарове воеваше Литву". Никоновская лѣтоп. т. III, стр. 128 и 164.

3) «Rex non poterat loqui nobiscum, quia cum Tataris erat impeditus». Наперскій, Русско-Ливонскіе акты, стр. 47.

падныхъ колонистовъ въ Литву, мы можемъ отмѣтить еще два выдающіеся, по указаніямъ источниковъ, факты, свидѣтельствующіе о прогрессивномъ развитіи въ данное время формъ внутренняго быта великаго княжества Литовскаго: это—возникновеніе первыхъ значительныхъ городовъ и мирное распространеніе христіанства, пользовавшагося полною вѣротерпимостію со стороны великаго князя.

Объ основаніи городовъ до насъ дошли преданія въ видѣ позднихъ легендарныхъ разсказовъ; по словамъ этихъ преданій, Гедыминъ основалъ городъ въ Трокахъ, неприступное мѣстоположеніе которыхъ на островѣ, среди озера обратило на себя его вниманіе, и вслѣдъ затѣмъ построилъ другой городъ—Вильно, будущую столицу великаго княжества Литовскаго [1]). Гедыминъ поочередно основывалъ свою резиденцію въ обоихъ городахъ, обвелъ ихъ укрѣпленіями, построилъ замки, покровительствовалъ росту ихъ населенія и, сдѣлавъ ихъ центромъ управленія обширнымъ уже тогда Литовскимъ государствомъ, придалъ имъ значеніе первенствующихъ городовъ.

Въ концѣ его княженія столица окончательно утвердилась въ Вильнѣ, благодаря важному для Литовцевъ значенію, которымъ пользовался этотъ городъ, ставшій въ началѣ XIV столѣтія религіознымъ центромъ всего Литовскаго племени. Центральное святилище литовскихъ боговъ, называемое Ромове, мѣсто жительства верховнаго жреца кривекривейте, находилось первоначально въ Прусской области Надравіи; послѣ покоренія этой области крестоносцами, криве-кривейте переселился на правый берегъ Нѣмана и Ромове перенесено было на устье р. Дубиссы въ Нѣманъ; но и это новое святилище подверглось вскорѣ нападеніямъ крестоносцевъ и въ 1294 году было разрушено Рагнитскимъ комтуромъ Людвикомъ фонъ Либенцель [2]). Тогда Ромове было перенесено въ болѣе безопасное и удаленное отъ крестоносцевъ мѣсто, лежавшее почти на границѣ Литовскихъ и Русскихъ земель, входившихъ въ составъ великаго княжества. При устьѣ рѣчки Вильны (Волна) въ рѣку Нерію или Нергисъ (впослѣдствіи Вилія) на холмѣ Свентирога находилось издревле уважаемое Литовцами святилище, на которомъ горѣлъ неугасаемый огонь изъ дубовыхъ вѣтвей и гдѣ сожигали знат-

---

1) Легенда объ основаніи Трокъ и Вильна—въ лѣтописи Быховца, стр. 16—17; у Стрыйковскаго I, стр. 369—373 и у Кояловича I, стр. 262—265.

2) Düsburg III, cap. 5 и 252. Stryjkowski I, стр. 79. Kajalowicz I, стр. 32.

ныхъ покойниковъ. Святилище это было основано, по словамъ народнаго преданія, древнимъ мѣстнымъ благочестивымъ княземъ—Свентирогомъ [1]). Сюда бѣжалъ криве-кривейте съ коллегіею окружавшихъ его жрецовъ послѣ разрушенія принѣманскаго Ромове и съ его поселеніемъ Свентирогово святилище пріобрѣло значеніе религіознаго племеннаго центра. Это обстоятельство и побудило вѣроятно Гедымина, основать городъ около святилища и перенести туда столицу изъ новоосновныхъ имъ Трокъ. Во всякомъ случаѣ, изъ словъ легенды видно, что основаніе Вильны и переходъ въ этотъ городъ на жительство великаго князя, случились послѣ переговоровъ Гедымина съ первосвященникомъ Лиздейкомъ и вслѣдствіе предсказаній, будто-бы превозвѣщенныхъ послѣднимъ.

Придавая такимъ образомъ народному литовскому культу значеніе государственной религіи, Гедыминъ тѣмъ не менѣе относился съ полною вѣротерпимостью къ христіанамъ всѣхъ исповѣданій, жившимъ въ предѣлахъ его княжества; мы не только не встрѣчаемъ, даже въ лѣтописяхъ составленныхъ крестоносцами, намековъ о какомъ-бы то ни было стѣсненіи христіанъ, но, напротивъ того, въ грамотахъ Гедымина и въ переговорахъ съ бывшими у него послами, онъ ясно высказываетъ свое стремленіе не только не стѣснять христіанъ, но даже оказывать имъ возможное покровительство. Изъ отчета посольства, ѣздившаго въ Вильно въ 1324 году, мы знаемъ, что въ этомъ городѣ существовали двѣ католическія церкви и при нихъ монастыри: доминиканскій и миноритскій, третій монастырь, также миноритскій, находился въ прежней столицѣ великихъ князей—въ Новгородкѣ Литовскомъ. Католическіе монахи пользовались почетомъ при дворѣ великаго князя и призывались для участія въ его совѣтѣ. Отношенія Гедымина къ

1) Лѣтоп. Быховца, стр. 10—11. Болѣе подробный пересказъ о Свентирогѣ находится въ рукописномъ спискѣ той-же лѣтописи, хранящемся въ Познанской библіотекѣ. Вотъ этотъ разсказъ, пропущенный въ спискѣ, изданномъ Нарбутомъ: „Обереть собе великій князь Швинторогъ местцо на пущи, велми хорошо, подле реки Вельи, где река Вильня упадаетъ у Велью, и просилъ сына своего Скиримонта, абы на томъ местцу было жеглищо вчинено, гдежбы его мертвого сожгли; и приказалъ сыну своему, жебы по смерти его на томъ местцу, гдѣбы его сжегъ, всихъ князей Литовскихъ и знаменитыхъ бояръ сожжено было и штобы вже нигде инде тела мертвыхъ не были съжены, только тамъ“.

православной церкви носили также характеръ терпимости: во всѣхъ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ княжесту Литовскому, православіе пользовалось совершенною свободою и церковь управлялась Полоцкимъ владыкою, который свободно сносился съ митрополитомъ и принималъ участіе въ помѣстныхъ соборахъ русскаго духовенства [1]). Поселившееся въ Вильнѣ русское населеніе имѣло свою церковь, во имя св. Николая, построенную, по преданію, еще при жизни Гедымина [2]). Наконецъ, дружелюбное отношеніе великаго князя къ православію выразилось въ быту его собственнаго семейства: почти всѣ сыновья Гедымина женаты были на русскихъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ—Глѣбъ-Наримундъ принялъ св. крещеніе по православному обряду еще при жизни отца.

Въ 1341 году, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, Гедиминъ погибъ при осадѣ одной изъ крѣпостей, воздвигнутыхъ крестоносцами, сраженный выстрѣломъ изъ огнестрѣльнаго оружія, въ первый разъ примѣненнаго крестоносцами къ военному дѣлу [3]). Семь сыновей Гедымина распредѣлили между собою, въ качествѣ удѣловъ, земли великаго княжества Литовскаго.

---

1) 1331. „И постави Василія владыку митрополитъ Феогностъ, а съ нимъ владыкъ 5: Грѣгорій Полоцкій, Афанасій Володимирскій, Федоръ Галицкій, Марко Перемыслицкій, (Іоаннъ Холмскій)". Супрасльская лѣтопись, стр. 55.

2) Васильевскій. Очеркъ исторіи города Вильны—въ Памятникахъ Русской старины западнаго края, изд. Батюшковымъ. Вып. V, стр. 11 и 85.

3) Длугошъ, вслѣдствіе очевидной описки, относитъ смерть Гедымина къ 1307 г. Стрыйковскій и Кояловичъ полагаютъ ее въ 1328 при осадѣ замка Вельоны. Виганд изъ Марбурга—въ 1337 при осадѣ Бейербурга. Всѣ эти годы означены очевидно ошибочно: въ сборникѣ Наперскаго помѣщенъ договоръ, заключенный Гедыминомъ съ Ригою и Ливонскимъ орденомъ, состоявшійся 1 ноября 1338 годъ. Такимъ образомъ, съ гораздо большею вѣроятностью, можно принять годъ смерти Гедымина, обозначенный въ Русскихъ лѣтописяхъ: 1341 или 1340. Dlugosz. I стр. 923. Stryjkowsk, Kronika etc. I, стр. 385. Kojałow. Hist. Lit. I, 280. Wigand (script. rer. Prus. II, стр. 493—494). Наперскій. Русско-Ливонскіе акты, стр. 68. Никоновская лѣтоп. III, стр. 174. Воскресенская лѣтоп. стр. 207. Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 164.

III.

Ольгердъ и Кейстутъ.

1341—1377.

Гедыминъ оставилъ многочисленное семейство: лѣтописи сохранили имена семи его сыновей и свѣдѣнія о пяти его дочеряхъ. Преслѣдуя постоянно политическія цѣли, направленныя къ укрѣпленію и расширенію своего государства, Гедыминъ подчинилъ этимъ цѣлямъ свои семейныя отношенія: изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о брачныхъ связяхъ его дѣтей видно, что всѣ эти связи были заключены по указаніямъ политическаго, по большей части вѣрнаго разсчета. Выдавая за мужъ дочерей и женя сыновей, Гедыминъ имѣлъ постоянно въ виду или укрѣпленіе посредствомъ брака необходимаго для Литвы союза, или надежду на пріобрѣтеніе правъ по наслѣдству на ту или другую область, порубежную съ его государствомъ.

Изъ пяти дочерей Гедымина, одна, какъ уже было указано, была за мужемъ за Давидомъ Гродненскимъ старостою; бракъ этотъ вводилъ въ кругъ великокняжеской семьи самаго выдающагося представителя русской народности въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и, такимъ образомъ, скрѣплялъ необходимое единеніе двухъ національныхъ началъ, входившихъ въ составъ этого государства. Бракъ другой дочери Гедымина, Альдоны (въ крещеніи Анны) упрочилъ весьма важный для Литвы союзъ съ Польшею, посредствомъ котораго великое княжество пріобрѣло прочную опору въ борьбѣ съ крестоносцами. Третья дочь Гедымина, имя которой не сохранилось въ источникахъ,

выдана была въ замужество, въ 1331 году, за Болеслава Тройденовича, Мазовецкаго князя изъ Черской линіи [1]). Кромѣ союза съ сосѣднею Мазовіею, весьма важнаго для Литвы, такъ какъ страна эта лежала въ углу между владѣніями литовскими и землями Тевтонскаго ордена, бракъ этотъ имѣлъ еще другое, болѣе важное, хотя и отдаленное значеніе: въ то время въ Галичѣ княжилъ послѣдній представитель старшей линіи рода Даніила Романовича, князь Юрій II Андреевичъ. Князь этотъ не имѣлъ потомства и, послѣ его смерти, право на Галицкое и Владимірское княженія могли заявить потомки Даніила по женской линіи; это право могли предъявить двѣ княжны Даніилова рода: двоюродная сестра Юрія II, дочь князя Льва Юріевича Луцкаго, и родная сестра Юрія II—Марія Андреевна; первая изъ нихъ была замужемъ за Любартомъ Гедыминовичемъ и, такимъ образомъ, передавала свои права Литовскому княжескому роду, вторая была жена князя Черскаго—Тройдена Болеславовича [2]); единственный ея наслѣдникъ и былъ Болеславъ Тройденовичъ, родство съ которымъ, въ случаѣ его безпотомной смерти, скрѣпляло права на Галицкое наслѣдство, пріобрѣтенныя уже отчасти бракомъ Любарта.

Браки двухъ другихъ дочерей Гедымина устанавливали связи его дома съ княжескимъ родомъ, владѣвшимъ въ сѣверовосточной Руси; между тѣмъ, какъ одна изъ нихъ, Айгуста (въ крещеніи Анастасія), была супругою великаго князя Московскаго, Симеона Ивановича [3]), другая, Марія, отдана была въ замужество за представителя той вѣтви русскаго княжескаго рода, которая оспаривала у в. к. Московскихъ господство надъ сѣверовосточной Русью—она была женою Тверскаго князя, Дмитрія Михайловича [4]).

Такое-же политическое значеніе имѣли браки двухъ сыновей Ге-

---

1) „1331. Boleslaus dux Masoviae et Russiae uxoratur, et accipit in uxorem filiam Gedymini, ducis Lthuaniae, gentilem et barbaram.“ Длугошъ I, стр. 1022.

2) „1341 Ducissa Czirnensis Maria moritur, uxor Trojdeni Mazoviae et Czirnensis ducis, natione Rutena.“ Длугошъ, I, стр. 1062.

3) „1344 Преставися великая княгиня Семенова Ивановича Анастасія въ черницахъ и схимѣ, родомъ Литовка, а прозвище еи бысть Литовское Августа.“ (Никоновск. лѣт. III, стр. 181).

4) Той-же зимы (1319) за князя Дмитрія Михайловича приведоша княжну Марію изъ Литвы, Едименову дщерь.“ (Тверская лѣтоп., стр. 414).

дымина, свѣдѣнія о которыхъ сохранились въ источникахъ: Ольгердъ Гедыминовичъ, еще въ 1318 году, женился на княжнѣ Маріи Ярославовнѣ Витебской, и уже въ 1320 г. наслѣдовалъ Витебское княженіе послѣ смерти тестя [1]). Въ 1325 году, послѣ смерти Луцкаго князя Льва Андреевича, восточная Волынь досталась его зятю Любарту Гедыминовичу.

Такимъ образомъ брачныя связи дѣтей Гедымина ввели Литовскій княжескій родъ въ семейный кругъ владѣтельныхъ династій въ двухъ сосѣднихъ съ Литвою государствахъ, упрочили союзы съ этими государствами и намѣтили политическія цѣли, къ которымъ должно было стремиться великое княжество Литовское.

Къ несчастію однако для Литвы, важнѣйшій изъ предположенныхъ политическихъ интересовъ—дѣло о Галицкомъ наслѣдіи, возникло почти одновременно со смертью Гедымина и, вслѣдствіе колебаній, которымъ подверглась верховная власть въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, не могло быть поддержано сыновьями Гедымина съ достаточною энергіею.

Порядокъ престолонаслѣдія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ не былъ установленъ ни закономъ, ни обычаемъ; вслѣдствіе этого, въ теченіи пяти лѣтъ послѣ смерти Гедымина (1341—1345) государственное начало, объ укрѣпленіи котораго онъ постоянно заботился, подвергается значительной опасности; литовское государство находится на пути къ разложенію на мелкіе самостоятельные удѣлы, подобно тому какъ разложилось нѣкогда государство Владиміра святого. По мѣрѣ увеличенія своихъ владѣній, Гедыминъ раздавалъ въ управленіе членамъ своего семейства отдѣльныя области, входившія въ составъ Литовскаго государства, признавая за ними права удѣльныхъ князей, зависимыхъ отъ главы рода [2]). Такимъ образомъ, послѣ смерти Геды-

---

[1]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ стр. 27. Генеалогія Витебскихъ князей при лѣтоп. Быховца, стр. 81.

[2]) Мы встрѣчаемъ въ источникахъ указаніе на то, что при раздачѣ удѣловъ, надъ удѣльнымъ княземъ совершался обрядъ коронаціи. О Коріатѣ Гедыминовичѣ, получившемъ Новгородокъ Литовскій, сахранилась слѣдующая приписка на древнемъ требникѣ, хранившемся въ Лаврашевскомъ монастырѣ: „1329—коронація князя Новогрудскаго.“ (Narbutt. Dzieje Narodu Litewskiego. IV, стр. 267).

мина великое княжество Литовское оказалось распредѣленнымъ на 8 удѣловъ между его семью сыновьями и братомъ. Удѣлы эти заключали въ себѣ слѣдующія земли: Братъ Гедымина, Воинъ, владѣлъ Полоцкимъ княженіемъ [1]). Удѣлъ старшаго изъ Гедыминовичей, Монвида, состоялъ изъ Кернова (по преданію древней Литовской столицы, еще во время княженія Рынгольта), лежавшаго въ собственной Литвѣ, на рѣкѣ Виліи, къ сѣверу отъ Вильна и изъ Слонима въ Черной Руси, тянувшаго нѣкогда къ Новогрудъ-Литовскому княженію. Другой сынъ Гедымина, бывшій кормленникъ великаго Новгорода, Наримунтъ, владѣлъ въ долинѣ Припяти княженіемъ Пинскимъ и Туровскимъ. Третій Гедыминовичъ—Коріатъ княжилъ во всей Черной Руси, за исключеніемъ Слонима, до береговъ рѣки сѣверной Случи; Новгородокъ Литовскій и Волковыскъ были главными городами этого удѣла.—Затѣмъ Ольгерду Гедыминовичу достался въ собственной Литвѣ городъ Крево, тянувшія къ которому земли простирались до р. Березины; по ту сторону Березины, далеко на востокъ, до береговъ Угры простиралось княжество Витебское, принадлежавшее также Ольгерду, въ качествѣ вѣна его жены. Вся западная полоса великаго княжества Литовскаго, отъ Жмудзкаго поморья и до границъ Волыни: Жмудь, Троки, Гродно и Берестіе, составляла удѣлъ Кейстута Гедыминовича; область этого удѣла тянулась узкою и длинною полосою съ сѣвера къ югу, окаймляя весь западный рубежъ великаго княжества, и составляя его военную границу со стороны владѣній Тевтонскаго ордена и Мазовіи. Любартъ Гедыминовичъ, еще при жизни отца переселился въ землю Волынскую, гдѣ съ 1325 года онъ владѣлъ Луцкимъ княжествомъ. Наконецъ, младшій изъ сыновей Гедымина, Явнутій, какъ кажется не надѣленный при жизни Гедымина удѣломъ, получилъ послѣ его смерти тѣ земли, которыя находились въ непосредственной зависимости отъ великаго князя: стольный городъ Вильно, съ пригородами: Ошмяною, Вилькомиромъ и Браславомъ-Литовскимъ [2]).

---

[1]) Воскресенская лѣтоп., стр. 199. Первая Псковская лѣт., стр. 188.

[2]) Лѣтопись, изд. Даниловичемъ, стр. 27. Длугошъ, кн. X, стр. 60. Лѣтоп. Быховца, стр. 17. Stryjkowski, т. I, стр. 381—382.—Сверхъ перечисленныхъ удѣловъ, въ южной части бывшаго Полоцкаго удѣла, въ территоріи Минска, оставались еще мелкіе удѣлы русскихъ князей, признававшіе надъ собою власть в. кн. Литовскихъ.

Руководясь принадлежностью къ этому удѣлу основанной Гедыминомъ столицы, и значеніемъ земель, входившихъ въ его составъ при Гедыминѣ, какъ территоріи непосредственно подвѣдомственной великому князю, всѣ Литовскіе историки, начиная съ Быховца и Стрыйковскаго и до Нарбута и Стадницкаго включительно, считаютъ Явнутія преемникомъ Гедымина въ качествѣ великаго князя, пользовавшагося будто верховною властью надъ остальными братьями и ихъ удѣлами [1]). Предположеніе это не вѣроятно само по себѣ, такъ какъ трудно допустить, чтобы князья довольно уже пожилые, опытные въ управленіи областями и въ военномъ дѣлѣ, владѣвшіе притомъ удѣлами гораздо болѣе обширными, чѣмъ удѣлъ Виленскій, согласились признать главою рода юношу едва достигшаго совершеннолѣтія и младшаго по рожденію. Но, кромѣ того, если обратимъ вниманіе на событія случившіяся въ промежутокъ времени съ 1341 по 1345 годъ, то убѣдимся, что ни имени, ни вліянія Явнутія на эти событія источники вовсе не упоминаютъ. Каждый изъ удѣльныхъ князей дѣйствуетъ самостоятельно, по

---

1) Въ подтвержденіе этого положенія обыкновенно ссылаются, какъ на единственное фактическое доказательство, на договоръ, заключенный между (1340—1349 г.) Литовскими князьями съ Казимиромъ польскимъ; договоръ этотъ начинается такъ: „Я, князь Евнутій, и Кистутій, и Любартъ, и Юрій Наримонтовичъ, и Юрій Коріатовичъ—чинимы миръ твердый изъ королемъ Казимиромъ польскимъ..... и за *великого князя Ольгерда*, и за Коріата, и за Патрикія, и за ихъ сыны мы ислюбуемъ тотъ миръ держати велми твердо.“ (Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, т. I, стр. 1). Такъ какъ имя Явнутія поставлено въ этомъ документѣ на первомъ мѣстѣ, то въ этомъ обстоятельствѣ и видятъ доказательство его великокняжскаго достоинства. Аргументъ этотъ, весьма шаткій по своему существу, встрѣчаетъ рѣшительное противурѣчіе въ текстѣ самаго документа, въ которомъ великимъ княземъ ясно названъ Ольгердъ. Притомъ, хотя въ документѣ не обозначенъ годъ его составленія, но въ дальнѣйшемъ текстѣ сказано, что миръ заключается „отъ Ивана дне (купалъ) за 2 лѣтъ“ намъ, между тѣмъ, извѣстно, что война съ Польшею вспыхнула въ 1349 году, потому время заключенія договора съ самымъ большимъ вѣроятіемъ можетъ быть отнесено къ 1347 году, т. е. къ тому времени, когда Евнутій былъ уже смѣщенъ съ Виленскаго княженія. Въ договорѣ онъ очевидно принималъ участіе, на равнѣ съ другими братьями и племянниками, въ качествѣ лица, уполномоченнаго отъ великаго князя Ольгерда.

личному усмотрѣнію, иногда въ союзѣ съ другими родственниками, иногда отдѣльно; онъ заключаетъ договоры съ сосѣдними государствами, предпринимаетъ военные походы и т. д.; ссылки на зависимость ихъ отъ великаго князя или на руководство послѣдняго, (какъ это случалось постоянно раньше при Гедыминѣ, и позже при Ольгердѣ) мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Потому гораздо правдоподобнѣе кажется намъ положеніе, что въ данный промежутокъ времени никто изъ наслѣдниковъ Гедымина не пользовался старшинствомъ и достоинствомъ великаго князя, пока два самые сильные и даровитые изъ сыновей Гедымина—Ольгердъ и Кейстутъ, не вступили въ соглашеніе съ цѣлью прекратить неопредѣленный, возникшій за смертью отца, порядокъ, угрожавшій разложеніемъ образовавшемуся при немъ гусударству и ослаблявшій силы послѣдняго въ виду угрожавшей со стороны крестоносцевъ рѣшительной опасности.

Въ подтвержденіе высказаннаго положенія, разсмотримъ всѣ событія указаннаго времени, насколько свѣдѣнія о нихъ сохранились въ источникахъ:

Непосредственно послѣ смерти Гедымина, старшій изъ его сыновей, Монвидъ, предпринялъ походъ противъ Прусскихъ рыцарей, вытѣснилъ ихъ изъ Жмуди, и, ворвавшись двумя отрядами въ Пруссію, разбилъ крестоносцевъ въ нѣсколькихъ стычкахъ и опустошилъ значительную полосу ихъ владѣній. Магистръ Людольфъ Кенигъ заключилъ съ нимъ перемиріе, котораго условія не дошли до насъ, извѣстно только, что въ переговорахъ Монвида съ крестоносцами принимали участіе Ольгердъ и Кейстутъ. Нѣмецкій хронистъ, передавшій это извѣстіе, не упоминаетъ имени Явнутія и считаетъ Монвида великимъ княземъ Литовскимъ [1]).

Въ тоже время Любартъ Гедыминовичъ началъ многолѣтній споръ съ Казимиромъ польскимъ за наслѣдіе Галицкихъ князей. Въ 1340 году скончался во Львовѣ послѣ непродолжительнаго княженія Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій. Немедленно послѣ его смерти, Казимиръ занялъ Перемышльскую землю, полонивъ измѣннически важнѣй-

---

1) Lucas David—Preussische Chronik, т. VI, стр. 145—146. Хроника эта называетъ Монвида искаженнымъ именемъ Ортманновичъ: „Ortmanowitz, der Littauische König, Gedymins Sohn.“ Нарбутъ указалъ, что этотъ сынъ Гедымина, могъ быть только Монвидъ. (Narbutt, т. V, стр. 2—4.

шихъ представителей этой области [1]) и, затѣмъ, быстро двинувшись ко Львову, овладѣлъ этимъ городомъ. Источники не сохранили подробностей первоначальной борьбы Любарта съ Поляками; знаемъ только изъ позднѣйшихъ указаній, что онъ успѣлъ завладѣть Владиміромъ Волынскимъ, Кременцемъ и Белзомъ, затѣмъ захваченъ былъ Казимиромъ измѣною въ плѣнъ и освободился изъ него, благодаря посредничеству Кейстута. Занятые имъ города онъ удержалъ однако въ своемъ владѣніи, хотя не имѣлъ достаточныхъ силъ для того, чтобы отнять у Поляковъ Львовскую и Перемышльскую земли [2]). Вѣроятно въ связи съ борьбою Любарта съ Казимиромъ за Волынь стояли набѣги Литовцевъ на Мазовію, предпринимавшіеся, по видимому, съ общаго согласія Кейстута, Ольгерда, Любарта и Корибута въ 1340 и послѣдующихъ годахъ [3]). Въ разсказѣ лѣтописцевъ, объ этихъ набѣгахъ имя Явнутія также не упоминается.

Въ 1341 году Ольгердъ предпринялъ, совершенно независимо отъ остальныхъ братьевъ, походъ на Можайскъ, желая возвратить этотъ городъ своему союзнику, Смоленскому князю. Попытка Литовцевъ взять этотъ городъ не увѣнчалась успѣхомъ; они овладѣли только пригородомъ Тешиновымъ, и, поплѣнивъ Можайскую волость, возвратились въ Витебскъ [4]).

Въ слѣдующемъ году Ольгердъ принялъ еще болѣе дѣятельное

---

[1]) „Вмыслили панове вси Лядзкіе..... вчинити, какъ вчинили надъ панами Русскими Перемышльскими, позвавши ихъ до рады, и тамъ порѣзали, и Перемысль засели.“ Лѣтоп. Быховца, стр. 57.

[2]) „А про Любартово ятьство, хочемъ его поставити на судѣ передъ паны Угорьскими..... будетъ-ли ялъ его король по кривдѣ,—Любартъ будетъ правъ, и я, князь Кестутій, буду правъ передъ Вгорьскимъ королемъ.“ (Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, стр. 1--2). „Lubardus, qui superioribus bellis captus, et ad cautionem fratrum suorum, verbo et litteris praestitam, dimissus.“ (Длугошъ, т. I, стр. 1150). Также Cromeri—De origine et rebus gestis Polonorum, стр. 204.

[3]) Длугошъ, т. I, стр. 1037 и 1039. Stryjkowski, т. II, стр. 16, 17, 21; Cromer, стр, 204.

[4]) Никоновская лѣт., т. III, стр. 174; 1-я Софійская лѣтопись, стр. 222. Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр, 164. Карамзинъ (изд. 1833 г.), т. IV, стр. 251 и примѣчаніе 301.

участіе въ русскихъ дѣлахъ. Въ концѣ 1341 года вспыхнула было война между Псковомъ и Ливонскими рыцарями; послѣдніе захватили въ Летыгольскй землѣ „на миру“ пять Псковскихъ пословъ и убили ихъ; княжившій тогда во Псковѣ, Александръ Всеволодовичъ отправился было въ походъ на нѣмцевъ, но у него возникли какія то несогласія съ Псковичами; онъ поспѣшилъ заключить съ рыцарями перемиріе и, бросивъ Псковъ, уѣхалъ въ Новгородъ. Въ теченіе всей зимы 1341—1342 года происходили мелкіе набѣги и стычки вдоль Ливонско-Псковской границы. Между тѣмъ рыцари стали готовиться къ рѣшительному походу на Псковъ и, желая обезпечить себя во время этого похода, выстроили на границѣ, на Псковской землѣ, крѣпость Новый городокъ (Нейгаузенъ). Псковичи, предвидя опасность, просили помощи у Великаго Новгорода, но между обѣими общинами существовалъ разладъ вслѣдствіе стремленія Пскова къ полной самостоятельности по отношенію къ бывшей своей метрополіи; потому Новгородцы медлили отвѣтомъ, по свидѣтельству-же Псковскихъ лѣтописей, вовсе отказали въ помощи; тогда Псковичи, „отвергшеся Новгорода,“ обратились за помощью въ Витебскъ къ Ольгерду; Витебскій князь дѣйствительно явился во Псковъ въ сопровожденіи брата Кейстута и съ вспомогательнымъ отрядомъ Полочанъ. Передовой его полкъ, отправленный къ Ливонской границѣ подъ начальствомъ Литовскаго воеводы Юрія Витовтовича, наткнулся внезапно на сильную нѣмецкую рать, вошедшую уже въ Псковскіе предѣлы; послѣ неудачной стычки, князь Юрій отступилъ къ Изборску и затворился въ этомъ городѣ, гдѣ былъ осажденъ рыцарями. Между тѣмъ Ольгердъ, слѣдовавшій за передовымъ полкомъ съ главными силами Псковско-Литовскими, узнавъ о случившемся, приказалъ своему войску переправиться назадъ черезъ рѣку Великую и выжидать дальнѣйшихъ событій во Псковѣ, Литовскіе князья остались съ небольшимъ отрядомъ на лѣвомъ берегу рѣки Великой, наблюдая за движеніями Нѣмцевъ. Здѣсь, во время ночной рекогносцировки, убитъ былъ сынъ полоцкаго князя, Любко Воиновичъ, въѣхавшій неосторожно „самдругъ“ въ ряды Нѣмецкаго отряда. Изборяне между тѣмъ просили настоятельно помощи, но Ольгердъ отказался идти на выручку городу, уговаривая осажденныхъ избѣгать „крамолы“ и дружно отстаивать городъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, утверждая, что нѣмцы сами оставятъ осаду. Во Псковѣ сильно негодовали на бездѣйствіе Литовскаго князя, но, тѣмъ не менѣе, высказанныя имъ соображеніе

вполнѣ оправдались: послѣ девятидневной осады Ливонскій магистръ, Бурхардъ фонъ Дрейлевенъ, сжегъ пороки и запасы провіянта и, поспѣшно снявъ осаду, удалился въ Ливонію. Объясненіе поведенія Ольгерда и бѣгства Ливонцевъ изъ подъ Изборска мы находимъ въ лѣтописи Виганда изъ Марбурга; по его свидѣтельству, вслѣдствіе распоряженій Ольгерда, три сильные отряда Литовцевъ переправились въ различныхъ мѣстахъ черезъ Двину и принялись страшно опустошать Ливонію; они отступили съ большею добычею и многочисленными плѣнниками лишь тогда, когда получили извѣстіе о возвращеніи магистра въ Ливонію. Избавившись отъ нѣмецкаго нашествія, Псковичи упрашивали Ольгерда принять крещеніе и остаться княжить во Псковѣ; но Ольгердъ отклонилъ отъ себя это предложеніе и указалъ Псковичамъ на сопровождавшаго его, старшаго сына — Вингольта, носившаго уже тогда молитвенное христіанское имя Андрея. Молодой княжичъ крестился и „Псковичи посадиша его на княженіе у святыя Тройцы во Псковѣ;“ Ольгердъ затѣмъ удалился, обѣщая, въ случаѣ нужды, оказывать поддержку Псковитянамъ. Но и на этотъ разъ вліяніе литовскихъ князей на Псковъ не могло прочно установиться въ виду болѣе для нихъ важныхъ интересовъ, привлекавшихъ постоянно ихъ вниманіе къ внутреннимъ дѣламъ великаго княжества Литовскаго: вскорѣ послѣ удаленія Ольгерда уѣхалъ изъ Пскова въ Литву и князь Андрей; по мнѣнію русскихъ лѣтописей онъ бѣжалъ отъ моровой язвы, посѣтившей Псковскую область въ концѣ 1342 года; гораздо вѣроятнѣе, отъѣздъ его находился въ связи съ событіемъ, случившимся въ то время въ другой русской области, интересы которой были ближе и важнѣе для литовскихъ князей: въ Полоцкѣ умеръ братъ Гедымина, князь Воинъ; сынъ его, Любко, какъ было указано выше, погибъ во время Псковскаго похода, о другихъ-же сыновьяхъ Воина источники вовсе не упоминаютъ; такимъ образомъ Ольгерду представилась возможность овладѣть упраздненнымъ княжескимъ столомъ сильнѣйшаго литовско-русскаго удѣла; потому онъ вызвалъ сына изъ Пскова и посадилъ его въ Полоцкѣ, откуда Андрей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ посылалъ намѣстниковъ во Псковъ. Но въ 1348 году Андреевъ намѣстникъ, князь Юрій Витовтовичъ, погибъ у Изборска въ стычкѣ съ нѣмцами; тогда Псковичи, недовольные отсутствіемъ князя, сказали ему: „тобѣ было княже сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстники тобѣ Пскова не держати; а нынѣ, оже тобѣ не угодно сѣсти у насъ,

индѣ собѣ княжишь, а Псковъ повергъ, то уже еси самъ лишилъ Пскова; а намѣстникъ твоихъ не хотимъ“ затѣмъ они „смиришася съ Новгородцами [1]).“

Во всѣхъ почти указанныхъ предпріятіяхъ Гедыминовичей Кейстутъ является участникомъ и пособникомъ братьевъ; но до насъ дошло одно указаніе и о самостоятельной политической дѣятельности этого князя. Въ 1342 году онъ заключилъ отъ своего имени торговой договоръ съ Англіею, обезпечивавшій свободное право въѣзда Англичанамъ въ его владѣнія [2]).

Такимъ образомъ всѣ перечисленные факты удостовѣряютъ въ томъ, что каждый изъ удѣльныхъ князей Гедыминова рода считалъ себя самостоятельнымъ государемъ и что никто изъ нихъ не пользовался значеніемъ главы рода и титуломъ великаго князя; положеніе это не могло долго продолжаться, не угрожая безопасности какъ всего Литовскаго государства вообще, такъ и каждаго удѣла въ отдѣльности. Опасность дѣйствительно вскорѣ явилась со стороны крестоносцевъ: пользуясь разчлененіемъ Литвы и неопредѣленнымъ положеніемъ въ ней верховной власти, нѣмецкіе рыцари собирались съ силами, разсчитывая нанести рѣшительный ударъ Литовскому государству. Для того, чтобы обезопасить свои границы со стороны другихъ сосѣдей, они поспѣшили съ ними примириться. Въ 1343 году заключили договоръ съ Казимиромъ Польскимъ, который, въ свою очередь, устрѣмивъ все вниманіе на борьбу съ Литвою за Волынь и Галицкую Русь, уступилъ крестоносцамъ всѣ спорныя земли: Кульмскую, Михайловскую, часть Куявіи и отказался въ пользу Ордена за себя и за своихъ наслѣдниковъ, отъ всѣхъ правъ на польское Поморье. Еще раньше, въ 1341 году, рыцари покончили споръ съ Датскимъ королемъ Вальдемаромъ за Эстонію: они пріобрѣли покупкою эту область вмѣстѣ съ

---

[1]) Лѣтописи: Псковская 1-я, стр. 186—190; Псковская 2-я, стр. 12—14; Новгородская 1-я, стр. 83 и 4-я, стр. 55—57; Софійская 1-я, стр. 223—224; Никоновская, т. III, стр. 176—178; Воскресенская, I, стр. 207—208; Супрасльская, стр. 62—64; лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 165—167; Хроника Виганда изъ Марбурга (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 501—502).

[2]) Czacki—O Litewskich i Polskich prawach, т. I, стр. 60. Извѣстіе объ этомъ договорѣ почерпнуто Чацкимъ изъ „Acta Britanniae Rymeri.

городомъ Ревелемъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ крестоносцы стали готовиться къ рѣшительной войнѣ съ Литвою: они возобновили на Литовской границѣ разрушенный Гедыминомъ замокъ Бейербургъ, построили двѣ другія, болѣе сильныя крѣпости: Юрбургъ и Маріенбургъ [2]) и приступили къ устройству вдоль Литовской границы трехъ военныхъ дорогъ, укрѣпленныхъ рвами, палисадами и башнями [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ магистръ отправилъ пословъ въ Германію приглашать въ походъ военныхъ гостей и вербовать отряды салдатъ [4]). Призывъ этотъ не остался безъ послѣдствій и, уже въ 1344 году, явился въ Пруссію первый отрядъ охотниковъ подъ начальствомъ Вильгельма, графа Голландіи, и, вмѣстѣ съ крестоносцами, опустошилъ пограничную полосу Литвы [5]). Въ слѣдующемъ году крестоносцы ожидали гораздо большаго прилива военныхъ гостей.

Очевидно Литовскимъ князьямъ необходимо было принять съ своей стороны рѣшительныя мѣры защиты; мѣры эти нуждались въ общемъ руководствѣ и единствѣ дѣйствія, немыслимыхъ при раздробленіи великаго княжества на мелкіе самостоятельные удѣлы; необходимо было возстановить власть великаго князя и подчинить его главенству всѣхъ членовъ Гедыминова рода. Необходимость эту сознали и рѣшились осуществить, по взаимному между собою соглашенію, два самые даровитые и могущественные изъ Гедыминовичей: Ольгердъ и Кейстутъ. Эти два брата выдавались среди многочисленной своей семьи политическимъ развитіемъ и военными дарованіями и, притомъ, соединены были, по свидѣтельству современниковъ, тѣсною дружбою [6]). По личному харак-

---

[1]) **Voigt. Geschichte Preussens**, т. V, стр. 9 и 21.

[2]) **Annalista Thorunensis** (Script. rer. Prussic., т. III, стр. 72); **Wigand von Marburg** (ibid., т. II, стр. 501). **Hermann de Wartberge**, (ibid., т. II, стр. 70).

[3]) **Wigand von Marburg**, стр. 497.

[4]) Тамже: „**Magister proposuit mittere legatos in Allemaniam et vocare soldatos, principes etc. contra Lituanos et Rutenos in eorum devastacionem.**“

[5]) Тамже стр. 500—501.

[6]) „Ольгердъ и Кейстутій были въ великой любви, и милости, и ласце.“ Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 27.—„Братья Ольгердъ и Кейстутъ превосходили другихъ воспитаніемъ, нравомъ, статностью, прирожденнымъ рыцарскимъ мужествомъ и многими другими знатными качествами, и потому

теру, по политическимъ стремленіямъ и симпатіямъ, они тѣмъ не менѣе представляли совершенно противуположные типы. Впрочемъ эта противуположность не только не мѣшала имъ состоять въ неразрывномъ единеніи, но напротивъ того, благодаря ихъ высокому политическому такту, они, какъ-бы дополняли взаимно другъ друга, представляя въ совокупности всѣ качества, необходимыя для управленія Литовскимъ государствомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось послѣ смерти Гедымина.

Ольгердъ, по свидѣтельству современниковъ, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованіями: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ политическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы и удачно выбиралъ время для осуществленія своихъ политическихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгердъ отличался умѣніемъ сохранять въ непроницаемой тайнѣ свои политическіе и военные планы. Сѣверныя русскія лѣтописи, нерасположенныя вообще къ Ольгерду вслѣдствіе его столкновеній съ сѣверовосточною Русью, даютъ ему эпитеты: „зловѣрный, безбожный, льстивый,“ но, тѣмъ не менѣе, представляютъ слѣдующую характеристику этого князя: „Сей-же Ольгердъ премудръ бѣ зело, и многими языки глаголаше, и превзыде саномъ и властью паче всѣхъ; и воздержаніе имяше веліе, отъ всѣхъ суетныхъ отвращашеся, потѣхи, игранія и протчихъ таковыхъ не внимаше, но прилежаше о державѣ своей всегда день и нощь; и піянства отвращашеся: вина, и пива, и меда, и всякаго питія піянственнаго не піяше, отнюдь-бо ненавидяще піянствя, и велико воздержаніе имяше во всемъ; и отъ сего великъ разумъ и смыслъ пріобрѣте, и крѣпку думу стяжа, и таковымъ коварствомъ многи земли и страны повоева, и грады и княженія поималъ за себя, и удержа власть велію, и умножись княженіе его паче всѣхъ, ниже отецъ его, ниже дѣдъ его таковъ бысть. Бѣ бо обычай Ольгерда таковъ, никто-же не вѣдаше его, куды смысляше ратью ити, или на что збираетъ воинства много, понеже и сами тіи воинственніи чинове и рать вся, невѣдяще куды идяше: ни свои, ни чужіи, ни гости

они, болѣе другихъ братьевъ, любили другъ друга.“ Stryjkowski, т. II, стр. 2. „Herzog Algart und Herzog Kinstut von Iugend haben sie begunst zu leben fruntlich.“—Посланіе Витовта къ магистру Ордена (Script. rer. Prussic т. II, стр. 712).

пришельцы; въ таинствѣ все творяше любомудро, да неизыдетъ вѣсть въ землю, на неяже хощетъ ити ратью; и таковою хитростью искрадываша многи земли, поималъ многи грады и страны поплѣнилъ; не столько силою, елико мудростью воеваше. И бысть отъ него страхъ на всѣхъ, и превзыде княженіемъ и богатствомъ [1]):"

По отношенію къ національностямъ, входившимъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, все вниманіе и всѣ симпатіи Ольгерда сосредоточивались на интересахъ русскаго населенія. По вѣрѣ, по бытовымъ привычкамъ, по семейнымъ связямъ и по воззрѣніямъ Ольгердъ всецѣло принадлежалъ этой народности и служилъ ея представителемъ.

Еще въ ранней молодости, за 27 лѣтъ до своего вокняженія въ Вильнѣ, Ольгердъ женился на Витебской княжнѣ и переселился въ этотъ городъ; два года спустя, онъ, послѣ смерти тестя, уже княжилъ въ Витебскѣ; такимъ образомъ большая часть жизни Ольгерда протекла на Руси, среди русскаго населенія и подъ вліяніемъ русской

---

[1]) Никоновская лѣтопись, т. III, стр. 174 и т. IV, стр. 20—21. Также лѣтописи: Софійская 1-я, стр. 236; Новгородская 4-я, стр. 72; Супрасльская, стр. 95; лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 190.

Въ сочиненіи Нарбутта помѣщено извлеченіе изъ рукописи, заключающей записки современника крестоносца, бывшаго при Ольгердѣ въ Вильнѣ, въ составѣ одного изъ посольствъ Ордена. Ольгердъ описанъ здѣсь слѣдующимъ образомъ: „Князь имѣетъ величественный видъ; лице его румяно, продолговато, носъ выдающійся, глаза голубые, очень выразительные, брови густыя, свѣтлыя, волосы и борода свѣтлорусые съ просѣдью, лобъ высокій, чело лысое; онъ росту выше-средняго, ни толстъ, ни худощавъ, говоритъ голосомъ громкимъ, внятнымъ и пріятнымъ; онъ ѣздитъ прекрасно верхомъ, но ходитъ прихрамывая на правую ногу, потому обыкновенно опирается на трость или на отрока; по нѣмецки понимаетъ отлично и можетъ свободно объясняться, однако-же всегда говоритъ съ нами черезъ переводчиковъ.

....Въ случаѣ, если великій князь не отправляется съ войскомъ, которое обыкновенно предпринимаетъ походы въ началѣ каждой весны, то онъ проводитъ лѣто въ замкѣ, называемомъ Мѣдники, лежащемъ на востокъ отъ Вильна."—Narbutt—Dzieje narodu Litewskiego, т. IV, стр. 236 — 237. Нарбуттъ, цитируя приведенное извлеченіе изъ записокъ крестоносца XIV столѣтія, не сообщаетъ никакихъ подробностей о составѣ и происхожденіи рукописи, которою онъ пользовался, и потому степень достовѣрности записокъ не можетъ быть провѣрена.

культуры; вліяніе это закрѣплено было составомъ Ольгердова семейства: послѣ смерти первой жены, Маріи Ярославовны Витебской, онъ женился вторично, въ 1350 году, на русской же княжнѣ—Уліянѣ, дочери князя Александра Михайловича Тверскаго [1]).—По свидѣтельству современниковъ, изъ двѣнадцати сыновей Ольгерда десять были крещены по обряду православной церкви и пять изъ нихъ упоминаются еще при жизни отца съ христіанскими именами. Двѣ дочери Ольгерда, свѣдѣнія о которыхъ остались въ лѣтописяхъ, носили также христіянскія имена, и отданы были въ замужество за русскихъ князей [2]). Жены и дѣти Ольгерда исповѣдывали православіе гласно и свободно: въ виленскомъ дворцѣ находилась придворная церковь, въ которой молилась семья великаго князя; при дворѣ его жили православные священники, изъ которыхъ источники упоминаютъ: духовника княгини Маріи—Нестора и духовника княгини Ульяны, Кіевопечерскаго архимандрита—Давида. Обѣ жены Ольгерда извѣстны были благочестіемъ и храмостроительствомъ: Марія Витебская построила церковь въ Витебскомъ замкѣ, и другую въ городѣ; ей же преданіе приписываетъ построеніе Пятницкой церкви въ Вильнѣ [3]). По словамъ того-же преданія, другая жена Ольгерда—Ульяна Тверская основала каменную церковь св. Николая въ Вильнѣ на мѣстѣ ветхой деревянной и способствовала сооруженію церкви Свято-Троицкой [4]); о благочестіи этой княгини свидѣтельствуетъ дошедшая до насъ запись ея въ пользу Успенской церкви въ Озерищахъ, обезпечивающая доходы этой церкви уступкою въ пользу нея дани изъ трехъ волостей [5]).

О крещеніи въ православіе самаго Ольгерда источники передаютъ разнорѣчивыя свѣдѣнія. По извѣстіямъ лѣтописей: Быховца и Густин-

---

[1]) Воскресенская лѣтоп., т. VII, стр. 215.

[2]) „Оженися князь Борисъ (Константиновичъ Суздальскій) зъ Ольгердовною Огрифиною“ Супрасльская лѣт., стр. 75; Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 175.—„1371 обручи за князя Володиміра (Андреевича) у Ольгирда дщерь Олену.“ Тамже, стр. 182. Супрасльская лѣтоп., стр. 85; Воскресенская лѣт., т. VIII, стр. 18, 19.

[3]) Stryjkowski, т. II, стр. 58. Васильевскій.—Очеркъ исторіи города Вильна, стр. 87.

[4]) Васильевскій—ibid. стр. 85 и 95.

[5]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, стр. 21.

свой, онъ крестился еще до вступленія въ бракъ съ Маріею Ярославовною, т. е. въ 1318 г. [1]); свѣдѣніе это подтверждаютъ болѣе или менѣе отчетливо и другіе русскіе и литовскіе источники; такъ, Никоновская лѣтопись, разсказывая о приглашеніи Ольгерда Псковичами на княженіе въ 1342 году, передаетъ его отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „уже крещенъ есмь, и христіанинъ есмь, второе крестится не хощу [2])." Стрыйковскій сообщаетъ, что онъ лично видѣлъ портретъ Ольгерда въ замковой Витебской церкви, построенной его женою [3]); конечно фактъ этотъ наводитъ на мысль, что Ольгердъ еще въ Витебскѣ былъ христіаниномъ. Неизданный лѣтописецъ, цитируемый Карамзиномъ, передаетъ иначе извѣстіе о крещеніи Ольгерда; по его словамъ великій князь былъ крещенъ и вслѣдъ за тѣмъ принялъ схиму непосредственно передъ смертью, побуждаемый ревностью къ христіанству своей жены и ея духовника Давида [4]).—Иностранные источники ничего не знаютъ о крещеніи Ольгерда и даже два изъ нихъ утверждаютъ, что тѣло его было сожжено по языческому обряду [5]); послѣднія свидѣтельства, какъ болѣе отдаленныя по мѣсту и времени своего составленія, заслуживаютъ менѣе довѣрія, чѣмъ свѣдѣнія литовскихъ и русскихъ лѣтописей; разногласіе-же послѣднихъ и невѣденіе иноземцевъ весьма естественно объясняются политическимъ тактомъ, сдержаннымъ и скрытнымъ характеромъ Ольгерда, который, исповѣдывая христіанство, старался придать этому факту частный, не гласный характеръ въ виду сильной еще тогда въ Литвѣ языческой партіи. Такое, весьма вѣроятное объясненіе предлагаетъ Кояловичъ относительно разсматриваемаго вопроса [6]).

---

[1]) Лѣтоп. Быховца, стр. 20; лѣт. Густинская, стр. 349.

[2]) Никоновская лѣтоп., т. III, стр. 178.

[3]) Stryjkowski, т. II, стр. 58.

[4]) Карамзинъ (изд. 1834 г.), т. V, примѣч. 44. Лѣтописецъ при этомъ прибавляетъ: „и положиша тѣло его въ церкви Пресв. Богородицы въ Вильнѣ, юже самъ созда."

[5]) Hermann de Wartberge, Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic, т. II, стр. 313). Длугошъ, lib. X, стр. 114.

[6]) Kojałowicz—Historia Lituana, т. I, стр. 297. „Olgerdus vero, quamquam Etnico ritu publice operaretur, tamen, quod nuper in gratiam Ulianae, conjugis, Vitebsciorum ducis (filiae), Christianis sacris se initiari permisisset, Russorum rium non aversabatur, quibus etiam templa duo Vitebsci excitaverat."

Въ политической дѣятельности Ольгерда постоянно преобладаетъ преданность русскимъ интересамъ; предоставивъ Кейстуту защиту Литовскихъ границъ отъ крестоносцевъ, и оказывая ему помощь только въ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ, Ольгердъ постоянно занятъ отношеніями къ Руси и усиліями, направленными къ тому, чтобы собрать подъ своею властью возможно большее количество русскихъ земель и прочно утвердить на Руси авторитетъ великихъ князей Литовскихъ: онъ стремится оказывать вліяніе на Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ, вступаетъ въ продолжительную борьбу съ великими князьями Московскими, поддерживаетъ въ борьбѣ съ ними князей Тверскихъ, разширяетъ территорію Литовско-русскихъ земель пріобрѣтеніемъ Брянска, Новгорода-Сѣверскаго, Кіева, Подолія; изъ за владѣнія этими областями онъ ведетъ опасную борьбу съ Ордою, и, изъ за удержанія Волыни—многолѣтній споръ съ Польшею. Такимъ образомъ, вслѣдствіе продолжительныхъ и постоянныхъ усилій, Ольгердъ почти удвоилъ количество русскихъ земель, принадлежавшихъ Литвѣ и доставилъ русскому народному началу и вмѣстѣ съ тѣмъ русской культурѣ преобладающее положеніе въ литовско-русскомъ государствѣ.

По отношенію къ внутреннему строю великаго княжества, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о происхожденіи и распредѣленіи верховной власти, Ольгердъ является проводникомъ политическихъ понятій, выработанныхъ русскимъ средневѣковымъ обществомъ. Политическія начала, которыми руководились потомки Владиміра Св. при распредѣленіи между собою верховной власти, Ольгердъ стремится всецѣло примѣнить къ роду Гедымина; въ силу этихъ началъ право княженія признавалось только исключительно за членами одного княжескаго рода, но всѣ члены этого рода имѣли право на княженіе, на долю въ Русской землѣ—всѣ они княжили въ своихъ удѣлахъ какъ самостоятельные владѣтели, но признавали надъ собою главенство великаго князя, подчиняясь ему какъ старшему члену рода, на основаніи нравственнаго семейнаго принципа; понятіями этими Ольгердъ руководится по отношенію къ своей семьѣ: по мѣрѣ того какъ въ распоряженіе его поступаютъ Русскія области, онъ распредѣляетъ ихъ между братьями, сыновьями и племянниками; Полоцкъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Кіевъ онъ раздаетъ сыновьямъ: Андрею, Дмитрію-Корибуту, другому Дмитрію Трубчевскому и Владиміру; смѣщеннаго изъ Вильна брата Явнутія онъ немедленно надѣляетъ новымъ княженіемъ—Заславлемъ Литовскимъ; По-

дольскую землю даетъ въ удѣлъ четыремъ племянникамъ—Коріятовичамъ, Волынь предоставляетъ брату Любарту и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ольгердъ не допускаетъ мысли о возможности вокняженія гдѣ бы то ни было лица, не принадлежавшаго къ княжескому роду; онъ отрицаетъ народный выборъ какъ источникъ власти и въ этомъ отношеніи совершенно расходится съ понятіями, развившимися среди Литовскаго племени, къ которому потому и не лежитъ его сердце. Разъ, въ началѣ своего княженія, Ольгердъ рѣзко столкнулся съ воззрѣніями Литовцевъ на верховную власть и при этомъ онъ пожертвовалъ политическими интересами своего государства въ пользу тѣхъ государственныхъ понятій, которыя были имъ усвоены изъ русской жизни; фактъ этотъ носитъ на себѣ характеръ вполнѣ принципіальнаго недоразумѣнія, такъ какъ онъ произошелъ въ территоріи, не принадлежавшей великому княжеству Литовскому и потому не задѣвалъ интересовъ великаго князя. Указанное дѣло возникло въ первый годъ княженія Ольгерда по поводу вмѣшательства его въ ливонскія дѣла. Въ 1343 году, во время передачи Ордену Эстоніи датскими властями, Эсты, давно тяготившіеся иноземнымъ господствомъ, воспользовались неопредѣленнымъ положеніемъ страны во время перехода изъ однихъ рукъ въ другія и произвели страшное возстаніе, которое вскорѣ охватило всю Эстландію и островъ Эзель; возстаніе это распространилось и въ Летыголѣ, гдѣ Ливы и Латыши возстали также противъ дворянъ и духовенства; въ теченіи нѣсколькихъ дней перебито было до 18,000 духовныхъ, дворянъ и колонистовъ нѣмецкихъ и датскихъ; немногіе только успѣли бѣжать подъ защиту укрѣпленій и Датскаго гарнизона въ городъ Ревель. Очистивъ страну отъ иноземцевъ, инсургенты выбрали изъ среды своей князей. Одинъ такой князь выбранъ былъ на Эзелѣ и принялся строить укрѣпленія для защиты своего острова; другой во главѣ большого ополченія осадилъ Ревель; третій принялъ начальство надъ возставшими Латышами. Съ большимъ трудомъ, благодаря помощи, полученной отъ прусскихъ крестоносцевъ, ливонскій магистръ Бурхардъ фонъ Дрейлевенъ успѣлъ усмирить возстаніе въ Эстландіи и покорить прилегающіе къ ней острова; между тѣмъ, въ 1345 году, въ Ливонію вступило сильное литовское войско подъ начальствомъ Ольгерда. Литовцы взяли сильную пограничную крѣпость Тервете, сожгли Митаву, Неймюль и предмѣстья Риги, и, страшно опустошая страну, направились къ сѣверу отъ этого города въ округъ Сегевольдъ. Здѣсь въ ла-

герь Ольгерда явился князь, избранный Латышами и заявилъ, что онъ готовъ оказать Литовцамъ дѣятельную помощь для покоренія всей страны.—„Что же вы сдѣлаете съ магистромъ?“ спросилъ Ольгердъ.—„Мы рѣшились на всегда изгнать его и всѣхъ нѣмцевъ,“ отвѣтилъ латышъ.—„Не тебѣ, холопъ, княжить въ этой странѣ!“ вскричалъ Ольгердъ; онъ приказалъ схватить довѣрчиваго латыша и отрубить ему голову передъ стѣнами замка Сегевольда; затѣмъ, собравъ богатую добычу, возвратился домой, предоставивъ Латышей на произволъ судьбы [1]). Такимъ образомъ, въ виду факта, немыслимаго по понятіямъ Ольгерда—вокняженія холопа, который стремился смѣстить государя, законнаго по мнѣнію Ольгерда, хотя и враждебнаго ему, великій князь Литовскій оттолкнулъ отъ себя народную силу, готовую подчиниться его руководству и признать надъ собою его верховную власть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать значительную поддержку въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ Литовскаго государства.

Ниже будетъ разсказанъ другой случай столкновенія Ольгерда съ литовскимъ народнымъ началомъ, по случаю убіенія въ Вильнѣ францисканскихъ монаховъ; Ольгердъ отнесся къ Литовцамъ и въ этомъ случаѣ съ нерасположеніемъ и строгостью, доходившею до жестокости; такое недружелюбное настроеніе Ольгерда по отношенію къ литовской народности должно было вызвать въ ней сильную реакцію, или, по меньшей мѣрѣ, затруднить возможность свободно располагать литовскими силами для внѣшней борьбы; тѣмъ не менѣе реакція въ княженіе Ольгерда не вспыхнула и мы не находимъ даже слѣда раздора между двумя народностями, населявшими великое княжество, благодаря тому обстоятельству, что Литовцы имѣли своего представителя и непосредственнаго правителя въ лицѣ Кейстута, поддерживавшаго въ Ли-

---

1) „Inde transivit ad districtum Segewold, ubi occurit regi Littoviae quidam Livo de senioribus, dicens, se a neophitis et communi populo regem constitutum; si suo consilio uti vellet, totam terram subjugaret. Interrogavit autem rex: quid faciendum esset cum magistro Livoniae? Respondit, quod eum cum omnibus Allemanis expellere vellent. Dixit autem rex:“ Rustice, tu von eris hic rex! „Et jussit eum in campo ante castrum Segewolde decollari.“ Hermann de Wartberge, Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 70—72). Также Wigand von Marburg (ibid., стр. 505). Voigt—Geschichte Preussens, т. V, стр. 19—29.

товскихъ земляхъ авторитетъ великаго князя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдерживавшаго недружелюбное его настроеніе по отношенію къ Литовцамъ.

На сколько Ольгердъ чуждъ былъ коренной Литвѣ и Жмуди, на столько Кейстутъ связанъ былъ неразрывно съ этими странами и всецѣло преданъ ихъ интересамъ. Всю жизнь провелъ онъ на рубежѣ Литовскихъ земель, отражая съ неисчерпаемою энергіею въ теченіи полустолѣтія постоянно возраставшій напоръ нѣмцевъ на его родину. Въ Кейстутѣ крестоносцы встрѣтили непреодолимую преграду для своихъ завоевательныхъ стремленій, и въ борьбѣ съ нимъ истратили силы и потеряли время самаго большого развитія могущества Ордена [1]).

Неудивительно потому что въ Литвѣ и Жмуди Кейстутъ, какъ непреклонный борецъ за независимость страны, пользовался безграничнымъ авторитетомъ и популярностью. Притомъ съ населеніемъ этихъ странъ онъ связанъ былъ и нравственными и семейными узами. Жена Кейстута, Бирута, имя которой сохранилось въ народной памяти и перешло въ народныя пѣсни и легенды, была дочь знатнаго Жмудина Видимунта; она, по словамъ народнаго преданія, до замужества занимала въ Полонгѣ должность вайделотки (жрицы) у неугасаемаго огня, горѣвшаго въ честь литовскихъ боговъ [2]). Самъ Кейстутъ до конца жизни оставался вѣренъ вѣрѣ отцевъ; онъ былъ послѣдній литовскій князь, похороны котораго совершены были по языческому обряду. Когда, подъ конецъ жизни, у него возникла распря съ племянникомъ

---

1) Между тѣмъ какъ русскія лѣтописи сосредоточиваютъ все вниманіе на Ольгердѣ и едва вскользь упоминаютъ имя Кейстута, нѣмецкіе лѣтописцы знали его гораздо больше чѣмъ Ольгерда; хроники ихъ переполнены свѣдѣніями о Кейстутѣ, о походахъ котораго онѣ сообщаютъ мельчайшія подробности: разсказываютъ его личныя отношенія къ должностнымъ лицамъ Ордена, цитируютъ его разговоры и т. п.—Въ сочиненіи Kotzebue—„Altere Geschichte Preussens“ т. II, стр. 197) приведено описаніе наружности Кейстута, заимствованное изъ современнаго вѣмецкаго источника, не названнаго впрочемъ авторомъ: „Keystut war lang, hager, feürige Aûgen glühten im blassen Gesichte, wenig Haar bedeckten sein Haupt, ein grauer Bart die Brust. Karg waren seine Lippen, aber jedes Wort reich an Nachdruck. Wenn er drohte, schwollen im die Adern vor der Stirn. Seine ganze Gestalt war Furcht einflössend.“

2) Лѣтоп. Быховца, стр. 17—18; Stryjkowski, т. II, стр. 44; Kraszewski—Litwa, т. II, стр. 282—283.

Ягайломъ, то Жмудины приняли его сторону вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что онъ не измѣнитъ народному культу [1]). Нѣсколько разъ христіанскіе владѣтели пытались обратить Кейстута въ христіанство, предлагая ему весьма выгодныя политическія условія; два раза Кейстутъ вступалъ въ переговоры по этому поводу; но оба раза онъ очевидно придавалъ этимъ переговорамъ только значеніе дипломатической стратагемы, серьезно не помышляя о крещеніи. Первый разъ въ переговоры такого рода Кейстутъ вступилъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ. Въ 1349 году послѣдній съ сильнымъ войскомъ занялъ Волынь и угрожалъ Берестейскому удѣлу Кейстута; между ними начались переговоры, при чемъ Кейстутъ принужденъ былъ подать надежду на возможность своего обращенія въ христіанство. Объ этомъ обстоятельствѣ Казиміръ поспѣшилъ извѣстить папу Климента VI. Папа немедленно изготовилъ три буллы: на имя Казимира, Кейстута и Гнезненскаго архіепископа; онъ благодарилъ польскаго короля за его миссіонерскую дѣятельность, поздравлялъ Кейстута съ намѣреніемъ вступить на лоно христіанской церкви и обѣщалъ возвести его въ королевское достоинство немедленно послѣ принятія крещенія и предписывалъ архіепископу отправить миссіонеровъ и священниковъ въ Литву [2]). Такимъ образомъ война склонялась къ мирному рѣшенію съ выгодою какъ для пропаганды христіанства такъ и для Польши, ибо Казиміръ разсчитывалъ, что Кейстутъ, получивъ королевскій вѣнецъ, отложится отъ Ольгерда и, такимъ образомъ, раздѣлитъ и ослабитъ Литовское государство. Между тѣмъ, пока велась переписка съ папою, польскій король, не ожидая окончательнаго исхода дѣла, распустилъ войско и возвратился домой. Этого обстоятельства собственно и выжидалъ Кейстутъ; онъ тотчасъ прекратилъ переговоры и, въ союзѣ съ Любартомъ, вытѣснилъ польскіе гарнизоны изъ замковъ Волынской, Холмской и Белзской земель, ворвался въ землю Львовскую и опустошилъ польскія пограничныя области: Сендомирскую, Радомскую и Луковскую [3]); ко-

[1]) Жмудины отвѣтили посламъ Ягайла: „Si Iagel velit ritum originis retinere, in omnibus velint ei obedire; sin vero Christianus fieri, velint Kynstut in regem suum sublimari.“—Et Samaitae simul transeunt cum Kynstut in numero 9000 virorum. Wigand von Marburg. (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 619).

[2]) Theiner. Monumenta Poloniae, т. I, стр. 525—526.

[3]) Длугошъ, т. I, стр. 1090. Янъ изъ Чарнкова—Chronicon Polonorum (изд. Бѣлевскаго въ Monumenta Poloniae historica, т. II, стр. 630).

нечно о крещеніи Кейстута теперь не было и рѣчи и даже, когда во время этой войны онъ попалъ въ плѣнъ къ полякамъ и принужденъ былъ подтвердить присягою условія предложеннаго ему перемирія, то эту присягу онъ произнесъ, въ присутствіи польскаго и венгерскаго королей, по языческому обряду на трепещущемъ трупѣ убитаго быка [1]).

Девять лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ вновь извѣстіе о переговорахъ, имѣвшихъ цѣлью обращеніе въ христіанство Кейстута. Въ 1355 году папа Иннокентій VI возобновилъ дѣло о крещеніи Литвы: онъ отправилъ посланія: къ Венгерскому королю Людовику, къ герцогамъ: Владиславу Опольскому и Земовиту Мазовецкому, приглашая ихъ принять участіе и посредничество въ дѣлѣ обращенія Литовцевъ и извѣщая ихъ, что онъ вошелъ уже по этому дѣлу въ непосредственныя сношенія съ Ольгердомъ и его братьями [2]). Въ теченіи трехъ послѣдовавшихъ за этимъ лѣтъ намъ не извѣстенъ дальнѣйшій ходъ этихъ переговоровъ, но въ 1358 году источники опять сообщаютъ о нихъ свѣдѣнія; въ этомъ году какой то рыцарь Пляуенъ, котораго крестоносцы упрекали въ отступничествѣ отъ своего ордена, явился при дворѣ императора Карла IV въ качествѣ литовскаго агента; онъ увѣрялъ императора въ готовности литовскихъ князей принять крещеніе при его посредничествѣ; извѣстія эти подтверждены были Кейстутомъ, явившимся лично къ императорскому двору въ Нюрнбергъ. Императоръ, „чрезмѣрно довѣрчивый“ по замѣчанію орденскаго лѣтописца, нарядилъ немедленно въ Литву торжественное посольство подъ начальствомъ Эрнеста, архіепископа Пражскаго; посольство побывало въ Литвѣ и возвратилось съ извѣстіемъ, что въ слѣдующемъ году литовскіе князья явятся въ Вроцлавъ для принятія крещенія. Въ опредѣленный срокъ императоръ ожидалъ ихъ въ указанномъ городѣ, но князья не пріѣхали; они прислали императору посланіе, въ которомъ излагали условія своего обращенія въ христіанство; они требовали, чтобы императоръ приказалъ предварительно Ордену возвратить Литвѣ всѣ области, лежавшія между Мазовіею, устьемъ Прегеля, моремъ и Двиною, т. е. желали возврата почти всѣхъ земель, входившихъ въ составъ владѣній

---

1) Длугошъ, т. I, стр. 1093. Лѣтопись Генриха Трухсеса фонъ Диссенговенъ (Script. rer. Prussic., т. III, стр. 420).

2) Theiner. Monumenta Poloniae, т. I, стр. 561.

крестоносцевъ: восточной Пруссіи, Курляндіи и значительной части Лифляндіи. Сверхъ того они требовали, чтобы Орденъ переселенъ былъ въ степи, отдѣлявшія Русь отъ Золотой Орды, для того, чтобы онъ могъ дѣйствительно защищать христіанъ отъ невѣрныхъ, и чтобы крестоносцы предварительно признали право владѣнія литовскихъ князей во всѣхъ русскихъ областяхъ. Конечно, требованія эти были неосуществимы. Императоръ заявилъ литовскому посольству, что онъ не въ правѣ отнимать у Ордена земли, доставшіяся ему по праву завоеванія; тогда Литовцы объявили отъ имени своего великаго князя, „что христіане очевидно заботятся не объ ихъ вѣрѣ, какъ притворно заявляютъ, а о корысти, и что потому Литовцы предпочитаютъ оставаться въ язычествѣ.“ На томъ прекратились переговоры и императоръ поспѣшно оставилъ Вроцлавъ. „Литовскіе князья еще разъ обманули императора и Орденъ, замѣчаетъ нѣмецкій историкъ, для того, чтобы выиграть время, необходимое имъ для отдыха [1]).“

Послѣдняя попытка, направленная къ обращенію Кейстута и его братіи, предпринята была папою Григоріемъ XI въ 1373 году; но посланіе его къ литовскимъ князьямъ, оставлено было, по видимому, послѣдними безъ отвѣта [2]).

Оставаясь вѣрнымъ языческому культу, Кейстутъ, тѣмъ не менѣе, находясь въ постоянномъ столкновеніи съ западнымъ міромъ, усвоилъ себѣ многія бытовыя привычки, пріемы и воззрѣнія изъ понятій западнаго рыцарства. Крестоносцы, съ которыми Кейстутъ находился постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ, признаютъ въ немъ качества образцоваго христіанскаго рыцаря; одна изъ древнѣйшихъ хроникъ Ордена сообщаетъ слѣдующую характеристику этого князя [3]): „Кейстутъ былъ мужъ воинственный и правдивый. Когда онъ задумывалъ набѣгъ на Пруссію, то всегда извѣщалъ объ этомъ предварительно маршала Ордена и навѣрно потомъ являлся. Если онъ заключалъ миръ съ ма-

1) Hermann de Wartberge. Chronicon Livoniae (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 79—80); Heinrich Truchses von Dissenhoven (ibid., т. III, стр. 420. Voigt. Geschichte Preussens, т. V, стр. 127—129.

2) Daniłowicz. Skarbiec etc., т. I. стр. 218.

3) Die ältere Hochmeisterchronik (Script. rer. Prussic., т. III. стр. 593—594. „Derselbe Kynstutte war gar eyn streithaftig man und worhaftig. Wen her wolde reisen zeu Prewssen ins Land, das entpot her czuvor dem Marschalke, und quam

ѓистромъ, то соблюдалъ его крѣпко. Если онъ считалъ кого-либо изъ братіи нашей человѣкомъ храбрымъ и мужественнымъ, то оказывалъ ему много любви и чести." Такія-же качества признавали за Кейстутомъ и Поляки. Длугошъ, вообще нерасположенный въ пользу Гедиминовичей, характеризируетъ его однако слѣдующими словами: „Кейстутъ, хотя язычникъ, былъ мужъ доблестный; среди всѣхъ сыновей Гедымина онъ отличался благоразуміемъ и находчивостью, и, что болѣе всего дѣлаетъ ему чести, онъ былъ образованъ, человѣколюбивъ и правдивъ въ словахъ" [1]). Представляя рѣдкое исключеніе среди грубыхъ средневѣковыхъ нравовъ, этотъ рыцарь язычникъ превосходилъ многихъ современныхъ ему рыцарей христіанъ гуманностью, человѣколюбіемъ, мягкосердіемъ, отвращеніемъ къ жестокимъ поступкамъ. Въ подтвержденіе этихъ качествъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, сообщенные нѣмецкими хрониками; такъ онъ употребляетъ все свое вліяніе, чтобы спасти отъ смерти приговореннаго Литовцами къ сожженію на кострѣ, взятаго ими въ плѣнъ Іоганна Сурбаха, коменданта замка Экерсбурга, прославившагося жестокимъ обращеніемъ съ Литовцами [2]). Потомъ, проѣзжая по полю сраженія, онъ заявляетъ крайнее негодованіе при видѣ труповъ, изуродованныхъ побѣдителями. Не смотря на гордое сознаніе своего достоинства, Кейстутъ снисходитъ до униженной просьбы по отношенію къ маршалу Ордена, желая спасти отъ смерти литовскій гарнизонъ, осажденный въ замкѣ Готтесвердеръ, который крестоносцы успѣли поджечь [3]). Нѣмецкіе рыцари среди борьбы съ Кейстутомъ какъ-бы вступаютъ съ нимъ въ соревнованіе относительно превосходства рыцарской доблести и нерѣдко оказываются побѣжденными въ этомъ состязаніи; вообще между обѣими сторонами существуютъ отношенія, исполненныя самой изысканной рыцарской куртуазіи; вотъ нѣ-

ouch gewisse. Ouch so her mit dem Meister eynen Frede machte, den hilt her gar veste. Welchen Bruder des Ordens her ouch irkante kune und manhaftig, den libete her und irczeigete em vil Ere."

1) Длугошъ, книга X, стр. 66. „Princeps Kieystuth, praeter fidem, egregius.... inter omnes Gedimini ducis filios magis prudens magisque industrius, et, quod illum plurimum honestabat, civilis, humanus et verax in sermone."

2) Wigand von Marburg (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 596).

3) Тамже, стр. 562. „Rex cum magna turba venit, cupiens a Marschalko precibus obtinere, ut saltim caperet populum, tantis flammis circumdatum."

сколько тому примѣровъ: Въ 1352 году одинъ изъ Смоленскихъ князей осадилъ нѣмецкій замокъ Лабіау; приступъ былъ отбитъ и крестоносцы, оттиснувъ Смолнянъ къ рѣкѣ, заставили ихъ переправляться вплавь; самъ князь, попавъ на глубокое мѣсто рѣки, сталъ потопать; тогда комендантъ замка, Геннингъ фонъ Шиндекопфъ, бросился ему на помощь; онъ выхватилъ князя изъ пучины, счастливо вытащилъ на берегъ, и, не задерживая въ плѣну, отпустилъ домой; все это сдѣлано было въ видѣ любезности для Кейстута, которому Смоленскій князь приходился племянникомъ [1]). Въ 1362 году, во время осады Ковна крестоносцами, Кейстутъ явился на выручку крѣпости, но не былъ въ состояніи оказать ей существенной помощи. Онъ потребовалъ свиданія у магистра, и сталъ намекать ему, что нападеніе на Ковно было предпринято не по рыцарски, безъ извѣщенія Кейстута; тогда магистръ предложилъ свободный путь въ крѣпость князю, въ случаѣ если онъ пожелаетъ лично принять начальство надъ гарнизономъ [2]).

Въ 1366 году между Кейстутомъ и маршаломъ Ордена условлено было свиданіе въ городѣ Инстербургѣ; Кейстутъ отправился на это свиданіе и вошелъ уже въ предѣлы Пруссіи. Между тѣмъ крестоносцы помѣстили сильный отрядъ войска въ замкѣ Тамовѣ, лежавшемъ между Инстербургомъ и Литовскою границею, что, вѣроятно, составляло на-

---

1) Тамже, стр. 518. „volens regi Kynstuten complacere, eo, quod fuit filius fratris sui.“

2) Вотъ текстъ этихъ характеристическихъ переговоровъ, записанный въ лѣтописи Виганда (стр. 534—536): Kynstud dixit magistro: Si ego essem in domo, nunquam eam obtineres cum omnibus tuis.

Cui magister respondit: Quare equitasti de domo, cum nos videres.

Et respondit: Quia mei non habebant caput; ideo mansi apud eos.

Et ait magister: Si tibi opus fuerit, accipe de tuis quotquot vis et ascende liber domum. Speramus enim in Domino, quod non poteritis eam protegere nec retinere.

Et Kynstud ait: Quomodo potero ascendere, cum campus sit circumseptus et circumfossatus.

Cui magister: Promitte mihi, quod velis mecum bellare, volo planare et septa deponere.

Nec respondit ad haec rex, et magister: si non habet rex amplius verba nobiscum loqui, transeat ad custodiam suorum.

рушеніе условій, гарантировавшихъ безопасность свиданія. Въ станъ Кейстута, находившійся уже вблизи Инстербурга, внезапно вбѣжалъ зубръ, раненный стрѣлою; тогда князь, обладавшій опытностью и чуткостью партизана, сказалъ окружавшимъ его: „въ той сторонѣ, откуда прибѣжалъ зубръ, находятся навѣрно вооруженные люди; немедленно весь отрядъ Кейстута сѣлъ на коней и поскакалъ къ Тамову, здѣсь онъ захватилъ въ расплохъ засаду крестоносцевъ; рыцари, обѣдавшіе въ замкѣ, едва успѣли поднять цѣпной мостъ, но солдаты, находившіеся внѣ укрѣпленій, были перебиты Литовцами и всѣ лошади отряда захвачены. Изъ Тамова Кейстутъ направился прямо на свиданіе въ Инстербургъ, гдѣ ему была приготовлена торжественная встрѣча; вдругъ одинъ изъ командоровъ замѣтилъ, что князь и его свита сидятъ на лошадяхъ, принадлежавшихъ его собственному отряду, и вскричалъ въ изумленіи: „этого я никакъ не ожидалъ!“ На это Кейстутъ отвѣтилъ съ ироніею: „что дѣлать, таковы теперь стали времена и нравы“ [1]).

Подъ 1377 годомъ Вигандъ изъ Марбурга разсказываетъ съ замѣтнымъ смущеніемъ исторію похода крестоносцевъ на Литву—онъ невольно долженъ признать, что во время этого похода крестоносцы нарушали по отношенію къ Кейстуту правила рыцарской чести, между тѣмъ какъ литовскій князь велъ себя въ этомъ отношеніи безукоризненно. Въ этомъ году, крестоносцы, пользуясь большимъ приливомъ въ Пруссію военныхъ гостей, собрали сильный отрядъ конницы и предприняли набѣгъ далеко въ глубь Литвы. Въ четыре дня они быстрыми переходами миновали Троки и приблизились къ Вильну. Между тѣмъ Кейстутъ выступилъ изъ Трокъ и сталъ угрожать въ тылу ихъ войска. Находясь въ такомъ положеніи, обѣ стороны желали покончить дѣло миромъ; съ этою цѣлью и состоялось свиданіе Кейстута съ маршаломъ Ордена; они заключили перемиріе и Кейстутъ угощалъ радушно въ своей палаткѣ маршала и знакомыхъ рыцарей; между тѣмъ передовой отрядъ крестоносцевъ достигъ Вильны и овладѣлъ предмѣстіями этого города. „Поступокъ этотъ показался язычникамъ безчестнымъ“ сознается при этомъ лѣтописецъ Ордена. Маршалъ поспѣшилъ извиниться невѣденіемъ и возобновилъ перемиріе, Кейстутъ-же въ знакъ дружбы снабдилъ крестоносцевъ хлѣбомъ и медомъ; но на слѣдующій день добрыя отношенія опять были нарушены; крестоносцы, не смотря на

1) Тамже, стр. 557.

принятое обязательство, сожгли и разграбили одно изъ Виленскихъ предмѣстій. Это сильно опечалило маршала, знавшаго, что Литовцы отомстятъ за вѣроломство; дѣйствительно Кейстутъ прекратилъ подвозъ провіянта, а Витовтъ уничтожилъ всѣ припасы на обратномъ пути нѣмцевъ, такъ что, томясь голодомъ, остатки ихъ рати едва доплелись до своихъ границъ [1]).

Бывали впрочемъ и такіе случаи, когда крестоносцы не уступали Кейстуту въ сознаніи рыцарскаго долга. Такъ, въ 1380 году, когда Ягайло заключилъ тайный договоръ съ Орденомъ, имѣвшій цѣлью лишить удѣла и власти престарѣлаго Кейстута, то Остеродскій командоръ, Августинъ фонъ Либенштейнъ, счелъ долгомъ предупредить его о состоявшемся заговорѣ [2]).

Вотъ черты, которыми современные источники рисуютъ характеры Ольгерда и Кейстута; очевидно это были типы совершенно противуположные, и потому именно замѣчательно пополнявшіе другъ друга во всѣхъ отношеніяхъ; не удивительно, если при тѣсной дружбѣ и солидарности ихъ между собою, они могли успѣшно и всесторонне продолжать дѣло государственнаго роста и устройства великаго княжества Литовскаго, начатое мощною рукою Гедымина.

Первый существенный политическій шагъ, сдѣланный по соглашенію обоихъ братіевъ, состоялъ въ возстановленіи великокняжеской власти и въ подчиненіи ей разрозненныхъ литовско-русскихъ удѣловъ. Фактъ этотъ случился въ началѣ 1345 года.

Для осуществленія своей цѣли братья рѣшились овладѣть отцевскою столицею и тянувшимъ къ ней удѣломъ Явнутія, составлявшимъ при Гедиминѣ непосредственное владѣніе великаго князя. Поводы нападенія на Явнутія одна лѣтопись поясняетъ слѣдующими словами: „Евнутій не бяшеть храбръ, а держитъ стольный градъ Вильно“. Другая лѣтопись еще явственнѣе обозначаетъ цѣль, къ которой стремились Ольгердъ и Кейстутъ, по ея словамъ они желали, чтобы „братіи всей послушну быти князя великого Ольгирда“ [3]). Обстоятельства сами ука-

[1]) Тамже, стр. 589—590.

[2]) Лѣтоп. Быховца, стр. 23. Рукописный варіантъ той-же лѣтописи, по списку Познанской библіотеки. Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 31.

[3]) Густинская лѣтопись, стр. 350. Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 29.

зали безотложное время переворота. Въ началѣ 1345 года въ Пруссію явилось необыкновенно многочисленное стеченіе военныхъ гостей: два короля—Іоаннъ Чешскій и Людовикъ Венгерскій, герцоги—Бургундскій и Бурбонъ, графы Голландіи, Нюрнберга и Шварцбурга, Моравскій герцогъ Карлъ Люксембургскій (будущій императоръ Карлъ IV) прибыли съ сильными военными отрядами на помощь крестоносцамъ [1]); очевидно предполагавшаяся весною кампанія должна была принять весьма грозные размѣры и Литовскіе князья принуждены были поспѣшить съ подготовкою необходимыхъ мѣръ для защиты. Притомъ въ это именно время, по свѣдѣніямъ Литовской лѣтописи, скончалась вдова Гедымина, княгиня Евна, жившая въ Вильнѣ при Явнутіѣ и, вѣроятно, охранявшая его отъ другихъ братій своимъ авторитетомъ [2]). Ольгердъ и Кейстутъ рѣшились приступить къ выполненію своего замысла; они условились дѣйствовать совмѣстно въ одинъ, впередъ обозначенный, день; но Ольгердъ, по свойственной ему осторожности не явился къ условленному сроку [3]) и предоставилъ веденіе дѣла Кейстуту; онъ придвинулся только изъ Витебска въ Крево и здѣсь выжидалъ извѣстій объ исходѣ предпріятія. Между тѣмъ Кейстутъ въ условленный день двинулся изъ Трокъ и въ одинъ переходъ достигъ Вильна; на разсвѣтѣ въ зимнюю морозную ночь, онъ занялъ столицу и овладѣлъ, безъ сопротивленія двумя, охранявшими ее, замками. Явнутій полураздѣтый, безъ обуви выбѣжалъ изъ города и укрылся въ Турьихъ горахъ, окружающихъ Вильно; здѣсь онъ отморозилъ ноги, былъ задержанъ и обратно отведенъ въ городъ; Кейстутъ заключилъ его подъ стражу и отправилъ гонца въ Крево звать Ольгерда на великое княженіе; между тѣмъ народонаселеніе Вильна и Виленскаго удѣла подчинилось добровольно Кейстуту; пригороды и замки отворили ему ворота охотно [4]). Послѣ прибытія Ольгерда въ Вильно, онъ былъ возведенъ Кейстутомъ на

---

[1]) **Wigand von Marburg (Script. rer. prussic., т. II, стр. 504—505). Die ältere Chronik von Oliwa (ibid. т. I, стр. 721—722.**

[2]) Лѣтоп. Быховца, стр. 18.

[3]) **»Cum Olgerdus seu sponte tergiversaretur, seu Vitebsco tam cito adesse ad condictum diem non posset«. Kojałowicz, т. I, стр. 282.**

[4]) **»Und die Landiute all hilden sich an in (Kinstut), und alle ander Huzer gaben sich im«.** Посланіе В. К. Витовта къ магистру Ордена (**Scrip. rer. Prussic., т. II, стр. 712**).

великокняжескій столъ и братья заключили между собою договоръ, который лѣтописи передаютъ только въ общихъ чертахъ; главныя условія его состояли въ слѣдующемъ: всѣ братья должны повиноваться Ольгедеру, какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ удѣловъ; Ольгердъ и Кейстутъ обязаны сохранять между собою тѣсный союзъ и дружбу; въ случаѣ пріобрѣтенія общими силами новыхъ земель или городовъ, они обязаны дѣлить ихъ по ровну; наконецъ, Явнутію, въ вознагражденіе за Вильно, назначается въ удѣлъ Заславль Литовскій—одинъ изъ бывшихъ Полоцкихъ пригородовъ [1]).

Установленный вслѣдствіе этого договора распорядокъ великаго княжества Литовскаго не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія; только два Гедыминовича: Явнутій и Наримунтъ оказались имъ недовольны, но они не нашли опоры для протеста внутри Литовскаго государства и потому попытались искать ее внѣ его предѣловъ. Явнутій, не ожидая окончанія переговоровъ Кейстута съ Ольгердомъ, успѣлъ ускользнуть изъ подъ стражи, „переверженся черезъ стѣну“ и убѣжалъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Москву; здѣсь онъ былъ крещенъ въ православіе великимъ княземъ Симеономъ, подъ именемъ Іоанна, но помощи для возстановленія своихъ правъ не получилъ; онъ долженъ былъ примириться съ братьями и уже два года спустя покойно жилъ въ своемъ Заславльскомъ удѣлѣ [2]). Также неудачна была попытка Наримунта,

---

[1]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 28—29. Лѣтописи: Быховца, стр. 18; Густинская, стр. 350; Длугошъ, кн. X, стр. 60—61; **Stryjkowski**, т. II, стр. 2—3; **Kojałowicz**, т. I, стр. 282. Посланіе Витовта къ магистру Ордена (**Scrip. rer. Prussic.**, т. II, стр. 712). Договоръ, заключенный между Кейстутомъ и Ольгердомъ, всѣ упомянутые источники передаютъ согласно. Вотъ самый полный варіантъ, заимствованный изъ лѣтописи Даниловича: „А докончаютъ межи себе: князь Кестутій великій и великій князь Ольгирдъ: што братіи всей послушну быти князи великого Ольгирда, или которыи то волости соби роздѣлили. А то соби докончаютъ, што придобудуть: градъ-ли или волости, да то дѣлити на полы, а быти имъ до живота въ любви, во великой милости; а правду межи себе на томъ дали: не мыслити лихомъ никомуже на никогоже: Такоже быти и до живота своего въ той правдѣ“.

[2]) Лѣтописи: Новгородская 1-ая, стр. 83; Новгородская 4-ая, стр. 57; Супрасльская, стр. 65; Никоновская, т. III, стр. 182; Воскресенская, стр. 209; Софійская 1-ая, стр. 224; изданная Даниловичемъ, стр. 168.

искавшаго напрасно помощи въ Ордѣ; примирившись съ братьями, онъ сражался подъ ихъ знаменами съ крестоносцами и въ 1348 году палъ въ несчастной для Литовцевъ битвѣ на берегахъ рѣки Стравы [1]).

Народонаселеніе великаго княжества Литовскаго не имѣло повода поддерживать реакцію князей, недовольныхъ установившимся порядкомъ вещей. При совмѣстномъ господствѣ Ольгерда и Кейстута [2]), оба народные элемента, входившіе въ составъ великаго княжества,—Русскій и Литовскій, находили для себя удовлетвореніе и каждый изъ нихъ имѣлъ представителя въ одномъ изъ братьевъ, пользовавшихся верховною властью въ государствѣ. Поэтому Ольгердъ и Кейстутъ, не опасаясь внутреннихъ раздоровъ, могли свободно приступить къ устройству внѣшнихъ отношеній великаго княжества.

Непосредственно послѣ возстановленія великокняжеской власти Ольгердъ и Кейстутъ приняли мѣры для отраженія грозившаго Литвѣ крестоваго похода. Крестоносцы и ихъ военные гости вступили въ началѣ 1345 года на литовскую территорію и осадили одну изъ пограничныхъ крѣпостей. Между тѣмъ литовскіе князья, собравъ всѣ свои силы, вышли имъ на встрѣчу; рядомъ ложныхъ маневровъ и подсылкою обманчивыхъ извѣстій они успѣли убѣдить магистра въ томъ, что они намѣрены ворваться въ Прусскую область Самбію. На военномъ совѣтѣ крестоносцевъ рѣшено было оставить осаду крѣпости и отправиться въ Самбію на встрѣчу Литовцамъ. Но пока исполнялось это передвиженіе, литовскіе князья перемѣнили направленіе своего похода, быстро двинулись въ Ливонію и страшно опустошили эту область; ма-

[1]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 168; Никоновская, т. III, стр. 190.

[2]) Современные нѣмецкіе источники по большей части даютъ безразлично обоимъ братьямъ титулъ царя (rex); желая-же опредѣлить ихъ взаимныя отношенія, утверждаютъ, что Ольгердъ былъ собственно правителемъ государства, а Кейстутъ главнымъ начальникомъ военныхъ силъ: »Rex Litwinorum per ducem exercitus sui, fratrem suum, Kynstot dictum,.... intravit territorium Wilowense«. Die ältere Chronik von Oliva (Scrip. rer. Prussic., т. I, стр. 723–724). »Processerunt usque ad castrum principale Drakyn Kynstuti, principis Litwanorum, fratris regis, qui est dux exercitus paganorum«. Изъ отчета магистра о походѣ на Литву въ 1375 г. (ibid., т. II, стр. 574). »Venerunt ad obsidionem castri Trackin, principale principis militiae Litwinorum«. Другой отчетъ о томъ-же походѣ (ibid. т. II, стр. 587).

гистръ попытался было разорить въ отмщеніе сосѣдній съ Самбіею литовскій округъ, но и здѣсь онъ испыталъ неудачу; движеніе его было предугадано, жители укрылись въ лѣса и крестоносцы въ теченіи десяти дней напрасно бродили по пустынной мѣстности, не встрѣтивъ ни одного язычника; наступившая затѣмъ оттепель принудила ихъ возвратиться въ Пруссію. Такимъ образомъ грозный крестовый походъ кончился полною неудачею; участвовавшіе въ походѣ: король Чешскій и Венгерскій, другіе знатные гости, равно какъ и начальствовавшія лица Ордена обвинили магистра въ легкомысліи и даже заподозрили его въ измѣнѣ; ему поставлены были въ вину какъ неудача похода, такъ и бѣдствія, постигшія Ливонію. Вслѣдствіе этого, магистръ Людольфъ Кёнигъ, не смотря на многолѣтнія заслуги, былъ отстраненъ отъ должности, признанъ умопомѣшаннымъ и заключенъ въ замокъ Энгельсбергъ, гдѣ вскорѣ и скончался; на его мѣсто избранъ былъ новый магистръ Генрихъ Дусемеръ [1]). Людольфъ Кёнигъ принесенъ былъ въ жертву тому чувству досады, которую испытывали крестоносцы вслѣдствіе безплоднаго исхода предпріятія, подготовлявшагося въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и долженствовавшаго нанести рѣшительный ударъ литовской самостоятельности; настоящая причина неудачи заключалась конечно не въ ошибкахъ магистра, а въ той силѣ, которую пріобрѣло вновь Литовское государство вслѣдствіе переворота, совершеннаго Ольгердомъ и Кейстутомъ. Новый магистръ понималъ хорошо значеніе этого переворота и потому онъ перемѣнилъ методъ веденія войны съ Литвою. Потерявъ надежду на быстрый исходъ борьбы, крестоносцы отказываются теперь отъ рѣшительныхъ многолюдныхъ походовъ, но за то разсчитываютъ на возможность, посредствомъ безпрестанной, мелочной, партизанской войны, исчерпать постепенно силы великаго княжества и овладѣть его территоріею враздробь и исподоволь; вслѣдствіе такого плана дѣйствій, Генрихъ Дусемеръ и его наслѣдники возводятъ густой рядъ крѣпостей вдоль литовской границы, стараясь выдвинуть каждое новое укрѣпленіе по возможности дальше на литовскую территорію [2]); затѣмъ, опираясь на эти крѣпости, они предпринимаютъ

1) Wigand. von Marburg. (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 504—507). Die ältere Chronik von Oliva (ibid., I, стр. 721—722). Voigt. Geschichte Preussens, т. V, стр. 26—35.

2) Лѣтописцы Ордена записываютъ тщательно извѣстія о вновь сооружаемыхъ крестоносцами крѣпостяхъ; они упоминаютъ о возобновленіи или постройкѣ слѣдующихъ крѣпостей въ промежуткѣ времени съ 1345—1377

изъ нихъ безпрестанные набѣги на близлежащіе литовскіе округи волости, стараются опустошить ихъ совершенно, истребить села, стада и жатвы, овладѣть движимымъ имуществомъ, угнать въ плѣнъ или предать мечу народонаселеніе, расчитывая овладѣть потомъ безъ сопротивленія краемъ, обращеннымъ въ пустыню.

Набѣги съ такимъ характеромъ предпринимаются безпрерывно: принимая въ разсчетъ только болѣе крупные, тѣ, подробности которыхъ записаны въ лѣтописяхъ Ордена, мы насчитываемъ до 70 походовъ на Литву со стороны прусскихъ крестоносцевъ и болѣе 30 со стороны Ливоніи въ промежутокъ времени 1345—1377 годъ; если въ теченіи этого времени встрѣчаются рѣдкіе годы отдыха, когда лѣтописи умалчиваютъ о походахъ крестоносцевъ на Литву, за то въ другіе годы свѣдѣнія о нихъ бываютъ особенно многочисленны. Такъ подъ 1362, 1367, 1375 и 1377 годами лѣтописцы помѣчаютъ отъ 4 до 8 походовъ въ годъ. Обыкновенно главныя силы Ордена подъ начальствомъ магистра, маршала или генеральнаго командора Ордена предпринимали не менѣе двухъ походовъ въ каждую зиму [1]); но если въ Пруссію являлись особенно почетные гости, то въ честь ихъ назначался еще одинъ, прибавочный походъ [2]). Кромѣ этихъ главныхъ по-

---

годъ: Бейербургъ, Маріенбургъ, Готтесвердеръ, Нейгаузъ, Винденбургъ, Гробинъ, Дурбенъ, Динабургъ, Іоганнисбургъ, Люнненбургъ, Растенбургъ. Винтербургъ, Рунгенбрустъ, Вартенбергъ.—**Hermann de Wartberge** (Script. rer. Prussic. II, стр. 76, 92, 94). **Wigand von Marburg** (ibid. стр. 508, 524, 525, 545, 561). **Annalista Thoruniensis** и **Johann Posilge** (ibid., т. III, 87 и 88). **Die ältere Hochmeisterchronik** (ibid., т. III, стр. 595). **Narbutt**, т. V, стр. 168.

1) Всѣдъ за извѣстіемъ объ избраніи магистра Генриха Дусемера, Вигандъ говоритъ: „**Nec plures consueverunt in hyemes servare reysas, quam 2**“ —**Script. rer. Prussic.**“ т. II, стр. 507.

2) „**1265. Eo tempore dux de Monte (Wilhelm I von Berg) erat cum multis in terra, ad cujus nutum fuit reysa**“. **Wigand von Marburg** (Script. rer. Prus. т. II, стр. 556).—„**1378. Dux Albertus de Lotringen venit in Prussiam cum 70 galeis, ad cujus honorem reysa ordinatur**“. (ibid., стр. 588). Такіе же походы упоминаются въ честь другихъ знатныхъ гостей: ландграфа Оттона Гессенскаго, Рупрехта герцога Баварскаго, Адольфа архіепископа Кельнскаго, Леопольда

ходовъ, командоры пограничныхъ прусскихъ и ливонскихъ округовъ, коменданты порубежныхъ крѣпостей, фохты нѣмецкихъ городовъ—при первомъ удобномъ случаѣ, врывались съ небольшими отрядами въ Литву и опустошали по возможности большій участокъ территоріи. Сверхъ того, помимо регулярныхъ силъ Ордена, по иниціативѣ болѣе предпріимчивыхъ рыцарей, собирались толпы охотниковъ и болѣе или менѣе крупными отрядами отправлялись на разбой за литовскую границу; отряды эти, не стѣсняясь ни общими планами дѣйствій, начертанными начальниками Ордена, ни перемиріями, которыя Орденъ заключалъ по временамъ съ Литвою, причиняли безпощадныя разоренія, насилія и грабежи. Рыцари называли эти отряды „воровскими“ или „разбойничьими“ (latrunculi, latrones) и Орденъ не принималъ на себя отвѣтсвенности за ихъ дѣйствія, хотя не препятствовалъ организаціи отрядовъ въ своихъ владѣніяхъ и при случаѣ оказывалъ имъ дѣятельную помощь [1]).

Предпринимались-ли набѣги (reysa) крестоносцевъ главными силами Ордена, отвѣтственными его начальниками, или воровскими отрядами охотниковъ, они всегда носили одинъ и тотже характеръ: вообще набѣги эти были непродолжительны; никогда крестоносцы не оставались долѣе 10 дней на литовской территоріи, иногда проводили на ней только одну ночь. Лѣтописцы Ордена сообщаютъ малѣйшія подробности объ этихъ „рейзахъ“, опредѣляютъ точно количество дней и ночей, проведенныхъ крестоносцами на литовской землѣ и помѣчаютъ мѣстности, въ которыхъ они останавливались для ночлега (sovalk)—

герцога Австрійскаго, графовъ, Варвика, Уффорда и т. п.—**Wigand von Marburg** (**Script. rer Prus.**, т. II, стр. 510, 514, 525, 540, 549, 568, 571). **Hermann de Wartberge** (**ibid.**, 99—101). **Johann Posilge** (**ibid.** т. III, стр. 99) и т. д.

1) „**Anno 1376 fratres in Livonia pedestres *more latrunculorum* congregationem de 600 fecerunt contra infideles, quorum signifer et caput fuit frater Theodoricus de Holteye, commendator in Dobelleen**“. (**Hermann de Wartberge**, стр. 110).—„**1364. Frater Hinricus (von Schönningen) convocavit a longe, quos voluit, intrans deserta *more latronum***“. (**Wigand von Marburg**, стр. 548). Въ 1367 году Ливонскій магистръ особымъ договоромъ, называемымъ „**pax latrunculorum**“ обязался въ теченіи извѣстнаго времени не допускать охотниковъ врываться въ литовскіе предѣлы.—**Daniłowicz, Skarbiec etc.** т. I, стр. 212.

затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ перечень опустошенныхъ волостей и разоренныхъ селъ и дворовъ [1]). Рейзы предпринимались по преимуществу отрядами конницы, но иногда, для того, чтобы удобнѣе скрыть свой набѣгъ, рыцари отправлялись пѣшкомъ, садились въ лодки и судна и, подымаясь вверхъ по теченію Нѣмана и его притоковъ, внезапно появлялись среди Литовской области, не ожидавшей ихъ прихода [2]). Вообще, главное условіе успѣха рейзы состояло въ томъ, чтобы застать Литовцевъ неожиданно, въ расплохъ; описывая каждый походъ, лѣтописцы Ордена помѣчаютъ это обстоятельство [3]). Если рыцари успѣвали явиться въ извѣстную мѣстность неожиданно, и заставали народонаселеніе на мѣстахъ жительства, то они раздѣляли свое войско на нѣсколько отрядовъ, для того, чтобы охватить одновременно возможно большее количество населенныхъ мѣстностей, подробно исчисленныхъ въ топографическихъ замѣткахъ (Wegeberichte), составленныхъ по распоряженію магистровъ Ордена [4]). Затѣмъ, всѣ захваченныя села, дворы, гумна и постройки предавались пламени, жителей частью истребляли мечемъ, частью угоняли въ плѣнъ. При этомъ на главную причину, по словамъ крестоносцевъ, войны съ Литвою, на обращеніе язычниковъ въ христіанство на дѣлѣ рыцари не обращали вовсе вниманія. Среди многочисленныхъ перечней перебитыхъ и угнанныхъ въ плѣнъ Литовцевъ, лѣтописи совсѣмъ умалчиваютъ объ ихъ крещеніи. Разъ только Вигандъ изъ Марбурга, описывая осаду крѣпости Велоны въ 1348 г., разсказываетъ, что жители, сдавшіеся на капитуляцію крестоносцамъ, были ими крещены, но при этомъ онъ заявляетъ сомнѣніе въ пользѣ этой мѣры [5]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ крестоносцы предпочитали

---

[1]) Hermann de Wartberge (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 99, 101, 102, 103, 104. Wigand. (ibid. стр. 569) и т. п.

[2]) Wigand. von Marburg (ibid. стр. 556).

[3]) »Intrarunt terram inavisatam«. »Pagani fuerunt inavisati«. »Invenerunt Letwinos non munitos« и т. п.

[4]) См. Die Litauische Wegeberichte—Script. rer. Prussic., т. II, стр. 652—714.

[5]) „Quo peracto accepit viros, mulieres et infantes, quos divisit in terram suam, faciens eos baptizare in numero 1500; nec invenitur, an in fide permanebant«? Wigand. стр. 514.

стремиться къ истребленію язычества, путемъ истребленія и угона въ рабство язычниковъ. Кромѣ народонаселенія рыцари угоняли также въ Пруссію многочисленныя стада воловъ и лошадей, и высоко цѣнили этого рода добычу; лѣтописи обыкновенно заключаютъ повѣствованіе о рейзѣ перечнемъ угнанныхъ рабовъ, лошадей и быковъ [1]).

Если народонаселеніе литовское было предупреждено о набѣгѣ крестоносцевъ, то жители селъ укрывались съ семьями и имуществомъ въ лѣсныя пущи и болота; крестоносцы въ такомъ случаѣ жгли пу-

---

1) Изъ числа многихъ описаній походовъ на Литву, которыми загромождены всѣ лѣтописи Ордена, приведемъ на удачу нѣсколько примѣровъ, характеризирующихъ военные пріемы крестоносцевъ:

»1367 Frater Henningus, Ordinis marschalcus, castra metatus est in superioribus partibus Letwinorum, quas cum inveniret non munitas, exercitum suum divisit in tres turmas; percussit in duos dies in ore gladii omnes, vastavitque flammis et cede regiones (слѣдуетъ перечень волостей); captivos 800 secum ducens, equirriam etiam regis de 50 equabus ad terram Prussiae perduxit«. Herm. de Wartberge, стр. 88.

— „1369. Advocatus de Grebyn fuit.... in Letowia, ubi quasdam villas et annonam earum cremavit, multis occisis". Ibid. 94.

— „1370 Commendator de Goldingen.... intravit terram Litwinorum, quam vastavit.... pernoctando, educens 320 capita utriusque sexus, praeter multos, quos occidit, item 430 capita boum et equorum, venit incolumis cum suis... Item marschalcus misit expeditos in terram Drogotzen, in qua 4 noctes fuerunt, vastando, cedendo, captivos educendo: 106 viros, 61 equos cum 9 sexagenis boum et vaccarum. Item commendator de Ragniten... percussit duo rura cepitque 20 equos et 9 boves, quos abduxit«. ibid., стр. 96—97.

— »1372 Frater Wigandus cum 100 electis intrat deserta rapiendi gratia et molestandi paganos.... transeunt Mimilam; intrantes 4 villas non avisatas et in primo somno; quiquid occurebat gladio perdiderunt: viros cum mulieribus et pueris; comburunt totum, captivos cum grandi rapina deportant«. Wigand von Marburg— стр. 572.

— »1376. Sante der Meister den Komptur von der Balge mit 600 wapenern ins Land zu Rewzen; her quam ungewarnet dar,... her vorbrante das Lant und furte von dannen gefangen 200 Mensche und hette ir wol mehr gefangen, szunder der Sznee war so tieff, dar her sy nicht von dannen bringen mochte. Dorumme irslugen sy ir vil. Ouch furten sy von dannen tauwsent houpt rind vihes und 200 Pferde«. Die ältere Hochmeisterchronik. (Script. rer. Prussic. III, стр. 598), и т. д.

стыя села, затѣмъ старались окружить часть лѣса и, поступая по правиламъ охоты на дикихъ звѣрей, постепенно сдвигали кругъ къ серединѣ, убивая всѣхъ, попавшихъ въ него Литовцевъ; иногда они не встрѣчали никого внутри облавы, иногда же они отыскивали такимъ образомъ народонаселеніе, спасавшееся изъ нѣсколькихъ селъ и истребляли бѣглецовъ поголовно безъ различія пола и возраста; бывали и такіе случаи, когда часть крестоносцевъ, участвовавшихъ въ облавѣ, въ свою очередь попадала въ засаду и погибала отъ меча Литовцевъ[1]).

Для того, чтобы имѣть свободный просторъ для набѣговъ, крестоносцы старались не дозволять Литовцамъ укрѣпить границу ихъ владѣній; они упорно осаждали и старались разрушать всѣ укрѣпленія и замки, воздвигаемые Литовцами на порубежной чертѣ [2]). Главныя усилія обѣихъ сторонъ сосредоточивались въ этомъ отношеніи на весьма важной стратегической мѣстности, именно на городѣ Ковнѣ. Городъ этотъ, построенный на устьѣ Виліи въ Нѣманъ, господствуетъ надъ нижнимъ теченіемъ обѣихъ названныхъ рѣкъ; со стороны прусской границы онъ прикрывалъ Троки, Вилькомиръ и Вильно и болѣе заселенные округи тянувшіе къ этимъ городамъ; притомъ, находясь на вершинѣ угла, который образовывала прусская граница, врѣзывавшаяся клиномъ въ глубь литовскихъ земель, онъ служилъ для Литовцевъ центральнымъ стратегическимъ пунктомъ, гдѣ они сосредоточивали свои военныя силы, которыя могли съ равнымъ удобствомъ, смотря по надобности, выдвигать и къ сѣверозападу для охраны Жмуди и къ югозападу для прикрытія собственной Литвы и порубежной съ нею Черной Русси. Это значеніе Ковна понимали Литовскіе князья и потому озаботились сильно укрѣпить этотъ городъ; они окружили его каменною стѣною и построили замокъ, вооруженный крѣпкими каменными

---

1) **Hermann de Wartberge**, стр. 96, 102, 108—109. **Wigand von Marburg**, стр. 542—543, 557, 559—560.

2) Кромѣ многократныхъ нападеній на Ковно и Велону, лѣтописцы Ордена сообщаютъ разновременно свѣдѣнія объ осадѣ Литовскихъ крѣпостей: Пистены, Райгрàда, Вилькомира, Штребена и нѣсколькихъ другихъ, именъ которыхъ они не называютъ. **Hermann de Wartberge** (Script. rer. Prussic. т. II, стр. 84, 89); **Wigand von Marburg** (ibid., стр. 540, 560, 564); **Johann Posilge** (ibid., т. III, стр. 86. 88).

башнями. Крестоносцы много разъ покушались овладѣть этимъ городомъ, пока, наконецъ, въ 1362 году магистръ Винрихъ фонъ Книпроде рѣшился разрушить его во чтобы ни стало; собравъ всѣ силы Ордена, призвавъ на помощь Ливонскихъ рыцарей и многочисленныхъ иностранныхъ гостей, онъ два мѣсяца осаждалъ Ковно по всѣмъ правиламъ военнаго искуства того времени; крестоносцы окружили замокъ рвомъ и палисадомъ, разрушили ограду стѣнобитными машинами, нѣсколько разъ ходили на приступъ, пока, наконецъ, успѣли овладѣть развалинами замка. Гарнизонъ литовскій, защищавшійся съ замѣчательною стойкостью, почти весь погибъ во время осады; находясь въ послѣдней крайности, начальникъ крѣпости Войдатъ Кейстутовичъ приказалъ разрушить подкопами остатки башень и стѣнъ, зажегъ деревянныя постройки и съ послѣдними защитниками Ковна попытался пробиться сквозь лагерь крестоносцевъ; при этомъ онъ взятъ былъ въ плѣнъ съ остатками гарнизона, состоявшими только изъ 36 человѣкъ [1]). Впрочемъ побѣда эта не принесла Ордену существенной пользы: уже въ слѣдующемъ году Литовцы построили, не смотря на сопротивленіе рыцарей, рядомъ съ бывшею крѣпостью, другую—новое Ковно; крестоносцы разрушили и это укрѣпленіе, но оно опять было возобновлено и въ 1376 году оно считалось уже столь сильною крѣпостью, что магистръ не осмѣлился предпринять его осаду [2]).

Въ борьбѣ съ крестоносцами Литовцы заимствовали у нихъ способъ веденія войны: за разореніе литовской территоріи и разрушеніе литовскихъ крѣпостей они отплачивали разореніемъ прусскихъ областей и разрушеніемъ орденскихъ замковъ. Литовскіе набѣги были относительно рѣже: одинъ, не болѣе двухъ въ годъ. Въ продоженіи времени съ 1345 по 1377 годъ лѣтописи насчитываютъ только 31 походъ Литовцевъ на Пруссію и 11 походовъ на Ливонію; за то литовскіе набѣги предпринимались обыкновенно съ гораздо болѣе значительными силами, чѣмъ набѣги крестоносцевъ и охватывали гораздо большія пространства территоріи. Разница въ численности нападавшихъ отря-

---

1) Hermann de Wartberge (Script. rer. Prussic., т. II, стр. 81—82). Wigand von Marburg (ibid., стр. 531—536). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid., т. III, стр. 81).

2) Wigand von Marburg, стр. 545—547, 559—560, 579.

довъ зависѣла не столько отъ превосходства силъ литовскихъ, сколько отъ степени относительнаго благоустройства обѣихъ странъ. Крестоносцы за литовскимъ рубежемъ попадали въ страну жидко населенную и много разъ ими же опустошенную; иногда нѣсколько дней приходилось имъ идти по лѣсной пущѣ (desertum), въ непроницаемыхъ дебряхъ которой укрывалось отъ нихъ населеніе; жители, убѣгая изъ рѣдкихъ селъ, прятали съѣстные припасы и угоняли скотъ въ лѣсныя убѣжища; отряды крестоносцевъ не могли кормиться на мѣстѣ и должны были возить за собою обозы съ припасами. Нерѣдко литовцамъ удавалось уничтожать склады провіанта, устраиваемыя рыцарями въ опредѣленныхъ стоянкахъ и назначенные для продовольствія арміи во время обратнаго движенія; въ такихъ случаяхъ крестоносцы нерѣдко погибали съ голоду въ литовскихъ лѣсахъ. Между тѣмъ обозы сильно замедляли походы, условіемъ удачи которыхъ была быстрота движенія— для обоза приходилось каждый разъ вновь прокладывать дорогу въ пущѣ, которую каждый разъ, вслѣдъ за проходомъ непріятельскаго войска, Литовцы портили, заваливали бревнами, перерѣзывали рвами и т. д. Вслѣдствіе указанныхъ условій крестоносцы предпочитали дѣйствовать небольшими отрядами и врывались въ Литву на короткое время, не требовавшее значительныхъ запасовъ провіанта. Напротивъ того, Литовцы, пройдя за прусскій рубежъ, попадали въ страну густо населенную; въ прусскихъ мызахъ, деревняхъ и городахъ многочисленная армія могла легко найти пропитаніе; притомъ передвиженіе было значительно облегчено хорошимъ состояніемъ путей сообщенія. Лѣтописи Ордена, воздавая похвалы своимъ магистрамъ, обыкновенно упоминаютъ заслуги, оказанныя ими для края въ этомъ отношеніи, и перечисляютъ устроенныя ими дороги и построенные мосты. Находя, такимъ образомъ, въ Пруссіи удобныя условія для передвиженія и прокормленія болѣе численныхъ отрядовъ войска, Литовцы были притомъ поставлены въ необходимость удерживаться отъ вторженій въ Пруссію мелкими отрядами. Вслѣдствіе правильнаго военнаго устройства, строгой дисциплины и регулярнаго устройства и распредѣленія военныхъ средствъ, крестоносцы были въ состояніи въ непродолжительное время сосредоточить значительныя силы для отраженія набѣга; и потому Литовцы подвергались значительной опасности, въ случаѣ, если предпринимали нападеніе съ незначительными силами.

Ворвавшись въ прусскую территорію, Литовцы поступали точно

также какъ крестоносцы въ Литвѣ; они выжигали села и предмѣстья городовъ, разрушали церкви и монастыри, уводили въ плѣнъ народонаселеніе, угоняли стада воловъ и лошадей [1]) и т. п. Въ случаѣ, если походъ былъ удаченъ, они на границѣ, до выхода изъ прусской области, сожигали въ качествѣ благодарственной жертвы богамъ нѣкоторую часть добычи и одного изъ плѣнныхъ рыцарей [2]). Если во время похода Литовцы располагали болѣе значительными силами, то они овладѣвали замками крестоносцевъ, сжигали ихъ и опрокидывали стѣны и башни [3]); они успѣли перенять у крестоносцевъ всѣ пріемы осаднаго искуства того времени и примѣняли ихъ весьма успѣшно; такъ, во время борьбы за обладаніе Ковномъ, когда магистръ Винрихъ фонъ Книпроде построилъ на развалинахъ Новаго Ковна крѣпость Готтесвердеръ, которую крестоносцы особенно тщательно укрѣпили и снабдили многочисленнымъ гарнизономъ и обильнымъ провіантомъ, то Литовцы ее немедленно осадили, заметали ровъ, построили 18 стѣнобитныхъ машинъ и подвижныхъ башень и въ теченіе пяти недѣль повели столь успѣшно осадныя работы, что гарнизонъ принужденъ былъ сдать крѣпость, которая и была разрушена до основанія [4]).

Такую картину мелкой, безпрерывной, партизанской войны представляетъ борьба крестоносцевъ съ Литвою въ теченіе тридцатилѣтняго

---

1) Hermann de Wartberge (Scr. rer. Prussic. II, стр. 80, 104, 108, 110; Wigand von Marburg (ibid. стр. 520, 522, 549). Annales Thorunienses (ibid. т. III, стр. 100).

2) Въ 1365 г. Литовцы послѣ удачнаго похода въ Пруссію »festini redeunt ad regem prope Ragnitam, leti sacrificantes diis sanguinem tauri et quendam, vocabulo Hensel Neuwenstein, in ignem proiciunt et sacrificant«. (Wigand von Marburg, стр. 549).

3) Лѣтописцы Ордена упоминаютъ разновременно о разрушеніи Литовцами многихъ крѣпостей; они называютъ изъ числа ихъ слѣдующія: Мезотенъ, Шальвита, Каустрита, Шплиттернъ, Іоганнисбергъ, Экерсбергъ, Анненбургъ.—Hermann de Wartberge, (Scr. rer. Pruss., т. II, стр. 77, 85); Wigand von Marburg (ibid., стр. 529, 548, 549, 555); Johann Posilge (ibid., т. III, стр. 83—84).

4) Hermann de Wartberge, стр. 94; Wigand von Marburg, стр. 561. Iohann Posilge i Annalista Thoruniensis, стр. 88. Die ältere Hochmeisterchronik, стр. 595).

княженія Ольгерда; безчисленный рядъ набѣговъ и стычекъ, болѣе или менѣе опустошительныхъ и кровопролитныхъ, не приводитъ ни къ какому окончательному результату и не даетъ возможности предвидѣть исхода борьбы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противники рѣшаются сразиться съ силами относительно болѣе многочисленными; такъ, два пораженія, нанесенныя крѣстоносцами Литовцамъ: въ 1348 году на берегахъ рѣки Стравы и въ 1370 у Рудавы, которымъ лѣтописцы Ордена придаютъ значеніе рѣшительныхъ битвъ, были только болѣе крупныя стычки, не оказавшія ни малѣйшаго вліянія на послѣдовавшій ходъ войны. Первая изъ нихъ, въ которой палъ Наримунтъ Гедыминовичъ, прославлена была орденскими анналистами какъ рѣшительная побѣда, стоившая будто Литовцамъ около 20,000 людей; между тѣмъ изъ словъ современнаго документа мы знаемъ, что въ битвѣ принималъ участіе незначительный только отрядъ крестоносцевъ, въ 800 человѣкъ, и что послѣ этой, будто рѣшительной, побѣды, рыцари не предприняли сколько нибудь важнаго военнаго движенія и нисколько не раздвинули предѣловъ принадлежавшей имъ области [1]).

Другая битва—у Рудавы—произошла влѣдствіе удачной попытки крестоносцевъ отразить одинъ изъ литовскихъ набѣговъ; она кончилась стычкою передовыхъ отрядовъ обѣихъ армій, послѣ которой Ли-

---

1) Потери Литовцевъ въ этой битвѣ лѣтописцы Ордена исчисляютъ различно: **Annales expeditiales Prussici** опредѣляютъ ее въ 6000 человѣкъ (**Script. rer. Prussic.**, т. II, стр. 12). **Hermann de Wartberge**—въ 10,000 (ibid., т. II, стр. 76); Вигандъ—въ 18,000 (ibid., стр. 512) и т. д. Современный отчетъ объ этой битвѣ, извлеченный изъ Кенигсбергскаго архива, говоритъ: „**Jedoch nicht vergessende, dass in Namen des Herr 1,000 geschlagen und 20,000 verjaget sein sie ihnen mit wenigen, nähmlich 800 oder dabei**“ (ibid., т. II, стр. 511).—Вѣроятно крестоносцы, желая изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на западѣ неудачею, которую они потерпѣли въ 1345 г., умышленно придавали этой битвѣ преувеличенное значеніе; иноземные лѣтописцы, писавшіе на основаніи слуховъ, исходившихъ отъ крестоносцевъ, придаютъ ей небывалые размѣры. Такъ современникъ событія, Іоаннъ Витодуранъ, писавшій свою лѣтопись въ Цюрихѣ, разсказываетъ, будто въ битвѣ на р. Стравѣ погибло 40,000 Литовцевъ; (ibid., т. II, стр. 741). Длугошъ исчисляетъ потерю Литовцевъ въ 22,000 (стр. 1079); наконецъ русскія лѣтописи, вовсе почти не обращавшія вниманія на борьбу Литвы съ кресто-

товцы, потерявшіе около 1000 человѣкъ въ битвѣ, отступили въ безпорядкѣ къ своей границѣ, крестоносцы-же, понесшіе также чувствительныя потери (въ битвѣ палъ маршалъ Ордена, Геннингъ фонъ Шиндекопфъ и три командора), должны были воздержаться отъ преслѣдованія отступавшихъ [1]).

Наконецъ, единственный болѣе важный походъ, предпринятый крестоносцами въ глубь Литвы въ 1365 году, не привелъ къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ и имѣлъ значеніе обыкновенной „рейзы“, предпринятой лишь въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ этомъ году крестоносцы рѣшились отступить отъ обыкновенной своей тактики, благодаря представившейся имъ, по видимому, возможности найти поддержку внутри самой Литвы: они нашли союзника въ средѣ литовской княжеской семьи. Одинъ изъ сыновей Кейстута—Бутавъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ побужденій, вошелъ въ сношенія съ крестоносцами и заявилъ готовность принять крещеніе и вступить въ союзъ съ Орденомъ; узнавъ объ этихъ переговорахъ, комендантъ Виленскаго замка, бояринъ Дирсуне, отличавшійся непримиримою враждою къ нѣмцамъ [2]) и преданностью Кейстуту, арестовалъ Бутава и заточилъ его въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей, впредь до дальнѣйшаго распоряженія Кейстута; но, до пріѣзда послѣдняго, другой бояринъ, Сурвилъ, служившій посредникомъ въ сношеніяхъ Бутава съ крестоносцами, напалъ на крѣпостцу, хитростью овладѣлъ ею и освободилъ плѣннаго князя; они немедленно бѣжали за прусскую границу въ сопровожденіи только пятнадцати слугъ. Комендантъ крѣпости Инстербурга принялъ бѣглецовъ съ большими почестями и проводилъ ихъ къ магистру; затѣмъ въ Кенигсбергѣ, въ присутствіи знатныхъ иноземныхъ гостей, съ боль-

---

носцами, внесли слѣдующее извѣстіе объ этой битвѣ«: Бой былъ Нѣмцемъ съ Литвою на Стравѣ рѣцѣ и побиша Литвы 40,000«. (Лѣтописи: Новгородская 4-ая; стр. 56; Супрасльская, стр. 66; Никоновская, т. III, стр. 186; изданная Даниловичемъ, стр. 169).

1) Hermann de Wartberge (Scr. rer. Pruss, т. II, стр. 96). Wigand von Marburg (ibid., стр. 566—567); Johann Posilge. Detmar и Annalista Thoruniensis (ibid., т. III, стр. 89). Die ältere Hochmeisterchronik (ibid., стр. 595).

2) »Quidam, dictus Dirsune, maximus persecutor Christianorum«. Annalista Thoruniensis (Scr. rer. Prussic., т. III, стр. 95).

шимъ торжествомъ совершенъ былъ обрядъ крещенія надъ Бутавомъ, принявшимъ имя Генриха, и надъ его товарищами; вслѣдъ за тѣмъ, разсчитывая, вѣроятно, на поддержку со стороны партіи, преданной перебѣжавшему князю, магистръ объявилъ большой походъ на Литву и распорядился снабдить армію мѣсячнымъ запасомъ провіанта. Руководимое Бутавомъ войско крестоносцевъ вступило въ Жмудь и опустошило земли по теченію рѣкъ Невяжы и Святой, и, миновавъ Вилькомиръ, подступило къ Вильну; начальникъ города, вызванный магистромъ для переговоровъ, отказался сдать крѣпость; между тѣмъ не только никто изъ Литовцевъ не принималъ стороны Бутава, но изъ его малочисленной свиты четыре человѣка ушло къ Литовцамъ; магистръ убѣдился въ несостоятельности надеждъ, возлагавшихся имъ на литовскаго князя и быстро отступилъ въ свои предѣлы, пробывъ только 13 дней на литовской территоріи. Вслѣдъ за тѣмъ Бутавъ оставилъ владѣнія Ордена и поступилъ на службу къ германскому императору, пожаловавшему ему въ ленъ земли съ титуломъ герцога; съ этимъ титуломъ лѣтописи упоминаютъ о немъ до 1377 года.

---

1) **Hermann de Wartberge** (Scr. rer. Prus., т. II, стр. 85). **Wigand von Marburg** (ibid., стр. 550—553) **Annalista Thoruniensis, Johann Posilge** и **Detmar** (ibid., т. III, стр. 84). **Die ältere Hochmeisterchronik** (ibid., стр. 595).

Вообще дѣло Бутава представляетъ фактъ не единичный въ своемъ родѣ. Въ лѣтописяхъ встрѣчаются неоднократно свѣдѣнія о перебѣжчикахъ какъ отъ Литовцевъ къ крестоносцамъ, такъ и обратно: упомянутый въ разсказѣ о Бутавѣ—Сурвилъ (въ крещеніи Ѳома) остался въ Пруссіи и служилъ долгое время крестоносцамъ въ качествѣ проводника, переводчика, и дипломатическаго агента; такія-же услуги Ордену оказывалъ перебѣжавшій въ Пруссію другой Сурвиллъ—Гансъ (Scr. rer. Prussic., т. II, стр. 550, примѣч. 760). Подъ 1361 годомъ въ хроникѣ Вартберга помѣщенъ разсказъ о знатномъ Литовцѣ, называемомъ Жива, служившемъ крестоносцамъ въ качествѣ проводника: **Capta fuit tota familia Zywes Litwini. Idem ergo Zywa moestus, sequens suam familiam sponte, factus est ductor optimus Christianorum in Livonia«** (Scr. rer. Prussic., т. II, стр. 81).—Такіе невольные слуги Ордена конечно при первой возможности бѣжали обратно въ Литву и, становясь въ ряды соотечественниковъ, служили имъ проводниками въ Пруссію и Ливонію (Wigand von Marburg, стр. 541, 570). Бывали, впрочемъ, и такіе случаи, когда сами рыцари, вѣроятно не ужившись съ дисциплиною

Указанныя подробности борьбы крестоносцевъ съ Литвою во второй половинѣ XIV столѣтія доказываютъ въ общей сложности, что силы обѣихъ боровшихся сторонъ находились въ данное время въ равновѣсіи; какъ ни интензивны были усилія Ордена, они не достигали предположенной цѣли и только исчерпывали постепенно силы самаго Ордена; ни многочисленные военные гости, ни настойчивое стремленіе нѣмецкаго населенія Пруссіи раздвинуть свою территорію по направленію къ востоку, ни руководство самыхъ энергическихъ и даровитыхъ магистровъ: Генриха фонъ Дусемеръ и Виниха фонъ Книпроде, не могли осилить стойкаго сопротивленія литовцевъ и порубежная черта орденскихъ владѣній не подвигалась ни на шагъ къ востоку отъ Нѣмана. Всю тяжесть этой борьбы вынесло на своихъ плечахъ исключительно населеніе литовскихъ областей великаго княжества: Жмуди и коренной Литвы; руководителемъ этого населенія и героемъ борьбы съ крестоносцами въ теченіе почти полустолѣтія былъ Кейстутъ; съ удивительною энергіею и постоянствомъ онъ защищаетъ каждую мѣстность угрожаемой территоріи, отражаетъ на всѣхъ пунктахъ нѣмецкія „рейзы“, отплачиваетъ за нихъ набѣгами на Пруссію и Ливонію, защищаетъ свои крѣпости и ведетъ приступы на нѣмецкіе замки; онъ постоянно подвергается личной опасности и умѣетъ съ удивительною находчивостью увернуться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ; два раза онъ попадаетъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ и оба раза бѣжитъ съ рѣшимостью, изумлявшею рыцарей до того, что они считали его побѣги чудесными [1]).

Ордена, бѣжали въ Литву и принимали язычество: »1374 duo fratres de Livonia: Joannes Lanzeberg ac Fridericus de Missen, strenui viri, cum quodam ductore, nomine Billene,... profugerunt ad Letwinos, apostatae facti«. (Hermann de Wartberge, стр. 105). »1376 Quidam frater Ordinis—Johannes Vlowere profugit ad dictum Novum castrum, ut apostata« ibid., стр. 111) и т. д.

1) Въ 1361 году Кейстутъ попалъ въ засаду и взятъ былъ въ плѣнъ крестоносцами. Онъ содержался въ Маріенбургской крѣпости; съ помощью приставленнаго къ нему слуги, крещенаго Литовца, Альфа, онъ вышелъ изъ крѣпости въ одеждѣ рыцаря и, укрываясь въ лѣсахъ и болотахъ, переправляясь вплавь черезъ рѣки, успѣлъ бѣжать въ Мазовію. О бѣгствѣ его одна лѣтопись говоритъ, что онъ „*mirabiliter* evanuit“; другая: „es war *Wunder*, dass er weg komen mochte, als waren ihm alle Pforte versatzt“.—Въ слѣ-

Между тѣмъ какъ нѣмецкія лѣтописи переполнены свѣдѣніями о похожденіяхъ Кейстута, Ольгердъ упоминается въ нихъ рѣдко. Только въ болѣе рѣшительныхъ случаяхъ онъ являлся на помощь брату во главѣ ополченій русскихъ земель [1]). Крестоносцы, съ своей стороны, зная внутреннее распредѣленіе силъ великаго княжества Литовскаго, направляли всои силы исключительно противъ земель, населенныхъ Литовскимъ племенемъ и избѣгали столкновеній съ русскими областями великаго княжества. За исключеніемъ пограничныхъ мелкихъ стычекъ Ливонскихъ рыцарей съ Полочанами и нѣсколькихъ, весьма впрочемъ немногочисленныхъ, набѣговъ крестоносцевъ на, принадлежавшій Кейстуту, Гродненскій удѣлъ, мы не встрѣчаемъ свѣдѣній о непріязненныхъ дѣйствіяхъ крестоносцевъ по отношенію къ литовской Руси [2]). Между тѣмъ, какъ арміи Ордена подвигаются иногда на значительное разстояніе вглубь литовскихъ земель, опустошаютъ окрестности Вильна, Трокъ и т. п., отряды ихъ никогда не появляются въ Черной Руси, отдѣлявшейся только узкою полосою Гродненскаго удѣла отъ земель Ордена.

Такимъ образомъ силы литовской Руси оставались свободными и Ольгердъ могъ ими воспользоваться для того, чтобы раздвинуть предѣлы своего княженія присоединеніемъ къ нему тѣхъ русскихъ земель, которыя не примкнули еще къ одному изъ вновь сложившихся цент-

---

дующемъ году Кейстутъ опять попалъ въ плѣнъ во время стычки, но, пользуясь смятеніемъ битвы, изчезъ до ея окончанія изъ лагеря крестоносцевъ. **Hermann de Wartberge** (**Script. rer. Prussic.** т. II, стр. 80—81). **Wigand von Marburg** (ibid., стр. 527—530). **Annalista Thoruniensis, Detmar и Johann Posilge** (ibid., т. III, стр. 80—81). Продолжатель Дюсбурга (**ibid.**, стр. 479). **Die ältere Hochmeisterchronik** (ibid., стр. 593—594).

1) Такъ въ разсказѣ о битвѣ на рѣкѣ Стравѣ, лѣтописи, упоминая о присутствіи Ольгерда, прибавляютъ извѣстіе, что въ помощь Литовцамъ пришли ополченія изъ Владиміра, Берестія, Витебска, Смоленска и Полоцка (**Hermann de Wartberge**, стр. 75; **Wigand von Marburg**, стр. 511). Описывая пораженіе Литовцевъ у Рудавы, Іоаннъ Посильге говоритъ: (стр. 90)« do war Kynstod flochtig mit den sinen, und koning *Algart mit den Russen* bederbten ihre Sporne gar wohl in der Flucht«.

2) О стычкахъ между Ливонскими рыцарями и Полочанами упоминаетъ **Hermann de Wartberge** подъ 1366, 1373, 1374 и 1375 годами (**Script. rer.**

ровъ группировки русскихъ земель, и чтобы упрочить свое вліяніе на уже сложившіеся, но болѣе слабыя группы русскихъ владѣній, лежавшія вдоль восточной границы великаго княжества. По отношенію къ Руси усилія Ольгерда сосредоточиваются на четырехъ важнѣйшихъ интересахъ: 1) Онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ. 2) Онъ поддерживаетъ Тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями Московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними. 3) Ольгердъ стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, а также Подольской земли и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ Монголами. 4) Наконецъ, онъ поддерживаетъ продолжительную борьбу Любарта съ Польшею за наслѣдіе Галицко-Володимірскихъ князей.

Выше были указаны отношенія Ольгерда ко Пскову, возникшія еще въ то время, когда онъ княжилъ въ Витебскѣ. Вліяніе, пріобрѣтенное Ольгердомъ на Псковскія дѣла вслѣдствіе вокняженія во Псковѣ его сына Андрея, было непродолжительно. Въ 1348 году Псковичи, недовольные отсутствіемъ своего князя, управлявшаго Псковомъ черезъ намѣстниковъ, отказали ему въ повиновеніи и возобновили союзъ съ Новгородомъ. Событія эти раздражили Ольгерда: онъ поставлялъ на видъ Псковичамъ помощь, оказанную имъ противъ нѣмцевъ и упрекалъ ихъ въ неблагодарности: „Много моихъ людей погибло и коней въ вашей волости“ сказалъ онъ Псковичамъ, и приказалъ задержать всѣхъ купцевъ Псковскихъ, торговавшихъ въ Литвѣ; тоже сдѣлано было и въ Полоцкѣ по распоряженію Андрея; имущество этихъ гостей псковскихъ было конфисковано и самихъ ихъ отпустили только послѣ уплаты большого выкупа; затѣмъ, въ 1350 году Андрей изъ „Полоцкой украины“ напалъ „безъ вѣсти“ на Псковскую область, и „повоевалъ“ пограничную Вороначскую волость; непріязненныя отношенія Литвы ко Пскову затянулись на продолжительное время, на сколько можно пред-

---

Prussic., т. II, стр. 86, 104, 105 и 108). Вигандъ изъ Марбурга подъ 1364 годомъ упоминаетъ о безуспѣшномъ походѣ магистра на Гродно, а подъ 1373, 1375 и 1377 годами разсказываетъ о набѣгахъ на тянувшія къ Гродну земли: Бѣльскую и Каменецкую, предпринятыхъ командоромъ пограничнаго прусскаго округа Балги, Теодорикомъ фонъ Эльнеръ (ibid., стр. 573, 579, 582 и 584).

полагать по скуднымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, умалчивающимъ большую часть подробностей возникшей борьбы. Въ 1354 и 1355 годахъ Псковичи ходили съ княземъ Остафіемъ воевать Полоцкую землю. Въ 1357 году послѣдовало, какъ кажется, примиреніе и во Псковѣ принятъ былъ на княженіе нѣкто—князь Василій Будволна, вѣроятно въ качествѣ Андреева намѣстника, но годъ спустя Псковичи опять ходили войною на Полоцкъ съ княземъ Остафіемъ [1]). Очевидно во Псковѣ боролись двѣ партіи: новгородская и литовская, поочередно осиливавшія другъ друга. Положеніе это продолжалось въ теченіе всего княженія Ольгерда и только въ самый годъ его смерти (1377) Андрей Полоцкій успѣлъ восторжествовать надъ противниками: „князь Андрей Ольгердовичъ прибѣже во Псковъ и посадиша его Псковичи на княженіе“ [2]); изъ иностраннаго источника мы знаемъ, что призваніе это случилось при посредствѣ ливонскаго магистра, желавшаго отклонить Андрея отъ признанія власти Ягайла и, вслѣдствіе этого, помогавшаго ему усилиться въ Псковѣ [3]).

Подобныя-же отношенія существовали между Литвою и Новгородомъ, гдѣ еще при Гедыминѣ образовалась партія, старавшаяся посредствомъ сближенія съ Литвою противудѣйствовать возраставшему вліянію на Новгородъ великихъ князей московскихъ; но въ 1339 году вліяніе послѣднихъ получило рѣшительный перевѣсъ: Новгородцы должны были заключить договоръ съ великимъ княземъ Симеономъ, которому обязались дать 1,000 рублей съ Новоторжской области и „черный боръ на всей землѣ Новгородской“ [4]). Въ 1346 году Новгородскій владыка Василій ѣздилъ въ Москву „звать князя великаго“. Симеонъ Ивановичъ принялъ приглашеніе, пріѣхалъ въ Новгородъ, „сѣде на столѣ своемъ“ и, послѣ трехнедѣльнаго посѣщенія уѣхалъ домой, оставивъ въ Новгородѣ намѣстниковъ [5]). Вліяніе Литвы было такимъ образомъ совершенно устранено; вѣроятно литовская партія подвергалась при этомъ случаѣ оскорбленіямъ и упрекамъ, знаемъ по крайней мѣрѣ, что оскорбительные отзывы послужили Ольгерду поводомъ къ открытію

---

[1]) Лѣтопись Псковская 1-ая, стр. 190—191 и Псковская 2-ая, стр. 14.

[2]) Лѣт. Псковская 1-ая; стр. 193.

[3]) **Wigand von Marburg (Script. rer. Prussic.** т. III, стр. 173).

[4]) Лѣт. Никовская, т. III, стр. 173.

[5]) **Лѣт. Новгородская 1-ая, стр. 83.**

непріязненныхъ дѣйствій противъ великаго Новгорода. Вслѣдъ за выѣздомъ Симеона, въ Новгородскую область вступилъ Ольгердъ съ братіею; онъ сталъ на устьѣ Пшагивъ Шелонь и объявилъ войну великому Новгороду: „Хочу съ вами битися, говорилъ онъ въ посланіи, да, аще ми Богъ поможетъ, хочу боронитись; лаялъ ми посадника вашъ Остафій Дворянинцовъ; назвалъ мя псомъ“. Литовцы опустошили новгородскія земли по Шелони и Лугѣ [1]), взяли окупъ съ Порхова и съ Опоки. Новгородцы вышли было ратью на Лугу, но возвратились въ городъ безъ боя; собралось вѣче, на которомъ посадники Дворянинцева обвинили въ томъ, что онъ накликалъ войну съ Литвою, и на вѣчѣ-же убили. Литовская партія взяла верхъ и вошла въ сношенія съ Ольгердомъ, который немедленно удалился литовской территоріи [2]). Въ слѣдующемъ году Новгородцы заключили миръ съ Ольгердомъ, условія котораго не дошли до насъ [3]). Такимъ образомъ до нѣкоторой степени возстановлено было вліяніе Литвы на новгородскія дѣла; хотя оно уступало въ силѣ и авторитетѣ вліянію московскому, но, во всякомъ случаѣ, составляло нѣкоторый противувѣсъ послѣднему; при каждомъ изъ послѣдующихъ болѣе рѣзкихъ столкновеній съ Москвою, недовольные искали точки опоры въ Литвѣ и при ея помощи старались противудѣйствовать постепенно усиливавшемуся вліянію великихъ князей Московскихъ.

Гораздо съ большимъ успѣхомъ Ольгердъ установилъ свое вліяніе въ Смоленскѣ. Княжество это, выдѣлившееся въ концѣ XII столѣтія въ качествѣ независимаго великаго княженія, находилось подъ управленіемъ рода Ростислава Мстиславича; сравнительно съ другими русскими княжествами и землями, обособившимися послѣ паденія авторитета великихъ князей Кіевскихъ, Смоленскъ находился въ весьма невыгодныхъ географическихъ условіяхъ. Великое княженіе Смоленское,

---

1) „И взяша на щитъ Шелону до Голинъ (у устья Шелони въ Ильмень) и Лугу до Сабля“. Лѣтопись Новгородская 4-ая стр. 58.

2) Лѣтописи: Никоновская, т. III, стр, 183; Новгородская 1-ая, стр. 85; Новг. 3-ая, стр. 223, Новг. 4-ая, стр. 57; Воскресенская, т. VII, стр. 210; Супрасльская, стр. 65—66; Софійская 1-ая, стр. 225; изд. Даниловичемъ, стр. 169.

3) Лѣтоп. Новгородская 4-ая, стр. 58.

незначительное, сравнительно, по пространству своей территоріи, окружено было со всѣхъ сторонъ землями, вошедшими въ составъ княжествъ или гораздо болѣе обширныхъ и могущественныхъ, или, по меньшей мѣрѣ, не уступавшихъ ему въ силѣ; вокругъ Смоленскаго княжества простирались владѣнія Ростово-Суздальскія, Черниговскія, Полоцкія и Новгородскія. Смоленскія границы нигдѣ не примыкали къ территоріи инородческой, посредствомъ завоеванія или колонизаціи которой, княжество это могло-бы раздвинуть свои предѣлы и увеличить свои средства. Многочисленные удѣлы, возникавшіе вслѣдствіе умноженія княжеской семьи, должны были раздроблять все болѣе и болѣе необширную территорію Смоленскаго княжества и такимъ образомъ ослабляли и безъ того незначительныя его силы. Потому въ XIII и XIV столѣтіяхъ, когда княжества: Владимірское и потомъ Московское—съ одной стороны и Литовско-Полоцкое—съ другой, усилившись до значительныхъ размѣровъ, устремились къ собиранію русскихъ земель, Смоленское княжество не обладало достаточными средствами для того, чтобы противудѣйствовать давленію, направленному на него съ двухъ сторонъ; слабое среди двухъ сильныхъ соперниковъ, оно старается спасти свою самостоятельность, прибѣгая поочередно къ союзу и помощи одного изъ двухъ сосѣдей, но за помощь эту оно должно становиться въ положеніе все болѣе и болѣе зависимое по отношенію къ покровительствующему въ данное время сосѣду. Очевидно затруднительная, но неизбѣжная для Смоленска, диллема должна была привести это княженіе къ подчиненію великимъ князьямъ Московскимъ или Литовскимъ. Оба названныя правительства понимали неизбѣжность этого исхода и старались каждый склонить его въ свою пользу. Ольгердъ, по отношенію къ Смоленску, постоянно стремится занять положеніе покровителя и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ смоленскихъ князей поддержки во всѣхъ столкновеніяхъ съ великимъ княжествомъ Московскимъ и такимъ образомъ низводитъ ихъ на степень зависимыхъ отъ Литвы, сподручныхъ князей. Еще въ 1341 году Ольгердъ предпринималъ походъ съ цѣлью возвратить въ пользу смоленскаго князя Ивана Александровича Можайскъ, отторгнутый отъ Смоленской области еще Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ. Въ свою очередь, въ 1348 году смоленская рать ходила помогать Литовцамъ противъ крестоносцевъ и принимала участіе въ битвѣ на р. Стравѣ. Въ 1352 году Ольгердъ опять оказалъ Смоленску важную услугу: великій князь Симеонъ Ива-

новичъ „собравше силу многу, поиде ратью къ Смоленску"; но на границѣ смоленскихъ владѣній, у Вышгорода на Протвѣ, его встрѣтило литовское посольство; содержаніе переговоровъ не сохранилось въ лѣтописяхъ, которыя передаютъ только общій ихъ результатъ: Симеонъ Ивановичъ, „не оставя слова Ольгердова, миръ взя и отпусти послы съ миромъ"; затѣмъ уже онъ подтвердилъ условія договора со Смольнянами, которыхъ посольство встрѣтило его на берегахъ Угры [1]). Изъ разсказа этого ясно, что Ольгердъ, охраняя Смоленскіе интересы, относился къ Смоленскому княжеству какъ къ области, находившейся отъ него въ зависимости: мирный договоръ заключили съ великимъ княземъ Московскимъ послы литовскіе, смоленскому-же посольству пришлось принять его условія и, вѣроятно, установить только окончательное рѣшеніе по частнымъ вопросамъ. Такими отношеніями не могъ не тяготиться князь смоленскій, Иванъ Александровичъ, и потому въ 1355 году у него вышли недоразумѣнія съ Ольгердомъ; послѣдній, подъ предлогомъ защиты смоленскихъ владѣній со стороны Москвы, занялъ литовскимъ гарнизономъ городъ Ржеву, лежавшій на границѣ смоленскихъ владѣній съ московскими и тверскими, очевидно съ цѣлью затруднить непосредственныя сношенія смоленскаго князя съ Москвою и Тверью. Вѣроятно Иванъ Александровичъ протестовалъ противъ этого факта, потому что въ томъ-же году осенью Ольгердъ „воевалъ Смоленскъ" и взялъ въ плѣнъ его племянника, князя Василія [2]). Въ 1357 году „рать тверская и можайская" изгнала изъ Ржевы литовскій гарнизонъ [3]); вѣроятно это случилось по просьбѣ и съ участіемъ Смольнянъ, которые въ слѣдующемъ году отправились сами въ походъ противъ Литвы съ цѣлью возвратить къ своему княженію городъ Бѣльчу, отторгнутый уже Литовцами. Но въ слѣдующемъ году Смольняне поплатились за эти непріязненныя дѣйствія: Ольгердъ вступилъ въ предѣлы Смоленскаго княжества, взялъ городъ Мстиславль и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ; въ тоже время Андрей Ольгердовичъ Полоцкій осадилъ Ржеву, овладѣлъ этимъ городомъ и посадилъ въ немъ своихъ намѣст-

---

[1]) Лѣтописи: Новгородская 4-ая, стр. 60; Воскресенская, т. VII, стр. 216; Никоновская, т. III, стр. 195; Супрасльская, стр. 72; изданная Даниловичемъ, стр. 172.

[2]) Лѣтопись Никоновская, т. III, стр. 207.

[3]) Тамже, стр. 211.

никовъ [1]). Городъ этотъ былъ тщательно укрѣпленъ и въ 1359 году самъ Ольгердъ пріѣзжалъ „Ржевы смотрѣти“. Изъ Ржевы Андрей Полоцкій сталъ тѣснить Смольнянъ съ сѣверовостока и отнимать сосѣдніе со Ржевою пригороды [2]), между тѣмъ какъ Ольгердъ, успѣвшій уже овладѣть Брянскомъ и Сѣверщиною, угрожалъ Смолянской области вдоль всей ея южной и западной границы. Неудивительно потому, что наслѣдникъ Ивана Александровича, Святославъ Ивановичъ (1358—1386) становится въ положеніе совершенно зависимое отъ великаго князя Литовскаго. Въ 1368, 1370 и 1372 годахъ онъ принужденъ „со всею силою Смоленскою“ сопровождать Ольгерда во время его походовъ на Москву [3]) и посылать смоленскую рать, въ случаѣ надобности, въ помощь Литвѣ противъ крестоносцевъ. Малѣйшее уклоненіе смоленскаго князя отъ этой зависимости ведетъ къ тяжелымъ репрессаліямъ со стороны Ольгерда. Такъ, когда въ 1374 году одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Иванъ Василіевичъ, присоединился къ походу великаго князя Московскаго на Тверь, то Ольгердъ немедленно вступилъ въ смоленскую территорію „глаголя: почто есте ходили воева́ти князя Михаила“?—онъ сильно опустошилъ Смоленскую область, разорялъ пригороды и увелъ въ полонъ многихъ жителей [4]). Попытки Москвичей противудѣйствовать литовскому вліянію на Смоленскъ имѣли мало успѣха; въ 1368 году они „повоевали“ часть Смоленской области, а въ 1375, рать, посланная Дмитріемъ Ивановичемъ, осаждала Ржеву, сожгла посадъ, но не могла взять города [5]). Такимъ образомъ Смоленскъ остался въ полной зависимости отъ великаго князя Литовскаго и ясно было, что приближалось время паденія самобытности этого русскаго удѣла и присоединенія его къ Литовскому государству.

Такая участь постигла между тѣмъ другой значительный русскій

---

[1]) Тамже, стр. 213.

[2]) „1367 князь Андрей Ольгердовичъ Полоцкій воевалъ Хорвачъ да Родню. Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 19; Воскресенская, т. VIII, стр. 15.

[3]) Лѣтоп. Никоновская, т. IV, стр. 20; Воскресенская, т. VIII, стр. 17. Daniłowicz—Skarbiec etc.; т. I, стр. 218. Карамзинъ—изд. 1834 г., т. V, стр. 29 и примѣчаніе 26.

[4]) Никоновская лѣтопись, т. IV, стр. 42 и 46.

[5]) Тамже, стр. 24 и 47.

удѣлъ, примыкавшій къ Смоленскому—именно княженіе Брянское. Брянскъ, самый значительный городъ въ землѣ Вятичей, вмѣстѣ съ этою землею въ концѣ XI столѣтія вошелъ въ составъ Черниговскаго княженія; въ половинѣ XIII столѣтія, вслѣдствіе дробленія сѣверскихъ удѣловъ, монгольскаго разоренія и неудачной борьбы черниговскихъ и сѣверскихъ князей за Кіевъ и Галичъ, значеніе южныхъ и восточныхъ удѣловъ Черниговскаго княженія падаетъ; старые города: Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскій отодвигаются на второй планъ, между тѣмъ усиливаются и пріобрѣтаютъ значеніе первенствующихъ городовъ бывшіе пригороды: Муромъ и затѣмъ Рязань, выдѣлившіеся изъ Черниговскаго княженія становятся центрами вновь возникшихъ, самостоятельныхъ и сильныхъ княжествъ; въ оставшейся затѣмъ области Черниговскаго княженія первенствующее значеніе получаетъ самый сѣверный изъ пригородовъ—Брянскъ, къ которому тянетъ вся Сѣверская земля, подобно тому, какъ раньше Вятичская земля тянула къ Чернигову. Княжившій въ Брянскѣ въ третьей четверти XIII столѣтія, князь Романъ Михайловичъ признавался главою въ родѣ Святославичей; князь этотъ успѣшно отражалъ нападенія Мендовга и его преемниковъ на свою область, пытался овладѣть Смоленскимъ княжествомъ, состоялъ въ тѣсномъ союзѣ и родствѣ съ могущественными въ то время Романовичами Галицко-Волынскими и въ Ордѣ признавался въ качествѣ представителя земель Сѣверскихъ. Со времени Романа Михайловича значеніе, пріобрѣтенное Брянскомъ, обращаетъ на это княженіе вниманіе лѣтописцевъ, которые потому и заносятъ въ лѣтописи болѣе важныя событія, касающіяся судьбы Брянскаго княжества, умалчивая почти совершенно о судьбѣ другихъ городовъ и удѣловъ Черниговскаго и Сѣверскаго княженій. Судя впрочемъ по немногочисленнымъ фактамъ, сообщеннымъ лѣтописцами, можно полагать, что возвышеніе Брянска было только внѣшнее, случайное и не опиралось на внутреннюю земскую силу; въ Брянскѣ продолжалось то внутреннее неустройство и неустановленность общественныхъ отношеній, которыя были причиною ослабленія многихъ другихъ русскихъ земель; постоянно встрѣчаемъ извѣстія о внутренней борьбѣ между соискателями княжескаго стола, прибѣгающими по временамъ къ помощи хановъ для поддержанія своихъ правъ—съ одной стороны, и о борьбѣ между князьями и общиною—съ другой. Такъ въ 1310 году за Брянское княженіе спорили Святославъ Глѣбовичъ съ племянникомъ Василіемъ; община

поддерживала Святослава, Василій-же опирался на помощь татаръ; когда послѣдній съ татарскою ратью подошелъ къ городу, то Святославъ вышелъ храбро на встрѣчу врагамъ, полагаясь на сочувствіе гражданъ: „Брянцы мя не пустятъ, говорилъ онъ, хотятъ за меня главы свои сложити". Но во время битвы Брянцы „крамольницы суще" выдали князя; они побросали оружіе и стяги и бѣжали въ городъ; князь былъ убитъ въ битвѣ [1]). Въ 1339—1341 годахъ между княземъ Глѣбомъ Святославичемъ и брянскою общиною происходила упорная борьба, въ теченіе которой и убитъ былъ на вѣчѣ князь Глѣбъ [2]). Затѣмъ произошли въ Брянскѣ смуты, подробности которыхъ не сохранились отчетливо въ лѣтописяхъ; но изъ неяснаго лѣтописнаго разсказа видно что смутами этими успѣлъ воспользоваться Ольгердъ для того, чтобы подчинить себѣ брянскъ и тянувшую къ нему территорію. Подъ 1355 годомъ лѣтопись говоритъ, что Ольгердъ „воевалъ Брянскъ" и, затѣмъ, сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: „Того-же лѣта князь Василей пріиде изъ Орды отъ царя съ пожалованіемъ и сяде на княженіи въ Брянскѣ, и мало время пребывъ, тамо и преставился. И бысть въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей и замятня велія и опустѣніе града; и потомъ нача обладати Брянскомъ князь Литовскій" [3]). Этотъ неясный, лишенный подробностей разсказъ составляетъ единственное лѣтописное свидѣтельство о присоединеніи Брянскаго удѣла къ великому княжеству Литовскому; по послѣдовавшимъ фактамъ можно заключать, что вслѣдъ за Брянскомъ Ольгерду подчинились и многочисленные удѣлы, на которые распадалось Черниговско-Сѣверское княженіе; вѣроятно, послѣ паденія Брянска многіе удѣльные князья Сѣверщины добровольно признали надъ собою власть Ольгерда и потому въ послѣдующее время многіе представители княжескаго черниговскаго рода: князья Новосильскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе и т. д. продолжаютъ княжить въ своихъ удѣлахъ подъ верховною властью великихъ князей Литов-

---

[1]) Никоновская лѣтопись, т. Ш, стр. 106.

[2]) „1339 злые крамольники сошедшеся вѣчемъ Брянцы, убиша своего князя Глѣба Святославича" Никоновская лѣт. т. Ш, стр. 172.—„1341 убіенъ бысть князь Глѣбъ Святославичъ Брянскій отъ своихъ Брянцевъ клятыхъ, декабря 6, въ Николинѣ день". Лѣтописи: Новгородская 4-ая, стр. 55 и Тверская стр. 422.

[3]) Никоновская лѣтоп., т. Ш, стр. 207.

скихъ. Тѣ-же области, которыя поступили въ непосредственное владѣніе Ольгерда, онъ раздѣлилъ на три удѣла, которые распредѣлилъ между членами своего семейства: Дмитрію Ольгердовичу старшему достался Черниговъ и Трубчевскъ; другой Дмитрій — Корибутъ Ольгердовичъ младшій получилъ Брянскъ и Новгородъ-Сѣверскій; наконецъ племянникъ Ольгерда—Патрикій Наримунтовичъ упоминается въ качествѣ князя Стародуба Сѣверскаго [1]).

Въ стремленіи къ объединенію русскихъ земель подъ своею властью, Ольгердъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ шелъ на встрѣчу такимъ-же стремленіямъ великихъ князей Московскихъ; столкновеніе между двумя великими княжествами было потому неизбѣжно, хотя обѣ стороны и не были долго расположены къ враждебнымъ другъ къ другу отношеніямъ и старались, не вступая въ открытую борьбу, ограничиться усиліями къ утвержденію своего авторитета въ спорныхъ русскихъ областяхъ. Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія обоихъ государствъ во все время княженій Симеона и Ивана Ивановичей; не смотря на многочисленные случаи, подававшіе поводъ къ открытой

---

1) Дмитрій Ольгердовичъ старшій, во время похода на Сѣверщину Дмитрія Ивановича Донского въ 1379 году, сдалъ ему Трубчевскъ, и переѣхалъ въ Москву (Воскресенская лѣтоп., т. VIII, стр. 34). Дмитрій Корибутъ владѣлъ Брянскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ до 1393 года, въ которомъ былъ лишенъ удѣла Витовтомъ; русскія извѣстія называютъ его „Дмитрій князь Брянскій“; на семи, дошедшихъ до насъ, документахъ онъ подписался: »Coributh dux Nowogrodensis«. Въ инвентарѣ королевскаго архива Кромера онъ названъ: »Demetrius Coribut dux Lithuaniae«. (Daniłowicz Skarbiec etc., т. I, стр. 218, 265, 266, 271. Карамзинъ изд. 1834 г., т. V, стр. 30 и примѣч. 26).

Въ помянникѣ Антоніевскаго Любечскаго монастыря сохранилось слѣдующее упоминаніе о первыхъ князьяхъ Гедыминова рода, бывшихъ въ Сѣверщинѣ:

„№ 40. Князя Патрикія Давидовича (Наримунтъ носилъ въ крещеніи два имена: Глѣбъ и Давидъ) Стародубскаго, пріимшаго ангельскій образъ, и княгиню его Елену, и сына ихъ кн. Іоанна“.

„№ 48. Вел. князя Дмитрія Черниговскаго и брата его князя Іоанна, вел. кн. Скиргайла“.

„№ 53. Дмитрія Ольгердовича, и княгиню его Анну, и сыновъ ихъ: кн. Михаила, кн. Іоанна“. (Милорадовичъ—Любечъ, стр. 37—38).

борьбѣ съ Литвою, великіе князья Московскіе уклонялись отъ нея: ни соперничество по поводу отношеній къ Пскову и Новгороду, ни походъ Ольгерда на Можайскъ, ни заступничество его за Смоленскаго князя, ни бѣгство Явнутія въ Москву, ни даже занятіе Брянска—не послужили причиною къ разрыву дружелюбныхъ, по видимому, отношеній между Москвою и Литвою; точно также не повело къ разрыву и новое обстоятельство, болѣе серьезное, возникшее въ 1349 году: Ольгердъ отправилъ посольство въ Орду, къ хану Чанибеку, съ намѣреніемъ заключить съ нимъ союзъ; по свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ великому князю Симеону, договоръ этотъ долженъ былъ клониться ко вреду великаго княжества Московскаго; чтобы противудѣйствовать литовскимъ посламъ, Симеонъ Ивановичъ отправилъ въ Орду свое посольство: боярина Ѳедора Глѣбовича съ товарищи; вліяніе московскихъ пословъ осилило въ Ордѣ предложенія Литовцевъ; послы представили хану, что Ольгердъ неоднократно ходилъ войною на его „улусы“ и поплѣнилъ ихъ, что нынѣ хочетъ поплѣнить ханскій-же улусъ—великое княжество Московское, а потомъ, укрѣпившись, станетъ „противенъ хану“. Чанибекъ убѣдился этими доводами „и разгнѣвася яростью зело яко огнь“; онъ арестовалъ литовскихъ пословъ: Коріята Гедыминовича, Симеона князя Свислоцкаго, какого то князя Михаила и боярина Айкшу и выдалъ ихъ великому князю Симеону [1]). Неудачный исходъ посольства въ Орду заставилъ Ольгерда возобновить дружелюбныя сношенія съ Москвою. Въ 1350 году Ольгердъ „присла въ Москву къ великому князю Симеону послы своя со многими дары, и съ честью великою, и съ челобитіемъ, прося мира и живота братіи своей“. Предложеніе было принято Симеономъ Ивановичемъ и плѣнные литовскіе князья получили

---

1) Лѣтописи: Никоновская, т. III, стр. 187; Воскресенская, стр. 215; Супрасльская, стр. 70; изд. Даниловичемъ, стр. 171. Относительно пословъ литовскихъ, Стадницкій (Synowie Gedymina, т. I, примѣч. 104) полагаетъ, что Коріятъ и Михаилъ—два имени одного и того-же лица. Хотя по другимъ источникамъ дѣйствительно извѣстно, что Коріятъ въ крещеніи носилъ имя Михаила, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ лѣтописи ясно указываютъ двухъ князей: „князя Михаила да Коріята“ (Супрасльская), „Коріята да Михаила“ (Воскресенская). Изъ числа современныхъ литовскихъ князей имя Михаила носили: одинъ изъ сыновей Явнутія и старшій сынъ Андрея Ольгердовича Полоцкаго.

свободу; притомъ „великій князь возъемъ на многа лѣта миръ", который былъ скрѣпленъ двойнымъ брачнымъ союзомъ: племянница Симеона Ивановича, дочь князя Константина Ростовскаго, отдана была въ замужество за Любарта Гедыминовича, Ольгердъ-же женился на свояченицѣ великаго князя—княжнѣ Ульянѣ Александровнѣ Тверской [1]). Съ этого времени между обоими государствами установились мирныя отношенія, которыя были нарушены только восемнадцать лѣтъ спустя, въ княженіе Дмитрія Ивановича, вслѣдствіе столкновенія его съ Ольгердомъ по поводу усобицъ, возникшихъ въ Тверскомъ княжествѣ.

Въ Твери еще въ 1357 году заспорили: Кашинскій князь Василій Михайловичъ съ племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ; первому изъ нихъ покровительствовалъ великій князь Московскій, второй искалъ помощи у шурина Ольгерда. Опираясь на выхлопотанный Симеономъ Ивановичемъ, ханскій ярлыкъ, Василій лишилъ было Всеволода волости, но въ 1360 году" Литва приходила ратью на тверскія волости" и Василій долженъ былъ возвратить удѣлъ племяннику [2]). Въ 1866 году распря въ Твери вспыхнула съ новою силою: тотже Василій Михайловичъ началъ споръ съ братомъ Всеволода—Михаиломъ Александровичемъ, княземъ Микулинскимъ, какъ за великое княженіе Тверское, такъ и за Городецкій удѣлъ, отказанный Михаилу по завѣщанію одного изъ родственниковъ. Въ 1367 году Василій съ московскою помощью разорялъ и полонилъ волости противника и осаждалъ Тверь; Михаилъ между тѣмъ, съ помощью Ольгера, пошелъ ратью на Кашинъ [3]). Затѣмъ князья заключили перемиріе и въ началѣ слѣдующаго года рѣшили покончить споръ судомъ. На судъ они вызваны были „любовно" въ Москву Дмитріемъ Ивановичемъ и митрополитомъ Алексѣемъ. Но на третій день послѣ пріѣзда Михаилъ Александровичъ и сопровождавшіе его бояре были арестованы и заточены. Дмитрій Ивановичъ заставилъ тверскаго князя отказаться отъ Городца, и, взявъ съ него крестное цѣлованіе, отпустилъ домой только благодаря пріѣзду въ Москву Ордынскихъ царевичей. Вслѣдъ за тѣмъ

---

1) Лѣтописи: Никоновская, т. III, стр. 191—192; Воскресенская, т. VII, стр. 215; Софійская 1-ая, стр. 226—227; Супрасльская. стр. 71; изд. Даниловичемъ, стр. 172.

2) Лѣтоп. Никоновская, т. III, стр. 211, 218.

3) Тамже, т. IV, стр. 15—17.

умеръ Василій Михайловичъ и великое княженіе Тверское досталось безспорно на долю Михаила; опасаясь усиленія обиженнаго имъ князя, Дмитрій послалъ сильную рать противъ Твери и Михаилъ Александровичъ долженъ былъ отправиться въ Литву просить помощи [1]). Въ ноябрѣ 1368 года Ольгердъ явился съ сильнымъ войскомъ въ предѣлы великаго княжества Московскаго, съ нимъ, кромѣ Кейстута и другихъ князей Литовскихъ, былъ Михаилъ Тверскій и рать Смоленская; Литовцы и ихъ союзники стали опустошать пограничныя волости, подвигаясь въ глубь страны. Нападеніе это было подготовлено, по обычаю Ольгерда, совершенно тайно и застало Москвичей въ расплохъ; Дмитрій Ивановичъ поспѣшилъ разослать гонцевъ по областямъ созывать рать, но въ Москву успѣли собраться ополченія только ближайшихъ къ ней волостей: Московское, Коломенское и Дмитровское; ополченія эти и отправлены были, въ качествѣ сторожеваго полка, съ цѣлью задержать движеніе Ольгерда, пока успѣетъ прійти рать изъ болѣе отдаленныхъ областей. Но мѣра эта была принята слишкомъ поздно; Ольгердъ разбилъ въ отдѣльныхъ стычкахъ попадавшіеся ему на встрѣчу отряды; въ нихъ пали удѣльные князья: Семенъ-Крапива Стародубскій и Константинъ Оболенскій; затѣмъ, на берегахъ рѣки Тростни, пораженъ былъ на голову и сторожевой полкъ; начальствовавшіе имъ воеводы: Дмитрій Мининъ и Акинѳъ Шуба погибли въ битвѣ. Узнавъ отъ плѣнныхъ о томъ, что великій князь ваходится въ Москвѣ и еще поджидаетъ войска, Ольгердъ быстро направлялся къ столицѣ. Дмитрій Ивановичъ сжегъ посадъ и затворился въ Кремлѣ; Ольгердъ простоялъ трое сутокъ у стѣнъ Кремля и, не попытавшись взять его, отступилъ; на обратномъ пути литовское войско страшно разорило Московскую область; Ольгердъ „остатокъ посада (Московскаго) пожже, и монастыри, и церкви, и волости, и села попали, а христіаны изсѣче, а ины въ полонъ поведе, иже не успѣли разбѣжатися, имѣніе же ихъ пограби, и скотину всю съ собою отгнаша... Сеже первое зло отъ Литвы створися окаянно и всегубительно“. Послѣдствіемъ этого похода было временное отстраненіе вліянія Дмитрія Ивановича на Тверскія дѣла: онъ возвратилъ Михаилу Городецъ и отказался отъ заступничества за его племянника, князя Еремѣя Константиновича [2]). Конечно, временная

---

[1]) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 19—20; Воскресенская, т. VIII, стр. 15.

[2]) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 20—22; Воскресенская, т. VIII, стр. 15—16; Тверская, стр. 428—429; изд. Даниловичемъ, стр. 179—181.

неудача не могла измѣнить основнаго направленія политики великаго князя Московскаго; собравшись съ силами, онъ возобновилъ въ 1370 году военныя дѣйствія противъ Твери; „сложивъ цѣлованіе великому князю Михаилу Александровичу“, Дмитрій сталъ опустошать Тверскую область, взялъ и разорилъ города: Микулинъ и Зубцовъ и увелъ большой полонъ въ Москву. На выручку Твери вторично пришелъ Ольгердъ. Вмѣстѣ съ Кейстутомъ, Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ они безъуспѣшно осаждали въ теченіи трехъ дней Волокъ Ламскій, затѣмъ направились къ Москвѣ; поплѣнивъ окрестности, 6 декабря они обложили самый городъ; но на этотъ разъ Дмитрій Ивановичъ былъ лучше приготовленъ къ защитѣ; между тѣмъ какъ онъ въ теченіи восьми дней отсиживался въ Кремлѣ, сильная рать Московская и Рязанская собиралась у Перемышля; узнавъ объ этомъ, Ольгеръ поспѣшилъ заключить перемиріе срокомъ на полъ года и отступилъ въ свои владѣнія [1]). Тверское дѣло осталось не рѣшеннымъ и Михаилъ Александровичъ долженъ былъ изыскивать новыя средства для продолженія борьбы; еще до истеченія срока перемирія, заключеннаго Ольгердомъ, онъ отправился въ Орду и выхлопоталъ для себя ярлыкъ на Владимірское княженіе; такимъ образомъ онъ возобновлялъ старый споръ Твери съ Москвою за первенство въ восточной Руси; но теперь силы соперниковъ были слишкомъ неравномѣрны для того, чтобы борьба за Владимірское княженіе могла имѣть серьезное значеніе; возобновленіе этого вопроса могло только ухудшить и безъ того стѣсненное положеніе Тверскаго княжества. Узнавъ о случившемся, Дмитрій Ивановичъ отправился въ свою очередь въ Орду; располагая значительными денежными средствами, онъ задобрилъ подарками хана, его женъ и совѣтниковъ, и успѣлъ получить для себя новый ярлыкъ на Владимірское княженіе; тверскому князю оставалось для предстоящей борьбы обратиться опять за помощью въ Литву. Дѣйствительно въ 1372 году рать литовская, подъ начальствомъ: Кейстута, Витовта, Андрея Полоцкаго и другихъ литовскихъ князей, явилась на помощь Михаилу. Союзники разорили Переяславль и Кашинъ и взяли окупъ съ этихъ городовъ; Кашинскій князь, союзникъ Дмитрія, долженъ былъ

---

1) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 25—28; Тверская, стр. 429—430; Воскресенская, т. VIII, стр. 17; изд. Даниловичемъ, стр. 182.

цѣловать крестъ Михаилу; затѣмъ послѣдній овладѣлъ городами: Мологою, Угличемъ, Бѣжецкимъ Верхомъ, Дмитровскомъ, Кистмою и Торжкомъ, въ борьбѣ за который онъ нанесъ чувствительное пораженіе Новгородцамъ. Но эти успѣхи Тверскаго князя были не продолжительны; Дмитрій Ивановичъ, покончивъ войну съ Рязанью, двинулся на Тверь; на встрѣчу ему пошелъ: Михаилъ Александровичъ съ Тверичами и Ольгердъ съ Литвою, Смольнянами и Брянцами. Союзники встрѣтили Московскую рать у Любутска и, послѣ неудачной для Литовцевъ стычки передовыхъ отрядовъ, оба войска простояли нѣсколько дней другъ противъ друга, раздѣленные глубокимъ оврагомъ; не рѣшаясь вступить въ битву, Ольгердъ и Дмитрій вступили въ переговоры и заключили перемиріе [1]), въ силу условій котораго Михаилъ Александровичъ долженъ былъ возвратить великому князю Московскому всѣ города, занятые въ его отчинѣ и отозвать изъ нихъ своихъ намѣстниковъ; въ случаѣ, еслибы онъ во время перемирія возобновилъ войну, то Ольгердъ не долженъ за него вступаться; наконецъ, всѣ жалобы на Тверскаго князя должны быть рѣшены судомъ ханскимъ [2]). Такимъ образомъ вліяніе Литвы на рѣшеніе участи Тверскаго княжества оказалось несостоятельнымъ; энергическое сопротивленіе Михаила Александровича и помощь, оказанная ему Ольгердомъ, отодвинули, можетъ быть, только на столѣтіе паденіе самостоятельности Твери, но спасти ея не могли. Послѣдняя попытка Михаила Александровича возобновить споръ съ Москвою въ 1374—1375 годахъ, кончилась полнымъ его пораженіемъ и поставила Тверское княжество въ совершенную зависимость отъ великаго князя Московскаго. Въ это время, поддавшись совѣтамъ бояръ, перебѣжавшихъ изъ Москвы въ Тверь, князь Михаилъ выхлопоталъ вновь въ Ордѣ ярлыкъ на Владимірское княженіе и, заручившись обѣщаніемъ помощи изъ Литвы, объявилъ войну Дмитрію Ивановичу; послѣдній собралъ всѣ силы своего княжества, призвалъ всѣхъ сподручныхъ князей и новгородское ополченіе и занялъ всю Тверскую область; всѣ пригороды бы-

---

1) Лѣтописи: Никоновская, т. IV, стр. 28—36; Воскресенская, т. VIII, стр. 18—20; Новгородская 4-ая стр. 66—69; Тверская, стр. 430—434; Супрасльская, стр. 84—89; изд. Даниловичемъ, стр. 182—187, Софійская 1-ая, стр. 231—233.

2) Древняя Русская Вивліоѳика, т. I, стр. 88 (1788). Daniłowicz-Skarbiec etc., т. I, стр. 218.

ли взяты Москвичами, волости разорены и Михаилъ Александровичъ осажденъ въ Твери. Пять недѣль храбро защищалъ онъ свой стольный городъ, но не дождался ни откуда помощи; отрядъ литовскій приблизился было къ Твери, но, убоявшись численности враговъ, поспѣшно возвратился домой. Михаилъ принужденъ былъ просить мира, который и состоялся на слѣдующихъ условіяхъ: Михаилъ Александровичъ призналъ себя „младшимъ братомъ“ великаго князя Московскаго, то есть сталъ къ нему въ то положеніе, въ какомъ находились удѣльные князья къ великому князю; онъ обязался „сложити цѣлованіе съ Ольгердомъ“ и вообще съ Литовскими князьями, въ случаѣ же нападенія съ ихъ стороны, онъ долженъ искать защиты у Дмитрія Ивановича; въ случаѣ войны послѣдняго съ Литвою, Тверскій князь долженъ ему помагать; онъ принялъ обязательство не посягать на Торжекъ и вообще на земли Великаго Новгорода, не искать Владимірскаго княженія и не принимать его отъ хана и, вообще, по отношенію къ Ордѣ поддерживать образъ дѣйствій великаго князя Московскаго. Сверхъ того Кашинскій удѣлъ признанъ былъ независимымъ отъ Твери [1]).

Такимъ образомъ въ княженіе Ольгерда соперничество Литвы съ Москвою въ ихъ взаимномъ стремленіи къ подчиненію себѣ русскихъ земель, лежавшихъ вдоль восточной границы великаго княжества Литовскаго, въ Новгородѣ и Псковѣ склонялось болѣе въ пользу великихъ князей Московскихъ, въ Твери завершилось полнымъ торжествомъ Москвы, въ Смоленскѣ, напротивъ того, утвердилось преобладающимъ образомъ вліяніе литовское и, наконецъ, Брянскъ и Сѣверщина совершенно подчинились власти Ольгерда и были присоединены къ его владѣніямъ.

Гораздо болѣе обширны и легки были пріобрѣтенія Ольгерда въ южно-русскихъ областяхъ. Земли Кіевская и Подольская находились тогда еще въ зависимости, по крайней мѣрѣ номинальной, отъ хановъ Золотой Орды, но въ половинѣ XIV столѣтія Ордынское царство не имѣло уже достаточныхъ силъ для того, чтобы охранять свои владѣнія, лежавшія далеко на западѣ; въ это время въ Золотой Ордѣ замѣтны признаки крайняго внутренняго ослабленія и разложенія этого

---

1) Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, т. I, № 28. Древняя русская Вивліоѳика, т. I, стр. 78. Daniłowicz-Skarbiec etc. т. I, стр. 217—218.

государства на составныя части. Многочисленные соискатели ханскаго престола производятъ въ Ордѣ безпрестанныя смуты; такъ, въ теченіи только пяти лѣтъ (1257—1362) шесть хановъ: Чанибекъ, Бердибекъ, Кулпа, Неврусъ, Ходырь и Темиръ-Ходжа, быстро и насильственно смѣняютъ другъ друга; иногда появляется нѣсколько хановъ за разъ, и они ведутъ между собою упорную борьбу за власть; такъ, въ 1362 году Орда распалась между двумя ханами соперниками: Абдулломъ и Мюридомъ. Личное честолюбіе претендентовъ на ханскую власть находитъ точку опоры во внутреннемъ складѣ Орды; полукочевые и кочевые народы, по большей части тюркскаго племени, покоренные нѣкогда Чингисханомъ и его наслѣдниками, частью обложенные данью, частью-же привлеченные къ участію въ походахъ Монголовъ, стремятся освободиться отъ ихъ владычества; господствовавшая надъ ними Монгольская орда, въ свою очередь, разлагается на составныя части: отдѣльныя поколѣнія, и начальствовавшіе надъ ними роды вступаютъ въ соперничество и тянуть врозь, представители этихъ родовъ, помимо многочисленныхъ потомковъ Чингисхана, посягаютъ на первенство въ Ордѣ и на ханскую власть. Вассальные владѣтели областей и управлявшіе ими темники стремятся къ самостоятельности и къ образованію независимыхъ мелкихъ ханствъ изъ клочковъ Золотордынскаго царства. По мѣрѣ ослабленія центральной власти, въ половинѣ XIV столѣтія, появляются независимые татарскіе или туземные князья въ различныхъ улусахъ: на берегахъ Арала и Яика, въ Камской Болгаріи, въ землѣ Мордовской и т. п. Тоже явленіе должно было случиться и въ самыхъ отдаленныхъ западныхъ улусахъ: въ земляхъ: Подольской и Кіевской.

Кіевское княжество послѣ Батыева нашествія находилось на той степени зависимости отъ Орды, на которой стояли и другія подчиненныя Монголамъ русскія княжества. Вслѣдствіе скудости лѣтописныхъ извѣстій о Кіевѣ съ половины XIII по половину XIV столѣтія, не возможно указать подробностей быта Кіевской земли въ этотъ промежутокъ времени; извѣстно только, что Кіевъ оставался подъ управленіемъ русскихъ князей, получавшихъ ярлыки изъ Орды на это княженіе; изъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ указаній знаемъ, что такіе ярлыки получали по временамъ и Святославичи Черниговскіе и Ввеволо-

довичи Владиміро-Залѣсскіе[1]). Выше уже было указано, что въ 1331 году Кіевомъ управлялъ князь Ѳедоръ, находившійся въ зависимости отъ татарскаго баскака, но мы не имѣемъ указанія, къ какой вѣтви княжескаго рода онъ принадлежалъ.

Въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ Ордѣ находилась земля Подольская, которая и въ до-монгольское время занимала исключительное положеніе среди другихъ русскихъ областей. Территорія эта—заселенная племенами Угличей и Тиверцевъ въ достовѣрно извѣстное исторически время не входила въ составъ земель, принадлежавшихъ великимъ князьямъ Кіевскимъ[2]): ни въ разсказѣ лѣтописи о распредѣленіи удѣловъ между сыновьями Владиміра святого, ни въ позднѣйшемъ разсказѣ объ удѣльномъ времени до половины XII столѣтія, мы не встрѣчаемъ упоминаній о поднѣстрянской области, которая очевидно находилась внѣ владѣній, разпавшихся на удѣлы между потомками Владиміра св. Только съ половины XII столѣлія, послѣ того какъ уси-

---

1) Густинская лѣтопись (стр. 340—342), сообщающая болѣе другихъ подробности о судьбѣ Кіева послѣ Батыева нашествія, говоритъ, что Батый въ 1243 году, утверждая Ярослава Всеволодовича великимъ княземъ Владимірскимъ, поставилъ его вмѣстѣ и княземъ Кіевскимъ. Подъ 1245 г. таже лѣтопись называетъ Михаила Всеволодовича княземъ Черниговскимъ и Кіевскимъ. Подъ 1252 г. она разсказываетъ, что Сартакъ далъ княженіе »Русское и Московское« Александру Ярославовичу и т. д.

2) Общепринятое мнѣніе о подчиненіе Угличей и Тиверцевъ съ IX вѣка великимъ князьямъ Кіевскимъ, опирается на весьма шаткомъ основаніи. Кромѣ извѣстія о походѣ Свѣнельда на Углицкій Пересечинъ, записаннаго только въ весьма позднемъ лѣтописномъ сводѣ (Лѣт. Никоновская, т. I, стр. 41) и не свидѣтельствующаго объ окончательномъ присоединеніи Угличей и Тиверцевъ къ Кіевскому государству, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи только два намека объ этихъ племенахъ. Подъ 885 г. сказано: „Олегъ со Уличи и Тиверцы имѣше рать“ но не указанъ исходъ этой рати; а подъ 907 годомъ, при описаніи похода Олега на Царьградъ, перечень сопровождавшихъ его народовъ заключается словами: „и Тиверцы, иже суть толковины“. Покойный В. И. Григоровичъ объяснилъ слово „толковинъ“ значеніемъ: пособникъ, помощникъ, союзникъ; такимъ образомъ послѣдній лѣтописный текстъ свидѣтельствуетъ скорѣе о самостоятельности, чѣмъ о подчиненіи Тиверцевъ Олегу.

лились Галицкіе князья, часть Поднѣстровія вошла въсоставъ ихъ владѣній, подъ именемъ *Понизія*, въ противуположность нагорной Галицкой странѣ. Впрочемъ Галичу принадлежала только незначительная часть позднѣйшаго Подолія: изъ разсказа о походѣ Ивана Берладника въ 1159 году, мы знаемъ, что пограничнымъ Галицкимъ городомъ въ Понизіи была Ушица, кромѣ нея лѣтопись упоминаетъ еще въ Понизіи города: Микулинъ на Серетѣ, Бакоту, Калюсъ и Кучельминъ на Днѣстрѣ и Каменецъ[1]). Изъ указаній этихъ видно, что незначительная полоса у Днѣстра, между его притоками: Серетомъ и Ушицею[2]) составляла юговосточную Галицкую украину. Притомъ замѣтно, что эта область, примкнувшая позже другихъ къ галицкимъ владѣніямъ, не успѣла сплотиться съ ними и представляла удобную почву для попытокъ къ обособленію: въ 1159 году Иванъ Берладникъ пытался овладѣть ею и встрѣченъ былъ сочувствіемъ жителей: „смерды скачутъ черезъ заборола къ Иванови“, говоритъ лѣтопись при описаніи осады Ушицы. Въ 1226 году Мстиславъ Удалой, уступивъ Галичъ Андрею венгерскому, отторгнулъ отъ него Понизье и образовалъ изъ него отдѣльный для себя удѣлъ. Въ 1240 году, Бакоту, важнѣйшій городъ Понизья, занялъ бояринъ Доброславъ, вокняжился въ ней и „все Понизье прія“[3]). Изъ фактовъ этихъ явствуетъ, что власть Галицкихъ князей была непрочна и въ той небольшой полосѣ Понизья, которая имъ принадлежала; но гораздо большая часть Поднѣстровія: отъ устья Ушицы въ Днѣстръ, до устья Днѣстра въ море, не принадлежала ни Галицкимъ, ни какимъ бы то ни было другимъ удѣльнымъ князьямъ. Вѣроятно основаніе обширнаго княженія въ этой степной полосѣ, сопредѣльной съ кочевниками, имѣлъ въ виду Мстиславъ Удалой, обособляя Понизье и Поросье въ отдѣльный удѣлъ; но послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ его кончина (1228) положила предѣлъ существованію отдѣльнаго Понизоваго удѣла. Даніилъ Романовичъ обра-

---

1) Ипатская лѣтопись, стр. 226, 341, 468, 480, 506, 527.

2) Рѣка Ушица въ лѣтописи ясно указана какъ граница Галицкаго княжества. Въ 1229 г. Даніилъ „собравъ землю Галичскую... собра отъ Боброкы, даже и до рѣкы Ушицѣ и Прута“. Тамже, стр. 506.

3) Лѣтопись Ипатская, стр. 341, 501, 525.

тилъ въ свою очередь вниманіе на значеніе Понизья: онъ изгналъ изъ него Доброслава, выдержалъ за его обладаніе борьбу съ Ростиславомъ Михайловичемъ и съ Болоховскими князьями и ѣздилъ нарочито „до Бакоты и Калюся, хотя уставити землю“ [1]); но уставленію этому помѣшало Монгольское нашествіе. По отношенію къ Монголамъ и Галицкое, и свободное Понизье заняли то исключительное положеніе, въ которое стали многія другія, сопредѣльныя съ нимъ земли, лежавшія вдоль восточной границы Галицко-Володимірскихъ владѣній, желавшія избавиться при помощи Орды отъ господства Галицкихъ князей. Жители земли Болоховской, города, лежавшіе по Тетереву, волости городовъ: Взвягля, Городка и Сѣмоця, Бѣлобережцы и Чернятинцы—подчинились добровольно Монголамъ и стали въ прямую отъ нихъ зависимость, уклоняясь отъ подчиненія Галицкимъ князьямъ; лѣтопись называетъ эти области: „городы, сидящіе за Татары“ или „люди Татарскіе“ и прибавляетъ, что Даніилъ Романовичъ, желая подчинить ихъ своей власти, долженъ былъ „воздвигнуть рать противу Татарамъ“. Въ числѣ земель, ставшихъ въ такое положеніе къ Ордѣ, лѣтопись ясно указываетъ и Побожье, т. е. свободную часть Пинизья, лѣжавшую въ бассейнѣ южнаго Буга [2]). Но и та часть Понизья, которая раньше принадлежала Галицкимъ князьямъ, теперь отложилась отъ нихъ и подчинилась Татарамъ. Когда въ Галицкомъ Понизьи появились Монголы, нѣкто Милѣй „приложися къ нимъ“ и подчинилъ Ордѣ главный

---

1) »Тамже, стр. 526, 526.

2) »1241 Данилъ попленилъ землю Болоховскую и пожегъ, оставили бо ихъ Татарове, да имъ орютъ пшеницю и проса; Данилъ-же на нѣ большую вражду держа, яко отъ Татаръ большую надежду имѣаху«. »1257. Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ.... взя Межибожье, потомъ же воевахуть людье Данилови-же и Василькови Болоховъ, а Львови *Побожье* и люди Татарскыя. Веснѣ же бывши, посла сына своего Шварна на Городокъ и на Сѣмоць, и на вси городы и взця Городокъ, и Сѣмоць, и всѣ городы, сѣдящия за Татары; Городескъ и по Тетереви до Жидачева. Възъвягляне же солъгаша Шварномъ; поемше тивуна, не вдаша ему тивунити; Шварно же приде, поимавъ городы вся, и по немь придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинцы, и вси Болоховци къ Данилу“. (Ипат. лѣтп., стр. 526—527, 555. Подробности отношеній Галича къ указаннымъ мѣстностямъ см. въ сочин. Н. Дашкевича „Болоховская земля“. Труды 3-го археологич. съѣзда, т. II, стр. 69—139.

городъ этой области—Бакоту; онъ признанъ былъ Монголами правителемъ страны на правахъ равныхъ съ ордынскими баскаками. Въ 1255 году Левъ Даниловичъ ходилъ на него войною и захватилъ Милѣя въ плѣнъ; Данiилъ отпустилъ его затѣмъ на волю, взявъ обѣщаніе въ признаніи своей власти; но, при первомъ появленіи Монголовъ, Милѣй „створи лесть и предасть паки Татарамъ Бакоту“ [1]). Такимъ образомъ власть хановъ утвердилась въ Понизьи, образовавшемъ обширный улусъ, извѣстный съ XIV столѣтія подъ новымъ именемъ *Подолія* [2]). Завладѣвъ страною, Монголы обложили жителей данью, сборомъ которой, за отсутствіемъ князей, зевѣдывали представители волостей—атаманы; послѣдніе отдавали дань „пріѣзжавшимъ за сборомъ баскакамъ [3]) Притомъ ордынскія власти потребовали, вѣроятно, разрушенія укрѣпленій въ понизовскихъ городахъ, ибо лѣтопись, упоминая о странѣ въ XIV столѣтіи, говоритъ: „и тогды въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованный“ [4]); но старыя городскія и сельскія поселенія оставались на мѣстѣ; по крайней мѣрѣ, тѣ изъ

---

1) »Въ таже лѣта, пріѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ, и приложися Милѣй къ нимъ, Данилови же... посла сына Лва на Бакоту, посла Левъ дворьского передъ собою; изъѣхавше, яша Милѣя баскака, и приведе Левъ Милѣя отцю си, и бысть паки Бакота королева отца его; потомъ же, сдумавъ со сыномъ, и отпусти и, а поручникъ бысть Левъ, яко вѣрну ему быти; и паки, пріѣхавшимъ, Татаромъ, и створи льсть и предасть ю паки Татаромъ, Бакоту. (Ипатская лѣт., стр. 549—550).

2) Названіе *Подоліе* замѣнило однозначущее старинное имя *Понизье* во время татарскаго господства въ этой странѣ. Лѣтописи, сохранившія разсказъ о походѣ Ольгерда, называютъ уже завоеванную имъ область Подоліемъ. Названіе это встрѣчается и въ древнѣйшемъ документѣ, дошедшемъ до насъ изъ временъ Литовскаго господства: въ грамотѣ, данной Александромъ Коріятовичемъ Смотрическому Доминиканскому монастырю въ 1375 году, сказано: »Мы, князь Александръ Корiятовичъ, князь и господаръ *Подольской земли*». (Акты Западной Россіи, т. I, стр. 21).

3) »А отъ нихъ (хановъ) положены были на Подоли атаманы, которые вси доходы заведали, а къ нимъ приѣзджали баскаки татарскіе, и въ тыхъ атамановъ беручи дани, къ Ордѣ воживали. (Лѣтоп. Быховца, стр. 19; лѣтоп., изд. Даниловичемъ, стр. 49—50].

4) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 50.

нихъ, которыя упоминаются въ лѣтописи въ до-монгольское время: Каменецъ, Калюсъ, Микулинъ, Ушица, Бакота, встрѣчаются и во время литовскаго господства въ краѣ; въ послѣднемъ изъ нихъ, по сохранившемуся въ лѣтописи свѣдѣнію, уцѣлѣлъ даже древній монастырь [1]). Верховная власть надъ страною находилась въ рукахъ ордынскихъ темниковъ, кочевья которыхъ расположились, вѣроятно, въ степной полосѣ Подолія, къ югу отъ рѣкъ: Ягорлыка, Синюхи и Тясьмина [2]). Изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ свѣдѣній можно заключать, что та часть Орды, которая кочевала въ южномъ Подоліи, оставалась въ ней безсмѣнно и не мѣняла своихъ кочевій съ другими ордынскими колѣнами; власть темниковъ, начальствовавшихъ въ этой Ордѣ, была наслѣдственна, по крайней мѣрѣ литовскія лѣтописи называютъ татарскихъ владѣтелей Подолія, современныхъ Ольгерду, „отчичами и дѣдичами Подольской земли“ [3]). По видимому отношенія Орды къ славянскимъ жителямъ Подолія сложились въ неособенно тягостныя для послѣднихъ формы и даже татары подверглись значительному бытовому и культурному вліянію со стороны подвластнаго имъ населенія. Стрыйковскій, путешествовавшій 200 лѣтъ спустя по берегамъ Дуная, встрѣтилъ на Добруджѣ и около Силистріи татарское осѣдлое и земледѣльческое населеніе, большинство котораго говорило еще на славянскомъ языкѣ; татары эти указывали какъ на причину своихъ бытовыхъ особенностей, на то обстоятельство, что предки ихъ жили нѣкогда долго въ Подоліи, откуда изгнаны были на Добруджу Литовцами [4]). Одного изъ хановъ, побѣжденныхъ Ольгердомъ, называли Дмитрій, что даетъ поводъ предполагать, что онъ принялъ крещеніе [5]).

---

1) Лѣтоп. Быховца, стр. 19; лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 50.

2) Только южнѣе этой границы большинство рѣкъ, урочищъ и древнихъ поселеній носитъ татарскія названія; встрѣчающіяся только въ видѣ исключенія къ сѣверу отъ этой полосы.

3) Лѣтоп. Быховца, стр. 19; лѣтоп. изд. Данил., стр. 50.

4) Stryjkowski, т. II, стр. 7.

5) Трудно полагать, чтобы имя это явилось вслѣдствіе ошибки или извращенія при перепискѣ лѣтописи; оно повторено въ тождественной формѣ *Дмитрей* и въ лѣтописяхъ, изданныхъ Нарбуттомъ и Даниловичемъ, и въ рукописныхъ варіантахъ ихъ: Познанскомъ и Порѣчскомъ и у Стрыйковскаго, пользовавшагося еще въ XV столѣтіи списками тѣхъ же рукописей, и, наконецъ, въ Густинской лѣтописи.

Вѣроятно въ половинѣ XIV столѣтія Подольская Орда, вслѣдствіе общаго ослабленія Золотоордынскаго царства, отложилась отъ него; по крайней мѣрѣ немногочисленныя, дошедшія до насъ, лѣтописныя указанія говорятъ о татарскихъ начальникахъ Подолія какъ о независимыхъ владѣтеляхъ; изгнаніе ихъ Ольгердомъ не повлекло за собою, по крайней мѣрѣ въ первое время, столкновенія Литвы съ Золотою Ордою и передается лѣтописцами какъ событіе, имѣвшее только мѣстное значеніе. Задолго еще до завоеванія Подолія Ольгердъ находился въ сношеніяхъ съ татарскими князьями, управлявшими этою страною; между тѣмъ какъ попытка его вступить въ союзъ съ Золотою Ордою, окончилась въ 1349 году, какъ выше было указано, совершенною неудачею, мы встрѣчаемъ свидѣтельства о томъ, что въ тоже время, среди борьбы съ Польшею за Волынь, онъ пользовался помощью Татаръ. Эти татарскіе союзники Ольгерда, дѣйствовавшіе на перекоръ политикѣ хана Золотой Орды, могли быть только владѣтели, ближайшаго къ Польшѣ, вѣроятно уже тогда самостоятельнаго, Подольскаго улуса; предположеніе это тѣмъ болѣе правдоподобно, что для подольскихъ Татаръ война Литвы съ Польшею за Галицкое наслѣдіе не была безразлична: если Ольгердъ въ этой борьбѣ отстаивалъ права Любарта на Волынь и Галичъ, то подольскіе татарскіе владѣтели были не менѣе заинтересованы, такъ какъ польскій король заявлялъ претензіи и на Подольскую землю, какъ на бывшій Галицкій удѣлъ; естественно потому они должны были вступить въ союзъ съ Ольгердомъ и помогать ему въ войнѣ съ Поляками. Дѣйствительно подъ 1351 годомъ находимъ извѣстіе о томъ, что Ольгердъ заключилъ союзъ съ Татарами, предалъ въ ихъ власть Подоліе, которое польскій король считалъ своимъ владѣніемъ, и, вмѣстѣ съ ними, ходилъ опустошать занятыя уже Казимиромъ Галицко-русскія земли: Львовскую, Белзскую и Холмскую [1]).

---

1) Въ буллѣ папы Климента VI (отъ 14 марта 1351 г.) сказано: »rex infidelium Ruthenorum terras, in quibus possunt constitui septem episcopatus cum suo metropolitano, suae potestati subjecit, et Tatari, facta confederatione cum Lithuanis, dictas terras continue invadunt«. (Theineri—Monumenta Polon. т. I, стр. 531).—Кромеръ (De origine et rebus gestis Polonorum, стр. 209) говоритъ: »Tatari quoque per idem tempus, ab Olgerdo evocati, Russiam inferiorem, quae Podolia dicitur, quae et ipsa in Casimiri regis ditione jam erat, depopulati sunt.— Подробности о походѣ 1351 г. у Длугоша (стр. 1092).

Въ слѣдующемъ году Татары опять, вслѣдствіе приглашенія Ольгерда, опустошили Люблинскую землю [1]). Въ 1356 году Казимиръ долженъ былъ отправить посольство къ татарскимъ владѣтелямъ и задобрять ихъ подарками, чтобы отвлечь отъ союза съ Литвою; въ письмѣ къ магистру крестоносцевъ онъ утверждаетъ, что на предложенія его склонились семь татарскихъ князей и обѣщали ему помощь противъ Литвы [2]). Это непостоянство Татаръ подало вѣроятно Ольгерду поводъ къ войнѣ, результатомъ которой было присоединеніе Подолія къ великому княжеству Литовскому. Весьма мало подробностей этой борьбы сохранилось въ источникахъ: мы знаемъ только, что въ 1362 году Ольгердъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ тремя татарскими князьями: Кутлубугою, Хаджибеемъ и Дмитреемъ на берегахъ рѣки Синія Воды. Остатки разбитой имъ Орды удалились частью въ Крымъ, частью на Добуджу и Подоліе перешло подъ власть Литовцевъ [3]). Страна эта обнимала въ

---

[1]) **Rocznik Miechowski** (въ **Monumenta Polon. historica**—**Bielowski** т. I, стр. 885). Длугошъ, стр. 1096.

[2]) **Daniłowicz. Skarbiec etc.** т. I, стр. 196—197. **Voigt-Geschichte Preussens**, т. V, стр. 120—121.

[3]) Лѣтописи: Быховца, стр. 19; изданная Даниловичемъ, стр. 49; Никоновская, т. IV, стр. 5; Густинская; стр. 350. **Stryjkowski**, т. II, стр. 6—7. *Синія воды*—нынѣ Синюха, притокъ Буга, составляющій теперь границу губерній: Кіевской и Херсонской. Имя татарскаго князя *Хаджибей* указываетъ, можетъ быть, на подвластную ему мѣстность въ Подоліи: на мѣстѣ нынѣшней Одессы существовала до конца XVIII столѣтія укрѣпленная татарская гавань—Хаджибей;—изъ нея еще въ 1415 году Ягайло снабжалъ хлѣбомъ Константинополь, осажденный Турками (**Cromer. op. cit.** стр. 279). Въ 1362 г. *Кутлубуга* былъ „начальникомъ Крымской области" какъ видно изъ ярлыка Тохтамыша (Зап. Одесск. Общ. исторіи и древн., т. I, стр. 339). Относительно времени похода Ольгерда на Подоліе, мы послѣдовали указаніямъ лѣтописей Густинской и Никоновской, какъ единственно возможнымъ. Лѣтопись изд. Даниловичемъ не помѣтила года этого событія; лѣтопись Быховца относитъ его къ 1351 году, но хронологія всей лѣтописи совершенно произвольна и случайна, въ данномъ случаѣ противурѣчитъ выше приведеннымъ свидѣтельствамъ другихъ источниковъ. Наконецъ, Стрыйковскій относитъ битву на Синихъ водахъ къ 1331 году, между тѣмъ какъ самъ-же, разсказывая событія предшествовавшія этой битвѣ и послужившія поводомъ къ ней, помѣчаетъ ихъ 1357—1361 годами.

то время обширное пространство, въ составъ котораго входили, если оставить въ сторонѣ указанія не ясныя и сбивчивыя, слѣдующія земли: вся лѣвая половина бассейна Днѣстра, отъ устья въ него рѣки Серета до моря; весь бассейнъ южнаго Буга и нижняя часть водоема Днѣпра на правомъ берегу этой рѣки, отъ устья въ него рѣки Роси до моря [1]).

Вслѣдъ за покореніемъ Подолія Кіевское княжество должно было, въ свою очередь, признать надъ собою власть великаго княжества Литовскаго, котораго владѣнія окружали теперь Кіевщину со всѣхъ сторонъ. Занятіе Кіева, судя по единственному дошедшему до насъ, краткому,

---

1) До конца XVI столѣтія подъ именемъ Подолія разумѣли всю указанную территорію: По свидѣтельству Гильбера де Ляннуа, въ началѣ XV столѣтія Каменецкій староста Гедыголдъ управлялъ всею областью вдоль Днѣстра до моря и строилъ крѣпость на Днѣстровскомъ лиманѣ, противъ Аккермана (**Voyages de Guilbert de Lannoy**—изд. Лелевеля въ »**Materjały do dziejów Polski**«, стр. 414). Въ ярлыкѣ, которымъ Хаджи-Гирей уступалъ Витовду свои гипотетическія права на Русскія земли, Подоліе опредѣлено слѣдующимъ образомъ: „Подольскую тму со всими выходы, и съ даньми, и зъ землями, и зъ водами: Каменецкую тму, Браславскую тму, Сокалскую тму, Звенигородъ, Черкассы, Хаджибеевъ маякъ“ (Акты Западной Россіи, т. II, стр. 4).—Никоновская лѣтопись (т. IV, стр. 5), упоминая о битвѣ на Синихъ водахъ, говоритъ, что вслѣдствіе побѣды Ольгердъ завладѣлъ „Бѣлобережьемъ“; имя это изстари носило Днѣпровское порѣчіе отъ пороговъ до устья, по цвѣту извѣстковыхъ, бѣлыхъ, обнаженныхъ породъ почвы, среди которыхъ пролегаетъ русло рѣки. Наконецъ, польскіе писатели XVI столѣтія: Стрыйковскій (т. II, стр. 7 и 104), Бѣльскій (стр. 387), Кромеръ (**op. cit.**, стр. 348), Гвагнини (**Descriptio Sarmatiae Europeae**), упоминая о Подоліи, относятъ къ нему города: Каменецъ, Червоногродъ, Бакоту, Смотричъ, Скалу, Межибожъ, Браславъ, Винницу, Бѣлую церковь, Звенигородъ, Таговицу, Черкассы, Очаковъ.—Кромеръ въ »**Descriptio Poloniae**« (въ **Respublica Polon.** —изд. Эльзевировъ 1627 г., стр. 40—41 и 47—48) опредѣляетъ слѣдующими словами территорію Подолія: »**Nester fluvius Moldaviam et finitimam ei Podoliam dividit, idem, nisi fallor, limes est ejus ipsius Podoliae cum Bialogrodensi Turcarum ora; ut Nieper et Ponti Euxini sinus cum Tartaris Oczakowiensibus; aut certe cum utrisque incertus is est, ut diximus, propter vastitatem et solitudinem**« »**Orientale latus ejusdem (Rubrae) Russiae, ac tótius Poloniae claudit Podolia, ab aquilone et euro Albae Russiae, a cetero ortu vastis campis Tartaricis atque Turcicis a meridie vero Moldaviae confinens; totaque una satrapia censetur, quam Podolicam vocant**«.

лѣтописному свидѣтельству, произошло безъ борьбы; Ольгердъ смѣстилъ княжившаго здѣсь сподручника Орды, князя Федора, и отдалъ Кіевъ въ управленіе сыну своему Владиміру [1]). Обширную Подольскую область онъ предоставилъ въ удѣлъ четыремъ племянникамъ, сыновьямъ Коріата; объ этихъ новыхъ правителяхъ Подолія лѣтописи говорятъ, что они „вошли въ пріязнь со атаманы“ и немедленно занялись вооруженіемъ страны для защиты ея отъ Татаръ и постройкою съ этою цѣлью укрѣпленій, которыми они снабдили важнѣйшія поселенія: Смотричъ, Бакоту и Каменецъ [2]).

Такимъ образомъ Подоліе и Кіевская область вошли въ составъ великаго княжества Литовскаго. Ханы Золотой Орды, занятые внутренними смутами, не противудѣйствовали фактически этому событію, но, тѣмъ не менѣе продолжали причислять отпавшія земли къ числу своихъ улусовъ и, при первой возможности, готовы были возобновить за нихъ споръ съ Литвою. Одну изъ такихъ попытокъ отразилъ еще Ольгердъ въ 1373 году [3]), но окончательно споръ рѣшенъ былъ въ пользу Литвы только Витовтомъ въ началѣ XV столѣтія.

Гораздо болѣе упорную и продолжительную борьбу пришлось выдержать великому княжеству Литовскому за обладаніе Волынью; здѣсь Литва встрѣтила сильнаго противника въ лицѣ польскаго короля Казимира III, стремившагося подчинить себѣ всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда къ великому княженію Галицкому, на основаніи династическихъ счетовъ, по которымъ на Галицкое наслѣдіе заявили права князья Мазовецкіе переуступившіе ихъ своему сюзерену, польскому королю. Первый періодъ борьбы съ Польшею, какъ выше было указано, кончился перемиріемъ, заключеннымъ на два года, по всему вѣроятію въ 1347 году, между Ольгердомъ и всѣми Литовскими князьями съ одной стороны, королемъ Казимиромъ и Мазовецкими князьями: Земовитомъ и Казимиромъ—съ другой. Условія этого перемирія указываютъ, что въ спорѣ за Галицкое наслѣдство въ этотъ первый періодъ борьбы, преобладаніе было на сторонѣ Литвы: въ силу этихъ условій за Казимиромъ при-

---

1) Густинская лѣтопись, стр. 350.

2) Лѣтопись Быховца, стр. 19; лѣтоп. изд. Даниловичемъ, стр. 50.

3) Никоновская лѣтопись, т. IV, стр. 40: „Ходиша Литва ратью на Татарове, на Темирева, и бысть межи ими бой велій“.

знано было безспорное владѣніе только Львовскою землею; земли-же: Владимірская, Луцкая, Белзская, Холмская и Берестейская остались во владѣніи литовскихъ князей, которые, впрочемъ, обязались не строить въ нихъ новыхъ замковъ и крѣпостей; Кременецъ съ округомъ оставленъ былъ до истеченія срока перемирія во владѣніи Юрія Наримунтовича, который долженъ былъ держать ее, въ качествѣ спорной области, „отъ князей литовскихъ и отъ короля". Изъ дальнѣйшихъ статей перемирія явствуетъ, что обѣ спорившія стороны, помимо взаимнаго антагонизма между собою, опасались еще вмѣшательства въ споръ двухъ другихъ соискателей, предъявлявшихъ права на Галицкое наслѣдіе, соискатели эти были: съ одной стороны король Венгерскій, вспомнившій о томъ, что полтора столѣтія назадъ два венгерскіе королевича. Коломанъ и Андрей княжили нѣкоторое время въ Галичѣ; съ другой—ханы Золотой Орды, причислявшіе Галичъ къ числу зависимыхъ отъ нихъ земель; опасаясь взаимно соглашенія по Галицкимъ дѣламъ: поляковъ съ венграми и литовцевъ съ татарами, въ условія перемирія договаривавшіяся стороны включили слѣдующую, странную по видимому, статью: Литовцамъ предоставлено право помогать хану и его темникамъ, въ случаѣ войны ихъ съ Польшею, за исключеніемъ только тѣхъ походовъ татарскихъ, которые будутъ направлены на „Русь, што короля слушаетъ"; и обратно, король можетъ помогать венграмъ въ случаѣ войны ихъ съ Литвою, за исключеніемъ также того случая, когда венгерскій король „поидетъ на Русь, што Литвы слушаетъ" [1]).

По истеченіи срока перемирія, въ 1349 году, Казимиръ возобновилъ войну съ Литвою; этотъ второй періодъ борьбы продолжался до 1356 года, шестилѣтняя война, веденная обоими государствами весьма упорно, не дала рѣшительныхъ результатовъ въ пользу ни того ни другого. Вначалѣ значительныя силы, подготовленныя Казимиромъ, и быстрота его движеній доставили ему рѣшительный успѣхъ; онъ занялъ не только княжества Холмское и Белзское, но и всю Волынь съ городами: Владиміромъ и Луцкомъ и даже Берестье, принадлежавшее Литвѣ еще при Гедыминѣ. Сопротивленіе полякамъ оказалъ только одинъ городъ Холмъ, другіе-же города, какъ можно полагать на основаніи приведенныхъ выше условій перемирія, вѣроятно не были укрѣ-

---

1) Акты Западной Россіи, т. I, стр. 1—2.

плены и потому заняты были Казимиромъ безъ боя. Овладѣвъ Волынью, польскій король предложилъ Любарту ограничиться только однимъ Луцкимъ княженіемъ, въ качествѣ лена польской короны, во всѣхъ-же остальныхъ волынскихъ городахъ онъ поставилъ своихъ старостъ и намѣстниковъ и привелъ къ присягѣ на вѣрность себѣ русскихъ князей, владѣвшихъ мелкими удѣлами, зависѣвшими отъ Любарта [1]). Но литовскіе князья, захваченные въ первое время въ расплохъ, не отказались отъ борьбы вслѣдствіе первоначальной неудачи. Въ 1350 году, воспользовавшись внутренними смутами, возникшими въ Польшѣ вслѣдствіе борьбы короля съ духовенствомъ, Любартъ и Кейстутъ изгнали польскіе гарнизоны изъ Волыни и ея аннексовъ, разрушили замки, къ постройкѣ которыхъ приступилъ Казимиръ и, не ограничившись этимъ, перешли къ наступательному образу дѣйствій и опустошили землю Львовскую и нѣсколько коренныхъ польскихъ областей: Сендомирскую, Радомскую и Луковскую [2]). Казимиръ, утративъ всѣ пріобрѣтенія, долженъ былъ съизнова начинать завоеваніе Волыни; онъ позаботился заручиться для этой цѣли постороннею помощью: въ маѣ 1351 года булла папы Климента VI предписала польскимъ епископамъ провозгласить крестовый походъ противъ Литвы; затѣмъ другою буллою папа назначилъ Казимиру въ пособіе для войны съ язычниками десятую часть церковныхъ доходовъ [3]). Въ тоже время Казимиръ заключилъ договоръ съ Людовикомъ королемъ венгерскимъ относительно Галицкаго наслѣдства; въ силу этого договора венгерскій король отказался отъ своихъ притязаній на русскія земли въ пользу Казимира, съ тѣмъ однако условіемъ, что онъ сохранялъ право себѣ и своимъ наслѣдникамъ выкупить эти земли отъ наслѣдниковъ Казимира за 100,000 золотыхъ; въ случаѣ-же, еслибы Казимиръ умеръ, не оставивъ сыновей, то Людовикъ венгерскій долженъ былъ получить въ наслѣдство оба королевства: Польское и Русское [4]). Обезпечивъ такимъ образомъ за

---

1) Лѣтоп. издан. Даниловичемъ, стр. 170; Хроника Яна изъ Чарнкова (изд. Бѣлевскаго), стр. 629. Длугошъ, стр. 1087—1088.

2) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр 630. Длугошъ, стр. 1090, 1092.

3) Daniłowicz—Skarbiec etc., т. I, стр. 192. Theineri—Monumenta Polon., т. I, стр. 531, 533.

4) Stadnicki—Synowie Gedymina, т. II, стр. 231—232. Текстъ договора напечатанъ здѣсь по рукописи, хранящейся въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ.

собою, въ томъ или другомъ случаѣ Галицкое наслѣдство, венгерскій король долженъ былъ оказать Казимиру дѣятельную помощь для того, чтобы исторгнуть это наслѣдіе изъ подъ власти литовцевъ, и принялъ участіе въ его походѣ на Волынь. Съ своей стороны Ольгердъ вступилъ въ союзъ съ татарскими владѣтелями Подолія. Такимъ образомъ война приняла болѣе значительные размѣры и затянулась еще на пять лѣтъ. Вначалѣ успѣхъ былъ опять на сторонѣ польскаго короля: венгерцы поразили татаръ, и, соединившись съ поляками, заняли Волынь; Кейстутъ взятъ былъ въ плѣнъ союзниками, изъ котораго впрочемъ вскорѣ убѣжалъ; Любартъ, осажденный въ Луцкѣ, съ трудомъ спасся отъ такой же участи. Но вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ: венгерское войско возвратилось домой, на выручку же братьямъ явился Ольгердъ. Литовцы подъ предводительствомъ Ольгерда, Кейстута и Любарта и съ помощью татаръ предприняли рядъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу и Мазовію, вытѣснили опять польскіе гарнизоны изъ Волыни и въ свою очередь попытались овладѣть Галицкою землею: въ 1354 году Любарту удалось взять городъ Галичъ, но онъ не могъ удержать его, и потому разрушилъ замокъ, ограбилъ купцевъ и отступилъ на Волынь [1]). Съ 1356 по 1366 годъ прекращаются свѣдѣнія о военныхъ походахъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны; вѣроятно между Ольгердомъ и Казимиромъ заключено было новое перемиріе, свѣдѣнія о которомъ не сохранились въ источникахъ; о существованіи замиренія Литвы съ Польшею въ то время свидѣтельствуетъ дошедшій до насъ, отдѣльный договоръ, заключенный Кейстутомъ, отъ имени Ольгерда и другихъ князей литовскихъ, съ Мазовіею, опредѣляющій точно границы этой страны съ Гродненскимъ удѣломъ [2]). Изъ послѣдующихъ фактовъ явствуетъ, что въ этотъ промежутокъ времени владѣнія обоихъ государствъ оставались въ томъ же видѣ, въ какомъ были передъ войною: Любартъ владѣлъ Луцкомъ, Владиміромъ и Холмомъ; Юрій Наримунтовичъ—Белзомъ и Кейстутъ—Берестьемъ.

Въ 1366 году Казиміръ предпринялъ третью войну съ цѣлью

---

1) Длугошъ, стр. 1093—1097. Cromer., op. c., стр. 209.

2) Daniłowicz. Skarbiec etc., т. I, стр. 198. Inventarium privilegiorum, litterarum, diplomatum, quaecunque in archivo regni in arce Cracoviensi continentur, confectum anno 1682. Парижъ 1852, стр. 343.

покоренія Волыни. Послѣ вторженія въ Белзскую землю, Юрій Наримунтовичъ, не имѣвшій достаточныхъ силъ для защиты этой области, принесъ Казимиру присягу на вѣрность и получилъ отъ него въ ленъ Белзъ и Холмъ. Затѣмъ польское войско заняло Владиміръ, Луцкъ и Олеско[1]). Ольгердъ принужденъ былъ согласиться на миръ, который заключенъ былъ на слѣдующихъ условіяхъ: земли Белзская и Холмская остались во владѣдіи Юрія Наримунтовича, въ качествѣ пожизненнаго леннаго владѣнія, зависѣвшаго отъ Польши; Владиміръ и Кременецъ получилъ также въ качествѣ польскаго лена, отличавшійся своею преданностью Казимиру, князь Александръ Коріятовичъ; во всѣ замки названныхъ земель, помимо ленныхъ владѣльцевъ, король поставилъ свои гарнизоны и назначилъ польскихъ старостъ; Любартъ остался во владѣніи своего наслѣдственнаго Луцкаго удѣла, къ которому присоединены были нѣкоторые округи, тянувшіе прежде къ Владиміру; наконецъ, польскій король отказался отъ всякихъ притязаній на Берестейскую землю и призналъ ее неотъемлемою собственностью Кейстута[2]). Статьи этого договора представляли только полумѣры, не рѣшавшія окончательно спорнаго дѣла, война вспыхнула потому вслѣдъ почти за его заключеніемъ: уже въ 1368 году Кейстутъ опустошалъ Мазовію и сжегъ городъ Пултовскъ[3]), а въ 1370 году Любартъ, Кейстутъ и Юрій Наримунтовичъ, воспользовавшись временемъ междуцарствія послѣ смерти Казимира, осадили Владиміръ; владѣлецъ этого княжества—Александръ Коріятовичъ, находился тогда въ Краковѣ, польскій же староста, Петръ Турскій, сдалъ замокъ безъ боя литовскимъ князьямъ, которые немедленно срыли до основанія каменныя укрѣпленія, воздвигнутыя по приказанію Казимира; война продолжалась затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ видѣ опустошительныхъ набѣговъ Литовцевъ на земли: Люблинскую, Сендомирскую и Краковскую[4]). Наконецъ, въ послѣдній годъ княженія Ольгерда оконченъ былъ этотъ многолѣтній споръ за обладаніе Волынью. Въ 1377 году наслѣдникъ Казимира, король Лю-

---

[1]) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 631. Длугошъ, стр. 1149—1151.

[2]) Naruszewicz, т. IX, стр. 245—247; договоръ извлеченъ авторомъ изъ королевскаго архива.

[3]) Длугошъ, стр. 1154.

[4]) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 643—644 и 674—675. Длугошъ, книга X, стр. 2—4 и 32—33.

довикъ, предпринялъ походъ на Волынь съ многочисленнымъ польскимъ, и венгерскимъ войскомъ. Польское ополченіе взяло Холмъ и, соединившись съ венграми, осадило Белзъ. Во время этой осады затянувшейся на довольно продолжительное время, при посредствѣ Кейстута заключенъ былъ договоръ между Ольгердомъ и Людовикомъ, опредѣлившій то распредѣленіе Галицкаго наслѣдія между его соискателями, которое удержалось въ послѣдующее время въ качествѣ окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. Удѣлы: Берестейскій, Владимірскій и Луцкій признаны были принадлежащими Литвѣ, земли же: Холмская и Белзская отошли къ Польшѣ; Белзкимъ удѣломъ долженъ былъ владѣть пожизненно на ленномъ правѣ Юрій Наримунтовичъ [1]). Дѣйствительно, только въ 1388 году, послѣ его смерти, Белзское княжество отдано было въ ленъ князьямъ Мазовецкимъ, которые и владѣли имъ до 1462 года.

Договоръ этотъ, утвердившій Волынь за великимъ княжествомъ Литовскимъ, былъ послѣднимъ дѣломъ Ольгерда на пути объединенія западно-русскихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ фактомъ его княженія. Въ томъ же году (1377) скончался этотъ великій князь Литовскій, широко раздвинувшій предѣлы своего государства: отъ Балтійскаго до Чернаго моря—въ одну сторону; отъ Угры, Оки, и истоковъ Сейма до западнаго Буга—съ другой. На этомъ обширномъ пространствѣ, среди многочисленныхъ земель, заселенныхъ разными вѣтвями русскаго народа, едва сталъ замѣтенъ небольшой уголъ государства, занятый населеніемъ, принадлежащимъ къ Литовскому племени, составившій нѣкогда то первоначальное ядро, около котораго собрались постепенно всѣ южныя и западныя русскія земли. Русская народность преобладала со времени княженія Ольгерда и въ численномъ, и въ территоріальномъ отношеніяхъ и по своей культурной выработкѣ должна была безспорно занять господствующее мѣсто въ государствѣ, которое продолжало называться великимъ княжествомъ Литовскимъ, но на дѣлѣ стало съ конца XIV столѣтія во всѣхъ отношеніяхъ великимъ княжествомъ Западно-Русскимъ.

---

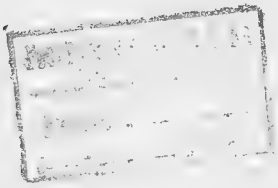
1) Хроника Яна изъ Чарнкова, стр. 678—679. Длугошъ, книга X, стр. 35—36.

Замѣченныя опечатки.

—

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
11	5—6	ятвяжескія. . . .	ятвяжскія
14	23	1292	1293
15	10	заставили	заставили
16	8	Монгололъ. . . .	Монголовъ
18	28	въ началѣ XII в. .	въ началѣ XIII в.
21	примѣчаніе 7	харат. см. . . .	харат. сп.
26	послѣдняя	430	530
28	7	Динила	Данила.
—	7	спастя	спасти.
35	22	умѣло	успѣло
36	примѣчаніе 7	Danitowicza . . .	Daniłowicza
41	примѣчаніе 32	nobiceum	nobiscum
50	4	Монтвида	Монвида
52	32—33	разсвазъ.	разсказъ
59	33	внукъ	племянникъ
65	23	южные	южнѣе
75	11	грамогу.	грамоту
76	послѣдняя	qnae.	quae
81	примѣчаніе 3	Kajalowicz. . . .	Kojałowicz
89	12	гусударству . . .	государству
91	послѣдняя	соображеніе . . .	соображенія
95	19	ніянственнаго. . .	піянственнаго
101	примѣчаніе 5	tu von eris . . .	tu non eris
106	12	нападевіе	нападеніе
126	6	всои	свои
129	3	Пшагивъ	Пшаги въ
—	6	посадника	посадникъ
—	10	посадники	посадника
—	13	удалился литовской.	удалился изъ литовской
131	26	квяженію	княженію
132	5	Смолянской . . .	Смоленской
134	10	Брянскъ	Брянскѣ
—	13	брянскъ.	Брянскъ

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
242	3	1257.	1357
143	Примѣчаніе 7	Ярославовичу . . .	Ярославовичу
144	1	въсоставъ	въ составъ
145	Примѣчаніе 8	вздя	взя
147	23	Доброджу	Добруджу
148	12	средя	среди
149	13	Добуджу	Добруджу
—	Примѣчаніе 13	1362	1382
150	Примѣчаніе 27	Tarcicis	Turcicis



АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.